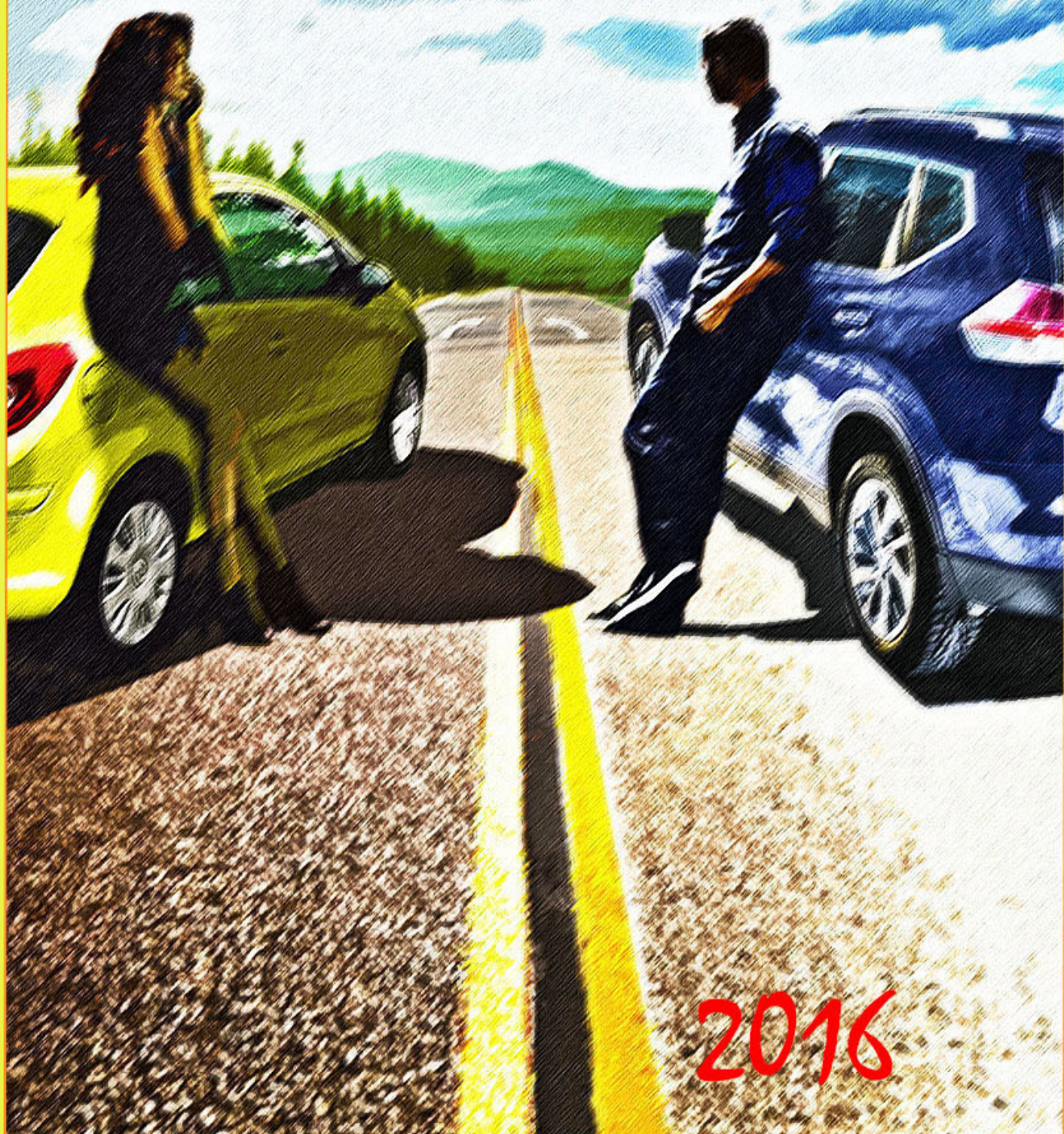

Наталья Матвеева

Минус всей моей жизни

2016

Наталия Матвеева

Минус всей моей жизни

«Автор»

2016

Матвеева Н. А.

Минус всей моей жизни / Н. А. Матвеева — «Автор», 2016

Разгадать загадку человеческих взаимоотношений нелегко, а порой, невозможно. Вчера была радость при встрече или, наоборот, раздражение, а сегодня?.. И что предпримет обычная девушка Евгения, чтобы изменить глубокую неприязнь своего нового начальника-тирана по отношению к себе? Сможет ли она доказать ему, что красота человека определяется не его внешностью, а моралью, целями и жизненными принципами? И к чему приведет ее отважный порыв, когда ее главным попутчиком на жизненном пути вечно оказывается виртуозное умение притягивать к своей персоне множество мелких неприятностей?..

© Матвеева Н. А., 2016

© Автор, 2016

Наталья Матвеева
Natamatveeva89@mail.ru

Минус всей моей жизни

Роман

Ты в жизни своей – словно бешеный ветер,
Несешься в тумане чуть пыльных дорог,
А сзади – лишь мгла, впереди – серый пепел,
И что ты забыл в дымке подлых болот?
А я лишь задумчивой тучей летала,
Пытаясь вскопать грядки смысла во лжи,
И чуть не забылась, и чуть не устала,
Когда в мою душу врывается ты.
В сомненья, в печали, в тоску ты вгоняешь,
Ты рвешь меня в старые, жалкие клочья,
А я вдруг в безумстве твоём увидала
В конце предложенья судьбы многоочие.
И плох ты, возможно, для всех во всем свете,
Но я ослепилась одним лишь тобой,
Глаза мои смотрят, душа вся трепещет,
И сердце к тебе лишь стремится стрелой.
И боль сокрушает, и смысла не вижу,
Но есть ли в сердечной пружине хоть он?
Без цели, без умысла, без компромисса
Лишь ты – моя жизнь, мой волшебный покой.
И как позитрон, я стремлюсь к электрону,
Бороться с природой нет сил у меня,
И каждый мой шаг от тебя – словно омут,
Сжигающий мукою в пасти огня.
И пусть растворюсь я в своих убеждениях,
Заборы из принципов выстрою я,
Запутаюсь, сгину, исчезну в мученьи!
Но буду любить до исходного дня.
Ты – горный ручей в моей зыбкой плотине,
Ты – крик белой чайки в небесной заре,
Не жажда, не жалость, не зов одинокий,
А чувственно-нежное движет во мне.
И пусть мрак тоннеля сотрет мои линии,
Пусть море отчаянья схватит меня,
Но не откажусь, не порву, не покину,
И сердце мое бьется вновь для тебя.

Часть 1. Взаимное отталкивание

Глава 1. «Плюс»

Жизнь каждого из нас состоит из достижения определенных целей. Большие или маленькие, призрачные и заоблачные, а может, вполне себе приземленные и явственно различимые, они, как цветы, расцветают на нашем пути, манят нас своей красотой, верой в утопическое будущее, указывают нам направление нашего движения.

Кто-то смотрит в небо, мечтая познать то, что выходит за рамки нашего понимания, мечтая прикоснуться к чему-то великому и неизведанному, оттолкнувшись от земной рутины и совершенно не обращая внимания на то, что пока он, этот самый кто-то, смотрит в небо, его замечательный, и, может быть, даже когда-то чистый, башмак уже раз эдак тридцать наступил в самую невеликую, но уже изведанную им достаточно, грязь.

Кто-то смотрит в себя, копаясь в своих комплексах, ведя непрерывную борьбу с самим собой, своими недостатками, и мечтая уничтожить в себе греховность, так сказать, вырвать с корнем, но все-таки, каждый раз терпит поражение и начинает заново, сражаясь в конечном итоге лишь с собственной ленью, парализующей волю без остатка...

А кто-то смотрит по сторонам, мечтая иметь все на свете (или, правильнее выразиться, мечтая иметь «весь свет»?): хорошую машину, просторную квартиру, недостижимую должность и безграничную власть (ну, почти как у президента, или ДАЖЕ больше, чем у президента, президент-то у нас кто? Всего-лишь президент, а вот «властелин» звучит гораздо изысканнее!), что в результате сводится лишь к одной-единственной самоцели – заработать столько денег, чтобы бассейн с золотом Скруджа Макдака из известного всем диснеевского мультфильма стало завидно. И как бы мы, в конечном счете, ни жили, к чему бы ни стремились, зарабатывание денег, как ни крути, тоже тихонечко вписывает себя в наш «целевой» список под лозунгом «мечты-мечтами, но зачем они нужны, если ты, весь такой благородный и духовный, помрешь с голоду как какой-нибудь верблюд без саксаула?»

Жизнь каждого состоит из достижения целей. Они наполняют ее смыслом, заставляют нас становиться безрассудными и мечтательными в упорном стремлении достичь их, освещают наши сердца огнем... Так думала Женя Зябликова, торопливо шагая по извилистой тропинке парка отдыха, который служил отличным приспособлением к тому, чтобы срезать путь до дома. Радостно глядя на унылый осенний пейзаж вокруг, характерный для абсолютно каждого сентября каждого года в этом городе, она, уверенно шлепая по утонувшей в грязи и лужах, песчаной (это летом песчаной и очень радужно-желтой и манящей для сотен тысяч пар кед и сандалий, а сейчас просто грязной каше-малаше) дорожке, собирая симпатичный гербарий из раскисших листьев на высокие, тонкие каблуки своих кожаных сапожек, улыбаясь, сияя с ног до головы, чего нельзя сказать о поникших деревьях и серой, кислой, как аскорбиновая кислота вперемешку с лимонным соком, траве.

Женя была воодушевлена своей маленькой победой. Одна из целей ее немного странной, до сих пор какой-то сумбурной и не совсем последовательной, жизни была достигнута: Женю взяли на работу. Секретарем руководителя в одну производственную фирму под интригующим названием ЗАО «Черный полюс». Как полюс может быть, помимо северного и южного, еще и черным, девушка не задумывалась, да и о том, чем, собственно, занимается этот самый «Черный полюс», кроме того, что производит «что-то там» из разряда «чего-то там» для Министерства обороны нашей страны, пока что, тоже. Завтра будет первый рабочий день, и она сможет поподробнее обо всем узнать...

А сейчас, шагая в уже до колен заляпанных грязью сапогах, чувствуя, как на лицо потихоньку начинают падать первые холодные капли тоскливого осеннего дождя, Евгения думала о том, как поскорее сообщит радостную новость родителям и младшей сестренке.

Кто-то (возможно из тех, кто стремится выстраивать лабиринты из денежных пачек в своих десятикомнатных квартирах) может подумать, что девчонка просто не в своем уме: радоваться не очень денежной, не очень высокоинтеллектуальной, не очень престижной работе секретаря на полставки в какой-то Богом забытой, никому не известной компанейке или фирмочке, и это в полных двадцать пять-то лет! Не самый маленький, прям скажем, возраст для женщины... Пора бы уже и по карьерной лестнице продвинуться, и семью завести, и на ноги встать так уверенно, что ни один комбайн тебя с этой земли грешной не опрокинет лицом в размытую ненастьем российскую дорожку, но...

Жизнь Евгении складывалась иначе.

Ей нужна была работа, о да, конечно, ей нужны были деньги. У нее было высшее образование номер один: пять лет в институте и гордое звание социального работника в красном дипломе... Раз ей нужны были деньги, то для чего пять лет она училась на специальности «социальная работа», спросите вы? Ответ прост: Женя и сама не знала. В тот момент ей вдруг ужасно захотелось стать кем-то, кто сделает этот мир лучше (а разве вас не посещала подобная идея в восемнадцать лет?), кем-то, кто принесет реальную пользу, кто окажет необходимую и посильную помощь нуждающимся... А как стать политиком или депутатом бедная Женя как-то не очень понимала... В этой ситуации ее, такую добрую и открытую для бесконечного и усердного выплеска альтруизма из своего сердца, такую маленькую и наивную, приютил под свое великодушное крыло гуманитарный факультет при университете, открыв перед девушкой дорогу в мир спасения пожилых людей от одиночества, детей из неблагополучных семей от голода и других неприятностей, малоимущих с ограниченными способностями и прочее, прочее...

Однако, по прошествии пяти лет, Женька вдруг поняла, что устроиться по специальности в своем небольшом и не очень дружелюбном по отношению к таким «специфичным» и отнюдь не слишком современным и продвинутым профессиям городе ей ну никак не удастся. Тогда и всплыл на горизонте новый спасительный огонек и заочное отделение факультета юриспруденции того же «Альма-матер», что и подарил ей гордое звание «социального работника».

Но деньги девушке и ее семье по-прежнему были нужны... А значит, необходимо было всерьез взяться за поиск работы. В любом городе, не только большом, возникают трудности совмещения работы и обучения. В ущерб себе и своим занятиям, которые Жене периодически приходилось прогуливать, а потом «подтаскивать» хвосты и заниматься бесконечными пере-сдачами зачетов и экзаменов, девушка успела поработать и барменом в ночном клубе, и менеджером в туристической фирме, и продавцом в магазине рыболовных снастей... Но с учебой начался кавардак, а денег по-прежнему было недостаточно...

И вот, неожиданно, как гроза во время зимы, на отчаявшуюся Женьку вдруг свалилось счастье: генеральному директору этого самого «Черного полюса» нужен был второй секретарь, потому что первый секретарь страдал той же самой тяжелой болезнью, что и наша Женя – заочным обучением в институте. Деньги были обещаны неплохие, и девушка, поживаясь от холода и плотнее кутаясь в короткую синтепоновую курточку персикового цвета, уже мечтала, как распорядится своей первой зарплатой...

После серо-грязно-желто-красного парка Женя вышла на запруженную городскую улицу и, открыто глядя на угрюмые лица прохожих, прячущиеся под зонтиками, нырнула в неприметный, самый обыкновенный двор девятиэтажек конца советского и начала российского периодов, в котором раньше можно было с главной улицы разглядеть железные, сваренные чьей-то доброй рукой качели, вмещающие, если очень постараться, не двоих, а сразу троих детей, песочницу под крышей, покрашенной в цвет мухомора с белыми пятнами, которая сейчас облупилась до такой степени, что невозможно было разглядеть, где мухомор, а где сами пятна, и лавочку, как магнитом притягивающую на свое деревянное сиденье не только молодых мамочек с колясками, но и довольно неопрятных, безработных и, зачастую, не очень вежливых личностей, преимущественно со сморщившимися лицами, синими носами и красными, расфокусированными глазами, фокусирующимися только на одном важном предмете жизнедеятельности – бутылке.

Теперь же всю эту доброту местного ЖКХ невозможно было лицезреть из-за припаркованных то тут, то там, автомобилей, торчащих из самых, казалось, невозможных для парковки мест и уголков двора семиподъездного, напоминающего по форме букву «П» дома, с удовольствием газующих по утрам под окна первых этажей и оставляющих для проезда маленькую, узенькую щель, в простонародье именуемой «дорогой к дому».

Протиснувшись между чьих-то тонированных «в полный ноль» «Жигулей», давно уже мечтающих об автомобильном рае на автомобильном кладбище, но так заботливо «оттюнингованных» дорогушим углеродным капотом, большой выхлопной трубой, которая могла бы по своему диаметру служить домиком для белок, и «спойлером» на багажник, занимавших место по одну сторону дорожки, и огромной (особенно по сравнению с «Жигулями») «Тойотой Лэнд Крузер» абсолютно черного, блестящего в любую погоду, цвета с другой стороны, припаркованных не где-нибудь, а у самого входа во второй подъезд (где, собственно, и жила Женя с семьей), оставив между друг другом заботливое расстояние на одну (при чем, не самую широкую) детскую коляску (близнецы исключаются), Женя, наконец, вошла в помещение, отметив про себя, что домофон опять не работает, а дверь снова открывается на удивление легко: видимо, чья-то умная, а главное – трезвая нога решила избавить жителей от необходимости напрягать руки при входе и выходе, сорвав петли со всего, что можно, одним удачным пинком.

Поднявшись на восьмой этаж, где, помимо квартиры 78, куда Женя и держала свой путь, удобненько разместились еще две двери под номерами 77 и 79, завершая небольшое пространство лестничной клетки, девушка остановилась, немного порывшись в сумке в поисках ключей, а затем, нисколько не задумываясь, этими же ключами звонко постучала по двери номер 77 и, не дожидаясь, пока ей кто-нибудь откроет, прошла к своей квартире, ловко отворив дверь этими же ключами и войдя внутрь, оставив дверь незапертой и устроив гудящий, с шумом и свистом, промозглый и мощный сквозняк.

Обычная тесная прихожая трехкомнатной квартиры, переходящая в удлиненный, узкий коридор, из которого первая дверь направо вела в кухню, вторая дверь направо – в гостиную, третья дверь направо – в комнату Жени и ее сестренки, четвертая дверь... Боже, Боже, сколько же дверей!.. Четвертая дверь, только теперь прямо, – в ванную комнату, а пятая дверь налево (да, да, квартирка – шик! На целых две стороны окна выходят!) – в спальню родителей, встретила девушку также, как и шум пылесоса (о, мама уже дома!), звуки телевизора из гостиной (папа) и детские девичьи крики из их с сестрой комнаты (Полина), сообщающие восхитительную новость о том, что вся семья Жени в полном составе уже находится дома.

Скинув, как попало, грязные сапоги в угол прихожей, Женька торопливо сняла куртку и, все еще продолжая улыбаться, мельком глянула на себя в зеркало, висящее по левую сторону от нее, заботливо украшенное бумажными цветочками, раскрашенными фломастерами, и демонстрирующее ее во весь рост.

На нее посмотрела обыкновенная девушка двадцати пяти лет, с кудрявыми, пышными, абсолютно не поддающимися никакому колдовству, легкими и мягкими волосами темно-рыжего, напоминающего своим блеском и оттенком ржавчину на раковине или потемневшую от времени бронзу, цвета, которые спадали на ее спину и плечи, создавая огненный ореол вокруг ее лица и головы, выделяя тем самым в толпе привычных нашему глазу каштановых, светло- или темно-русых волос; темные (не в пример волосам), длинные и густые ресницы обрамляли глаза странного и редкого, фиалкового* цвета, ставившие в тупик как родителей Жени, которые недоумевали, откуда у их дочурки могли взяться такие глаза и не происки ли это представителей внеземных цивилизаций, так и всех, кому по той или иной причине выпадало неимоверное счастье хоть раз в своей жизни посмотреть девушке в глаза, неизменно сохраняя и поддерживая сложившуюся с детства традицию начинать разговор с ней с порядком осто-чертевшей Женьку фразы: «Ух ты, это у тебя что, контактные линзы такие? Глаза?!? Ну ни фига себе!...», или близких к тому вариаций в зависимости от интеллектуального уровня собеседника... Но мы отвлеклись, а в зеркале, ко всему прочему, отражалась довольно неплохо сложенная, стройная и аккуратная фигура в синем строгом платье с длинным рукавом, которое эффективно подчеркивало ее достоинства (с точки зрения самой Евгении одно – длинные, стройные ноги) и скрывало недостатки (с точки зрения Жени – да все остальное!), выделяя девушку ростом в, ни много ни мало, сто семьдесят сантиметров.

Ах да, помимо высокого, шпалообразного роста и ржавых, непослушных волос, да фиолетово-сиреневых глаз, Женя была еще и счастливой обладательницей белоснежной бархатистой кожи и... веснушек.

Как же она их не любила! Зимой или в холодное и пасмурное время года (кое бывает и весной, и летом в наших краях) веснушки неясными, рыжими точками мило покрывали лишь нос и немного щечки девушки, становясь почти незаметными, такими призрачными постоянными пассажирами, но как только выглядывало солнце... Вместе с загаром Женя получала еще и бесплатный подарок в виде веснушек на руках, плечах, даже на шее и зоне декольте... Что очень смущало ее, не смотря на заверения мамы о том, что «она становится настоящей русской красавицей! Такой милой и нежной, словно барыня из восемнадцатого века!...» Мда. Схожесть с какой-нибудь столбовой дворянкой из сказки о рыбаке и рыбке Женька, уж как-нибудь, переживет, а вот все остальные «дары природы»...

Но сейчас она просто улыбалась, правда настолько рьяно, что ее челюсть, вопреки анатомическим возможностям тела человека, стремилась выскочить наружу (может, захотела полежать в каком-нибудь цветастом стаканчике?), да так активно, что Жене приходилось ее сдерживать, и, осмотрев себя придиричивым фиолетовым глазом, девушка звонко крикнула вглубь квартиры:

– Мам! Я дома! Ищи меня в кухне!

И под чарующие звуки затихающего пылесоса, обнажившие электрическому свету другие, не менее прелестные звуки эмоционального и зычного голоса комментатора вперемешку с шумом трибун из гостиной, и непринужденной, детской болтовни из спальни, Женька прошествовала через первую дверь направо, войдя в небольшую, но блестящую чистотой уютную кухоньку, главной гордостью которой был дубовый обеденный стол на резных толстых ножках, накрытый розовой скатертью и окруженный четырьмя такими же потрясающими дубовыми стульями (стиль, однако!) с витиеватыми, украшенными деревянной резьбой спинками и такими же невероятными, испещренными тонкими и сложными узорами ножками. Этот стол и стулья, как и многие другие предметы мебели в доме, являлись плодом неиссякаемого творческого порыва и выплеска таланта и были выпилены умелыми руками дедушки Жени, Петром Кузьмичом, папой ее папы и сталеваром по профессии. Его квартира напоминала Жене и Полине, частенько приезжавшим к нему в гости, целую мастерскую: кругом доски, торчавшие и из-за штор, и из-под мягкой мебели, и даже готовые выпрыгнуть тебе на голову, если вдруг тебя посетит мысль глянуть за межкомнатную дверь, а на полу, помимо полосатого линолеума, – неизменные опилки, грозящие вцепиться в ногу при любом, удобном случае, а с ними за компанию различные лобзики для резьбы по дереву то там, то здесь, и груды начатых, но пока еще неоконченных произведений деревянного искусства в виде рамок для фотографий, отдельных ножек для столов, диванов, кресел и прочей мебели и даже наполовину оформленные, но оставленные до счастливого момента возвращения шальной и непостоянной подружки-музы деревянные картины...

Находясь в этой творческой, покрытой древесной пылью атмосфере, наполненной, ко всему прочему, восхитительным запахом свежесрубленных деревьев и синтетическим (хоть и не очень приятным, но тоже являющимся неотъемлемой частью сей же волшебной сказки) ароматом лака, Женя восхищенно понимала, что минуту назад шагнула совсем в иную жизнь... Особенную, непредсказуемую, похожую на скачки давления в атмосфере, далекую от их семейных проблем и ее личных переживаний, где есть лишь полет фантазии и свобода души, где границы и рамки раздвигаются до бесконечных размеров, и такими родными и любимыми руками может быть рожден любой образ, любая вещь, несущая в себе теплую, едва уловимую, но такую светлую и добрую энергетику деда...

Помимо стола и стульев на кухне присутствовал еще и белый гарнитур в компании с гигантским исполином – двухметровым холодильником с двумя холодильными и двумя моро-

зильными камерами (как шутил сосед Жени и ее друг детства по совместительству – для длительного и беспрепятственного хранения трупов), супер-функциональная плита, на которую ушла когда-то вся папина зарплата за один печальный для папы, но такой счастливый для мамы Жени день, и окно без штор, выходящее в тот самый, забитый битком автомобильным хламом двор и демонстрирующее пепельные, тяжелые, как груз ответственности при минимальных способностях, тучи.

Женька весело бросила свои пятьдесят пять килограмм на ближайший стул и, схватив яблоко с блюда, любезно задержавшегося на столе, с огромным наслаждением откусила почти половину, громко хрумкая на всю кухню. Этот счастливый шум, однако, был немедленно прерван.

– Женья! Ну зачем?? – раздался укоряющий голос из-за дверей, и в кухню суетливо вошла мама – Дарья Федоровна Зябликова, в синем домашнем халате на пуговицах, мягких красных тапочках с изображением золотого коня, вставшего на дыбы (кажется, китайцы очень даже неплохо постарались, чтобы слизать изображение с всемирно известного итальянского лейбла), и пестрым полотенцем на голове, скрывающим такие же рыжие, как и у дочери, но только коротко стриженные кудряшки, подкрашенные в свой естественный цвет и сейчас, судя по всему, вдобавок еще и чисто вымытые.

Мама, в отличие от старшей дочери, была ниже ростом, с полноватой фигурой и круглым, открытым лицом, всегда непременно располагающим к себе своей доброжелательностью и немного озорной улыбкой, говорящей лишь о том, что в ее голове зреет очередная милая шутка, но при этом мама, как никто другой, умеющая внести в атмосферу их домашнего очага такую необходимую всем домочадцам ласку, тепло и уют, умело и тщательно скрывала за положительными эмоциями те внутренние страдания и тяжелые переживания от всех проблем и бед, свалившихся на ее плечи и продолжающих на них лежать до сих пор, напоминая высокую кирпичную пирамидку.

Вопросительно подняв брови и пытаясь казаться строгой, мама выразительно посмотрела своими смеющимися карими глазами на жалкую половину яблока в руках у дочери и уперла руки в бока.

– Зачем? Я приготовила такую шикарную утку с гарниром из овощей-гриль, полдня тут, понимаешь, на кухне дымила, даже вон, у твоего отца футболка насквозь грилем пропахла, а ты перебиваешь аппетит какими-то яблоками?! Женька, ну сколько можно тебе говорить? Как маленькая, ей Богу... Сначала поешь, а потом уже...

Удрученно качая головой, мама прошла к холодильнику и принялась ловко выуживать оттуда сковородки и кастрюли, битком набитые вышеупомянутыми вкусностями, и от их, пока еще, холодного аромата Женька услышала громкую и жалобную мольбу своего желудка.

Дело было в том, что мама Жени Дарья Федоровна работала поваром в одном из самых дорогих французских ресторанов города под названием «Бонапарт». Поскольку меню включало в себя блюда не только французской, но и итальянской, и русской, и даже такой популярной и излюбленной молодежью города азиатской кухни, то Дарья Федоровна была просто великолепна не только в приготовлении различного рода жульенов или фондю (хоть фондю и швейцарское блюдо, но во Франции его тоже с огромным аппетитом едят), но и в борщах и пельменях, за что ее любило не только семейство, но и жители всего подъезда, «вынюхивающие» блаженные ароматы из своих квартир, начиная чуть ли не с первого этажа, и периодически выстраивающиеся в очередь под дверь благодушного и щедрого повара 78 квартиры с контейнерами в руках, чем ужасно раздражали воинственного мужа Дарьи Федоровны и главу их маленькой, но дружной семьи. Этим и объяснялось наличие огромного холодильника и многофункциональной плиты в обычной трехкомнатной квартире людей среднего достатка, а также принципиальность матери в отношении всех приемов пищи ее любимого мужа и двух дочерей.

Женька хихикнула, посмотрев на сковородки, пристроенные на плиту для процесса согревания волшебных яств, и с полным ртом пробухтела:

– Да ладно, мам! Неужели ты и вправду думаешь, что какому-то яблоку под силу отбить желание наброситься с ножом и вилкой на твою восхитительнейшую утку и съесть разом всю сковородку, не прерываясь при этом даже на такую банальную вещь, как дыхание? Тем более, надо как-то желудок к твоим шедеврам подготовить, а то он может очуметь от такой вкусоптищи и бросить мое брэнное тело ради твоих кастрюль!

Дарья Федоровна заулыбалась, услышав очередной комплимент своему кулинарному мастерству, и махнула полотенцем, невесть откуда взявшимся в ее руке:

– Ой, ну вечно ты наговоришь, Женька! Ладно, никуда твой желудок не денется, лучше расскажи – как там твое собеседование?

С трудом прожевав яблоко, Женька ослепительно улыбнулась и подмигнула маме:

– Супер! Меня взяли.

Дарья Федоровна звонко и радостно, но с нескрываемой долей облегчения, рассмеялась, тут же наклонившись к дочери и поцеловав ее в макушку, а для наиболее полного выражения эмоций – сжав ее плечи своими теплыми и нежными ладонями, и громко воскликнула:

– Я так и знала! Ну еще бы! Как моя умница-дочь могла бы им не подойти? Женечка, ты такая молодец! О, Боже мой! О, Боже мой! Так... – Дарья Федоровна закрутилась по кухне как юла, не в силах сдержать распиравшую ее гордость за дочь и удовольствие от понимания того, что Женины мучения в поисках работы все-таки подошли к концу. – Это дело надо срочно отметить!

Секунда – и Женя уже видела, как мамин затылок, обернутый в полотенце, торчит из-за распахнутой дверцы холодильника, дышнувшего на кухню морозным воздушком, но еще через секунду (Женька не успела даже предостерегающе вскинуть руку и напомнить, что завтра слишком важный день для того, чтобы печалить его туманным разумом позвякивающей черепной коробки и мутно-болезненно-тяжелым, а главное – обязательным, плачевным состоянием желудочно-кишечного тракта) рыжеволосая поедательница яблок за два укуса снова могла лицезреть мамино лицо, собравшее в себя недоверчиво поджатые губы и пристальный, требовательный взгляд прищуренных глаз, буравящих со всей серьезностью этого мира фиалковые, облачно-счастливые глаза дочери:

– Так, стоп. – Мама снова уперла руки в бока, принимая грозную позу. – Я хочу знать подробности! Что за фирма? Чем занимается? Как давно существует? А это точно нормальная организация, а не какая-нибудь там... афера? Какой рабочий график? Ты же помнишь, у тебя еще учеба, и...

Женя рассмеялась, взяв мамины руки в свои ладони и легко пожав их, и шутливо надула губы:

– Ну почему сразу «афера», мам?!? Меня что, в нормальную компанию только после второй-третьей рюмашки коньяка взять могут? Вот это вера в дочерины силы! Ну спасибо, мамуля!

Дарья Федоровна рассмеялась и отошла к плите, на которой уже вовсю шваркали «неземные яства»:

– Прекращай, Евгения, ты прекрасно знаешь, что я не это имела ввиду! Ох уж твои шуточки! И, возвращаясь к теме фирмы... – подтолкнула она дочь к дальнейшему повествованию.

Женька вздохнула и, с новой силой захрустев яблоком, невнятно забубнила:

– Фирма как фирма. Обыкновенная. «Черный полюс» называется. Занимается промышленным производством... чего-то. Да какая разница? Меня взяли секретарем директора на полставки. Зарплата, учитывая статус должности и ее «половинчатость», хорошая, да и с уче-

бой самое то совмещать. Все шикарно, мамочка! – вскинула руки в облегченном жесте Женя, растекаясь по стулу.

Дарья Федоровна пару секунд внимательно поизучала дочь, видимо, пытаясь заразиться ее уверенностью в своем удачно сложившемся будущем, а потом вздохнула и улыбнулась:

– Ну вот и хорошо, дочка. Я очень за тебя рада. – она повернулась лицом к дверному проему и громко крикнула:

– Эдуард! Бросай свой дурацкий футбол и иди сюда, к нам! Твою дочь, между прочим, взяли на работу!

Сквозь шум ревущих зрителей на трибунах и верещащий на сверхдецибеллах голос футбольного комментатора, раздававшихся из динамиков телевизора, вдруг гроыхнул мощный, низкий бас отца:

– Вот же идиоты!!! Там был фол, фол, боковой арбитр, у тебя что, дырки вместо глаз??? Продажные собаки, чтоб им мяч по головке настучал!!!

Женя с мамой переглянулись и одновременно прыснули.

Вот и еще одна краска семьи Зябликовых. Эдуард Петрович Зябликов – футбольный судья. Нет, папа Жени не ездил в длительные командировки по стране с огромной сумкой, забитой свежевystиранными судейскими формами и мамиными ароматными пирожками и рассольником в баночке. Эдуард Петрович судил только местные матчи с участием команды города, прочно засевшей где-то в районе «после десятого места» чемпионата страны, но при этом, он был настолько строг и справедлив, настолько серьезно относился к своим обязанностям, что футболисты его даже побаивались. Лично Женьке всегда казалось, что высокий, метр девяносто полного роста, крепкий и широкоплечий папа с блестящей лысиной на голове, но великолепными пушистыми усами, а также не менее густыми, темными бровями и жесткими карими глазами уже родился со свистком в руке и очень мощным геном безумной любви к футболу, потому что в те редкие дни, когда он не занимался судейством на поле, он проводил часы в гостиной, внимательно прожигая свирепым, но ненасытно жадным взглядом это же самое поле на экране телевизора, зорко наблюдая за действиями белых или красных точек, расплзавшихся, как дохлые мухи, в разные стороны. Помимо изощренных крепких словечек, которыми Эдуард Петрович мог от души полирнуть нерадивых судей и неторопливых игроков, отец Жени мог также похвастаться тем, что его гостиная – центр вселенского футбола – впитала в себя дух своего хозяина и своего самого постоянного посетителя из всех членов небольшого семейства: на стеллаже по левую сторону удачно устроилась целая коллекция футбольных мячей (напоминающая кривоватый парад планет нашей солнечной системы) с автографами... нет, не всемирно известных и самых талантливых футболистов мира, а никому не известных (кроме, конечно, самого папочки) судей из различных стран, которых странным, насмешливым, а может, лукавым ветром все ж таки задуло в их скромный городишко (не иначе, как лишь для того, чтобы они поставили на отцовском мяче свои чудные, размашистые загогулины). Эдуард Петрович очень гордился своим личным музеем и показывал свою коллекцию каждому, чья нога переступала порог их дома, будь то подруги Полины из школы, друзья Евгении или мамыны знакомые. Помимо мячей, гостиную украшали пузатые кубки и блестящие медали за лучшее судейство, лучший матч, за звание рефери года и многое другое, развешенное по стенам, расставленное по стеклянным шкафчикам и разложенное по полкам. Так что Женя вполне могла гордиться собственным папой и только мечтать о том, чтобы и она когда-нибудь нашла в своей жизни работу по душе и по призванию.

– Эдик! – снова окликнула его мама. – Ты вообще слышал, что я сказала? Женя устроилась на работу! Может, ты наконец оставишь бедный ЦСКА в покое...

– Бедный ЦСКА??? – снова гроыхнул возмущенный бас. – Даша, ты вообще в курсе, что у «бедного ЦСКА» хватит денег, чтобы купить все нефтяные вышки в нашей стране и пару островов в Атлантическом океане? Ты в курсе, что у «бедного ЦСКА» даже хватит денег,

чтобы поставить всем игрокам металлические протезы вместо ног и навсегда задушить традицию падать на газон и хвататься за лодыжки при каждом нелепом случае??? Ну ты даешь, Даша, вот тебе раз... – покручинился он, а затем закончил философское возмущение новой, окончательно убившей его жену наповал, фразой:

– Женя устроилась на работу... Погоди-ка, а с предыдущей работы ее что, турнули?!? Вот же скоты! Выбросить на улицу такую девчонку! Не бойсь, Женька, мы, Зябликовы, на дороге подолгу не валяемся! Будет и на твоей улице праздник! А теперь тишина! Еще... м-м-м... двадцать одну минуту! – приказал папа и добавил звук на телевизоре.

Мама обреченно вздохнула, но улыбнулась и заговорщически подмигнула Жене:

– Твой отец в своем репертуаре... А потом будет ругаться, что обо всех новостях нашего дома узнает последним. Не волнуйся, Женечка, я ему позже обо всем расскажу, он за тебя порадуется, а теперь давай-ка, налетай!

И она поставила перед успевшей порядком изойти слюной Женой тарелку с ароматным кушаньем, от одного только вида которого хочется иметь безразмерный желудок, чтобы поглощать и поглощать его вечно, пока смерть не разлучит...

– Зябликова! – появился в кухне новый действующий персонаж, а именно: сосед из 77 квартиры, по совместительству друг детства, юношества и вообще всей сознательной жизни, по совместительству высокий любитель пособирать люстры головой, худой, но очень резвый и довольно складный парнишка в модных очках с подключением к интернету, зачастую любящий поболтать с браузером «по душам» и помахать перед глазами длинными руками с целью перелистывания картинок, отображающихся на одном из стекол очков, и за это прославивший пациентом желтого дома у местных бабулек, щелкающих семечки на одной-единственной, всеми любимой лавочке во дворе, дополняя свой образ сумасшедшего, по которому льет слезы местное отделение психиатрии, длинными, взлохмаченными волосами и косой челкой, падающей ему на один глаз, а также инопланетными рожами на тему «Звездных войн» Джорджа Лукаса, глядящих с его многочисленных просторных футболок, и, наконец, по совместительству еще и главный помощник в поедании харчей Дарьи Федоровны, звали которого Игорь Сторожев, всплывший в кухню походкой местного аборигена и преспокойненько плюхнувшийся на свободный дубовый стул, продолжая возмущенно вещать:

– Вот что за дурная привычка: долбить в нашу дверь ключами, а затем смываться к себе в квартиру?? – он чуть прищурился, глядя на Женьку яркими голубыми глазами из-под модных стекол очков, на одном из которых мелькал маленький экранчик, безуспешно пытающийся привлечь внимание хозяина какими-то прыгающими буквами. – Я что, по-твоему, всегда должен скакать к тебе по первому зову? – он вдруг посмотрел на тарелку, из которой Женя как ни в чем не бывало жевала потрясающую печеную утку и овощи-гриль, а затем резко поднял глаза на маму Жени, с улыбкой наблюдавшую за ним и дочкой, и совсем другим, веселым и до неприличия вежливым голосом воскликнул:

– О, здрасьте, тетя Даш! Отлично выглядите! Эти тапочки так вам к лицу... В смысле... Я хотел сказать... – замаялся Игорь, сообразив, что сморозил что-то неподобающее, но Женя прервала этот бессвязный поток неудавшихся извинений:

– Придурок! – со смехом прошипела она с набитым ртом. – Ради еды – душу дьяволу продашь, подхалим непутевый!

– Женя, перестань! – остановила ее мама и улыбнулась, посмотрев на Игоря:

– Игореша, кушать будешь? У меня и хлебушек свеженький ко всему прочему имеется...

Игорь радостно и довольно улыбнулся, будто ему на счастливую физиономию упала пачка сто долларовых купюр:

– Я с удовольствием, тетя Даш, ваши блюда – это же пища Богов!

– А я думала, пища Богов – это виноград. – хмыкнула Женя. – Их же везде с ним малюют!

– Женька, ты – неуч. Несмотря на две... почти что две, – поправился Игорь, – вышки. И не отходи от темы! Чего ты стучишь и сбегаешь, будто барабашка? А если бы я был занят? А если бы меня не было дома? А если бы я был не один???

Женька захохотала.

– А с кем?? Не смеши меня, домосед! Ты, наверное, хотел сказать: «А если бы моя бабушка спала?», так, Игорек? Не переживай, дружок-пирожок, – пихнула его кулаком в плечо Женька, – твоя бабуля просто добавила бы этот поступок в черный список моих недостатков, я уже давно у нее включена в разряд особо опасных для ее нежного и чувствительного внука хулиганок. Ну а если бы ты не пришел... Что ж, – печально вздохнула Женька, – я бы поплакала, конечно, но через пару часов все же закрыла бы входную дверь.

Дарья Федоровна рассмеялась вместе с дочерью, а Игорь сурово погрозил Женьке пальцем:

– Насчет бабули – сама виновата! Нечего было в пять лет спички на нашем балконе жечь! – но он тут же смягчился, словно сливочное масло в духовке, увидев перед собой огромную тарелку с уткой и овощами, уже более весело и добродушно спросив:

– Так чего случилось-то? Говори, пока я все не съел, потому что бабушка не знает, что я... В общем, потому что когда тарелка опустеет, я уйду.

Женька фыркнула, прекрасно догадываясь о том, что Игорь хотел сказать, и зная тот факт, что из их квартиры его может сковырнуть разве что техногенная катастрофа. Подобная манера общения сложилась у них уже давным-давно, еще в далеком детстве, когда семья Сторожевых, состоящая из молодых инженеров местного Научно-исследовательского института, базирующегося на физике тяжелых металлов, их маленького сына Игоря и вышеупомянутой бабушки, Раисы Васильевны, пенсионерки со стажем, бывшего бухгалтера городского банка, переехала за соседнюю дверь лестничной площадки под бок к семье Зябликовых, после чего между двумя семьями завязалась крепкая и самая настоящая дружба. О бабушке Игоря необходимо ввернуть пару фраз отдельно: это была шустрая и деловая старушка с цепкими глазами – маленькими сапфириками, затянутыми в тугую пучок, еще на редкость густыми волосами и вечно накрученной на бигуди седой челкой, которая своим крепким и решительным, воинственным нравом держала в кулаке всю семью, правда, иногда разжимая кулак, чтобы ее домочадцы могли расслышать вынесенный ею очередной бытовой приговор. Раиса Васильевна любила громко и напористо высказывать свое мнение, которое всегда было единственно правильным, как ей казалось, и держала дочь, зятя и внука под строжайшим контролем, как полицейский, отслеживая все их перемещения, занятия и круг общения, поэтому-то и обронил Игорек случайное «бабушка не знает, что я...». «Ушел», – можно было бы так закончить наполненную опаской фразу друга, но Женька, зная нрав и характер его бабушки, не винила его в проявлении подобного чувства.

Игорь и Женька росли вместе, играли вместе, учились в одном классе одной и той же школы, и близкое и искреннее общение сложилось как-то само собой. В процессе роста и взросления Жени в ее жизни произошла странная метаморфоза: одна за другой, по той или иной причине, у девочки стали исчезать подруги, а на их месте появлялись все новые и новые «корешки»-друзья.

Женька не могла объяснить, почему с мальчиками ей всегда было проще и интереснее, и отсутствие подруг временами давалось ей как нелегко, потому что любой девчонке, пусть она и пропадает целыми вечерами за игрой в мяч или ползает с парнями по гаражам, очень необходимо это особенное девичье общение, секреты и тайные дневники с фотографией понравившегося звезды телеэкрана, да хоть те же разговорчики на тему мальчишек!

В конечном счете, когда Женька Зябликова выросла и превратилась в прекрасную, рыжеволосую и длинноногую лебедь Евгению, она вдруг поняла, что отношение окружавших ее мальчишек, как-то резко вытянувшихся в рост и начинающих потихоньку обзаводиться щети-

ной на щеках, их отношение к ней резко изменилось. Статус «своей девчонки» неумолимо испарялся, а на его место посыпались приглашения на свидания и все такое прочее... Вот так бедная Женя постепенно, на культурном человеческом языке отшивала парней, одного за другим, пока не растеряла всех, кроме... Кроме, конечно, соседского друга Игорька, который по-прежнему общался с ней именно на том уровне дружбы, что и был ей так необходим в условиях дефицита настоящих подружек-девочек. Мда. Отношения с девчонками у нее как-то с самого детства не складывались... А теперь и на нормальных мужчин везение вдруг спрятало голову в песок...

Так что теперь жизнь Жени стала состоять из множества маленьких целей, которые так приятно было достигать.

– Меня взяли на работу. – довольным голосом сообщила она, наклонившись к нему через стол.

Игорь замер, расширив глаза в шутливом удивлении, а затем, с ярко-выраженным саркастическим фоном в голосе проговорил:

– Да ладно?! На настоящую работу?? И в какой пиццерии ты теперь курьер, Зябликова? В той, что на Вознесенской улице, или в квартале Старого города?

Женька закатила глаза, а Дарья Федоровна, хлопнув дочь по спине и подмигнув Игорю, с улыбкой проговорила:

– Ладно, дети, я вас оставлю, еще в спальне не закончила пылесосить. Чай, надеюсь, сможете сами себе налить без драки?

– И во время драки сможем, мам. – хмыкнула Женька. – Иди.

– Уж я не сомневаюсь! – весело усмехнулась мама Жени и вышла из кухни.

Женька снова требовательно уставилась на Игоря, ожидая его «нормальной» реакции. В прочем, с ехидным лицом гиены, только что отведавшей ногу спящего льва и даже при этом его не разбудившей, невозмутимо продолжая уплетать то, что с огромной скоростью испарялось с тарелки и оказывалось кое в чем желудке, Игорек вовсе не спешил становиться «адекватным».

– Так, хорошо, Женька, я понял: тебе нужна моя помощь. – он положил вилку и скосил глаза на правую линзу очков, где мельтешили какие-то квадратики. – Окей, гугл. Работа уборщицы, зарплата не менее пяти тысяч рублей, район Куйбышевский, поиск!

– Я тебе сейчас оливки вместо зрачков воткну в глаза, идиот! – раздраженно прошипела Женя и хлопнула в ладони прямо перед его правым глазом. – Очень смешно!

От хлопка Игорь моргнул и укоризненно посмотрел на подругу:

– Ну вот! «По вашему запросу ничего не найдено»... Сбила мне все результаты. И как я теперь проложу тебе дорогу в светлое будущее?

Женя погрозила ему вилкой и встала, подойдя к чайнику.

– У меня уже есть дорога в светлое будущее, Сторожев! Я устроилась в ЗАО «Черный полюс» секретарем директора! Не слышу аплодисментов!

Она обернулась к Игорю с кружкой в руках, но тот испепелял ее скептическим, насмешливым взглядом, сложив локти на стол.

– В ЗАО «Черный полюс»? Секретарем? А ты подробно уточнила на собеседовании свои должностные обязанности, Женька? Может, помимо подношений кофе какому-то усатому старперу, ты и еще кое-чего должна будешь для него де...

Женька ухмыльнулась и поставила перед другом кружку с таким звоном, что он осекся, а сама спокойненько уселась на стул, поджав под себя ноги, и хлопнула по столешнице:

– Не болтай ерунды. Работа – на полдня, я смогу совмещать с учебой, плюс – деньги неплохие, по сравнению со всем, что у меня уже было, плюс... – ее лицо вдруг просияло, а глаза загорелись радостным, мечтательным огнем. – Я смогу накопить на санаторно-курортное лечение в Алтайском крае для Полины! – тихо, шепотом добавила она. – Сейчас сентябрь, значит, у меня есть почти год, и я должна достать около 350 тысяч на путевку! – Женя вздохнула

и посмотрела в погрузневшие и посерьезневшие глаза Игоря. – Врач сказала, что в Алтайском крае, в околоторной зоне есть очень хороший санаторий для лечения бронхиальной астмы у детей. Но чтобы лечение дало результат, лучше приезжать на максимальный срок – на двадцать один день, и в конце августа, когда цветение и пыль уменьшаются, а погода еще хорошая... А лечебная программа с полным комплексом оздоровительных процедур, да еще оплата двухместного и не самого, попрошу заметить, дорогого номера, да еще авиабилеты обойдутся мне примерно в ту сумму, что я озвучила этажом выше. Возможно, болезнь навсегда отступит, понимаешь, Игорек? – импульсивно закончила Женька, чувствуя, как от переполнявшего ее волнения у нее порозовели щеки, и положила подбородок на стол, устало и пусто глядя на причудливые узоры розовой скатерти.

Игорь вздохнул и потрепал девушку по мягким кудрям, тихо проговорив:

– Не обижайся, Женька, но мне кажется, что твоей полуставочной зарплаты едва хватит, чтобы покрыть кредит на машину, который, между прочим, взял твой отец совсем недавно и сроком на три года, а чтобы еще откладывать для Поли... Думаю, не то, что за год, ты и за пять лет нужной суммы не наскребешь.

Женя обреченно посмотрела на него и подняла голову со стола, схватив его за руку.

– И кстати, насчет машины!! – быстро затараторила она с жадным блеском в фиалковых глазах. – Завтра в девять ноль-ноль ты едешь со мной на авторынок! Кредит-то папуля взял, так надо же воспользоваться, раз я теперь сама смогу его выплачивать! – она заулыбалась и мечтательно посмотрела в окно. – Где-то там ждет меня моя ласточка, ждет не дождется...

Игорь ухмыльнулся и постучал кулаком по голове подруги.

– Ты чего, Женька, совсем на почве радости обретения секретарства рехнулась? Какие «девять ноль-ноль»?!! Не-е-ет, подруга, если хочешь, чтобы я с тобой поехал, а я, кстати говоря, настоящий спец по части автомобилей, – нагло и самоуверенно уточнил он с гордой улыбкой и идиотским подмигиванием на одном и том же лице, – тогда не раньше двенадцати! Слышала, Зябликова?

Женька фыркнула и сделала глоток чая из кружки, насмешливо посмотрев на Игорька, все еще дующегося от гордости, как объевшийся снегирь.

– Нет, автомобильный гений, в девять, не позже! В двенадцать у меня лекция по гражданскому праву, а к двум я должна быть на работе! На машине. – уверенно заявила она и счастливо вздохнула, предвкушая, как будет крутить руль не отцовского «Фольксвагена» с футбольным мячом-ароматизатором на приборной панели, а собственной, пахнущей кожей и еще, Бог знает, чем пташечки... Но увидев вдруг за окном большую, серо-черную, тяжелую, как кирпич, тучищу, закрывшую собой половину неба, тут же нахмурилась, вспомнив о Полине. – А на санаторий Поле я все равно накоплю, вот увидишь! – она решительно сжала кулаки и посмотрела на угрюмого от перспективы завтрашнего раннего подъема Игорька. – Буду брать лишние смены, если придется, прогуляю пару раз институт, хорошенько постараюсь и докажу этому... как ты там говорил? Усатому старперу, что я способна на большее, чем просто регистрация корреспонденции и кофейное дефиле по кабинету! Возможно, меня когда-нибудь даже повысят... – размечталась она, а Игорь негодуяще всплеснул руками:

– Вот именно! Дура ты, Женька! Такая взрослая, а все по-прежнему думаешь, что достойна быть лишь продавцом или секретарем, обслуживая тех, кто в твоём возрасте уже всего добился! Меня поражает твоя неуверенность в себе! Ты закончила школу с медалью, институт – с красным дипломом, а ведешь себя так, будто ты глупая неумеха, а не высококвалифицированный специалист! Секретарь? Секретарь?? Да ты совсем того, рыжая!!! – он вспыльчиво наклонился к ней через стол и быстро проговорил на повышенных тонах:

– О каком таком повышении ты мечтаешь, «але, повторите, я не слышу» из «Черного полюса»? Что за тупое название вообще?.. – буркнул он себе под нос. – Думаешь, этот зазнавшийся кретин-директор ради такой милашки и умницы, как ты, введет в штат новую долж-

ность «старший секретарь»??? Нет, Зябликова, и через год, и через пять лет ты по-прежнему будешь носить кофе, если не вспомнишь, что у тебя есть мозги и квалификация вперемешку с высокой работоспособностью! Вот я – программист, – гордо сообщил он, будто Женька об этом не знала, – и я в будущем точно кем-нибудь стану! Возможно, открою свой бизнес...

– Угу, только для начала начни хотя бы ездить в офис, программист с охренительным будущим, а то ты так и не узнаешь, что такое – работать с людьми, а не железкой, напичканной разными умными приложениями. Для «своего бизнеса» полезно. – хмыкнула Женя и вздохнула, снова сложив подбородок на стол. – А в целом – ты, наверное, прав. Я никогда ничего не добьюсь в жизни, если не поверю в себя и свои силы... Вопрос только в том, как это сделать?..

Игорь тоже положил подбородок на стол и заглянул в Женины фиалковые глаза своими ярко-голубыми:

– Вот, что я тебе скажу...

Но, к несчастью, ничего умного и обнадеживающего сказать он не успел: в кухню влетело маленькое, чудесное десятилетнее создание с длинными, до середины спины, каштановыми, в отличие от Женькиных пожароподобных, кудряшками, большими карими, с золотым отливом у зрачков глазищами и вздернутым носиком, облаченное в розовую футболку с мордой улыбающейся лошади на груди и полосатые гетры до колен, вереща, как стая птиц, облепивших лысое дерево после зимы и почуявших приближение оттепели:

– Ига, Ига, Ига, привет, ты пришо-о-ол!!!

Поля запрыгнула на соседний, рядом с Игорем стул и полезла к нему обниматься, чуть не опрокинув при этом кружку со стола, да и самого Игоря, который к такому бурному приветствию давно уже привык. Стиснув радостную девочку в объятьях, Игорь со смехом ответил:

– Привет-привет, Пулька! Скучала по мне?

– Да! – четко воскликнула Поля, выпуская из своей детской, но очень цепкой хватки парня и заглядывая в его веселые глаза со всем доверием на Земле. Женька тихонечко ухмыльнулась: она знала, что ее младшая сестричка души не чаяла в ее друге детства или, попросту говоря, была по уши в него влюблена, ревнуя своего «Игу» к каждой особи женского пола, начиная от всеми любимой кинодивы и матери шестерых детей Анжелины Джоли и заканчивая самой Женькой, не задумываясь над тем, есть ли у ее старшей сестры настоящий парень или нет. Вообще-то, если говорить по-настоящему, Игорь сам во многом поспособствовал тому, что малышка Полина Зябликова, бедная девочка, страдающая бронхиальной астмой в тяжелой форме с четырех лет, восприняла его как героя своего романа. Искренне беспокоясь о ней и о ее здоровье, Игорь делал все, чтобы как можно чаще радовать свою «младшую подружку»: он играл во все ее игры, смотрел вместе с ней любимые мультфильмы, приносил ей сладкое и игрушки, а главное – с удовольствием обнимался с ней при каждом удобном случае... Да и страшненьким его назвать тоже язык как-то не поворачивался: темно-каштановые густые волосы, темные брови, яркие голубые глаза, чуть удлиненное лицо и правильный небольшой нос в совокупности с хорошим телосложением и высоким ростом только добавляли в образ принца для Поли нужную краску. Хотя сам Игорь, кажется, все-таки понимал, какие чувства вызывает в душе нежной, измученной болезнью малышки (особенно после неоднократных шуточек Жени на тему того, что ему, видимо, придется дожидаться Полиного совершеннолетия и жениться на ней), но все равно все отрицал и изменить отношение к своей «Пулке» уже никак не мог.

– Правильно делала, мелкая! – бодро потрепал он девочку по густым каштановым кудряшкам, и карие глаза Поли засияли бешеной преданностью, а щеки подернул милый румянец. – Как прошла твоя ночка, принцесска? А ну, колись старому доброму Игорю!

Женя хихикнула, а Полина ярко заулыбалась, подавая все признаки женского флирта: опустила глаза в пол и театрально глубоко вздохнула:

– У меня опять был приступ. – гордо сообщила она и тут же поспешила добавить:

– А ты не старый, Ига! Очень, очень молодой!

– И красивый, мой кумир! – шепнула Женя так, чтобы ее мог слышать только парень.

Игорь легонько пнул девушку ногой под столом, а сам нахмурено спросил, посмотрев с тревогой на Полину:

– Опять, Поля? Ты не испугалась? – он поднял глаза на Женьку и сурово спросил:

– Что на этот раз? Кто-то, забрызганный духами с ног до головы, решил снова посетить ваше скромное жилище?

Женя вздохнула.

– Нет, она играла в гостиную, на диване, а его уже три дня не пылесосили...

Игорь недовольно покачал головой, намекая на то, что следить лучше надо, ведь приступы у девочки случались, чаще всего, из-за пыли и цветущих растений, поэтому в доме Зябликовых никогда не было цветов, вся мягкая мебель, включая кровати девочек и родителей, была выполнена из специального, гипоаллергенного волокна, ни на одном окне не наблюдалось штор, равно, как и ковров на ламинате, а квартиру пылесосили каждый день, во избежание повторения приступов удушья каждую ночь.

Но, несмотря на все усилия, медикаментозное лечение и неизменный ингалятор под подушкой, бедная Полина задыхалась гораздо чаще, чем нужно было, почти каждую ночь, и Женя с содроганием в сердце вспоминала эти часы, когда она сидела рядом с ней, придерживая ингалятор и слушая хрипы и свисты, вырывающиеся из груди этой маленькой, ни в чем не повинной ни перед Богом, ни перед человеком девочки, ощущая ее боль как свою, чувствуя, как разрывается в панической атаке ее сердце и сердца их мамы и папы, как долбит в голове, словно все новый и новый солнечный удар, мысль, что это несправедливо, что ребенок не заслужил столь сурового испытания в свои малые годы, что ее младшая сестра так и не познала беззаботности детства, радостей этой планеты, счастья пребывания в мире цветов и запахов, в мире живой природы и спортивной легкости, в мире свободы от боли и страхов ложиться спать.

Именно поэтому Женя так уповала на алтайский санаторий, поэтому намеревалась откладывать всю оставшуюся от выплаты кредита часть зарплаты, чтобы вместе с родителями успеть накопить нужную сумму до следующего сентября... Ничто не было более важным в ее жизни сейчас, кроме этого.

Полина потянулась через стол и схватила яблоко, откусив, ровно так же, как и ее старшая сестра, почти половину.

– Нет, не испугалась. Со мной были мама, папа и Женька, так чего бояться? – философски изрекла малышка с набитым ртом и пожала плечами, но тут же крепко вцепилась в руку Игоря и возбужденно заголосила:

– Ига, Ига, пойдем, ты мне pomoжешь построить конюшню для моей лошадки Патрисии? Пошли, пошли, пожалуйста, пошли, Ига!!! – она соскочила со стула и принялась что есть мочи тянуть ухмыляющегося парня за руку, а тот вздохнул и обреченно, но не без доли самодовольства, посмотрел на Женьку:

– Ладно, идем, Пулька, да не тани ты так, оторвешь мне руку и сделаешь капитаном Крюком на всю жизнь... Помой посуду, Женька, окей? – он встал и, хитро улыбаясь, быстро бросил через плечо, позволяя маленькой даме увести себя:

– Давай, не кисни, Зябликова, привыкай обслуживать по первому требованию и высшему разряду...

– Ах ты!.. – шутливо возмущенно замахнулась на него Женька кухонным полотенцем, но Игорь только захохотал и, подхватив подмышку звонко взвизгнувшую Полю, быстро скрылся за углом.

Женька недобро покачала головой и еще немного потрясла кухонной утварью вслед единственному другу-жгучему юмористу конца девяностых, но тут же остыла, особенно после того, как услышала из гостиной новый грозный бас отца:

– Да что вы раскукарекались, малышня??? Цыц, я сказал, цыц, цыц еще двенадцать минут! Эх, из-за вас имя того мыльного популизатора-центрального арбитра прослушал!.. Ну что вы за люди, дети?!?

– Популизатор, популизатор!!.. – тут же раздался довольный голос Полины из спальни, и Женька прыснула, а крик мамы из третьей комнаты окончательно поставил точку в расшумевшемся на ночь глядя балагане заезжих артистов:

– Эдик! Сколько раз говорила: не ори гадости на весь дом! Дети слышат! И повторяют! Если Женьке уже поздно внушать, то Полину мы все еще можем спасти! Каждый день одно и то же...

Звуки пылесоса возобновились.

Глава 2. «Плюс»

Квартира Зябликовых. Половина восьмого утра.

– «Ах, за что меня бросили в подвал?

Разве ж это я денежки украл?

Я ведь не такой, я ведь не злодей!

Никогда не крал деньги у людей!

Кто это все придумал, кто оклеветал меня?

Ах, ну кому чего плохого в жизни сделал я?

Разве что кошек палкой по двору любил гонять.

Но не со зла, а так чтоб время было чем занять.

Было чем время занять!

У каменной стены, на сырой земле

Молча я сижу и тоскливо мне.

Палкой по спине получил вчера,

Шлепнули меня буд...»

Женская рука, показавшаяся из-под темно-бордового одеяла, схватила мобильный телефон и слепым нажатием на одну-единственную кнопку прекратила душеспитательные, с приемью отчаяния и гнева, обрамленные волшебными звуками гитарных рифов и барабанной стукотни излияния солиста всеми известной панк-рок группы.

– М-м-м... А предыдущий дяденька на твоём будильнике мне нравился куда больше... – протянул сонный голос Полины с другой стороны комнаты, и Женька, с трудом разлепив глаза, выкарабкалась из плена своего теплого и уютного одеяла, чтобы посмотреть на сестру.

В комнату уже пробивался сине-серый дневной свет очередного пасмурного сентябрьского утра, совершенно никак не помогая в бодром самочувствии открыть глаза и, так сказать, с новыми силами ринуться в бой.

Фиалковый, заспанный взгляд Жени прошел по темно-серому ламинату на полу, где в беспорядке валялись детали от конструктора, книжки, детские школьные тетрадки и остатки вчерашнего «лошадиного приюта», который Поля и Игорь строили из обувных коробок и Полиных кофт, любезно выпотрошенных из шкафа рядом с Жениной кроватью, прошел по компьютерному столу (естественно, с компьютером, подмигивающим желтым глазом на нем) у окна, зеркалу с туалетным столиком у противоположной стены и, наконец, остановился на кровати, отразив каштановую пышную массу, рассыпавшуюся по подушке, одну тоненькую голую ножку, свесившуюся с кровати, и грудку белого, с голубыми бабочками одеяла, заботливо припрятавшего под собой все остальное.

– Это который? – зевая, спросила Женька. – Тот, что пел про бомжа и тот неоспоримый факт, что все мы, его истинные братья, должны спасти его обленившуюся до крайней степени, проспиритованную душу и набить ему на халяву желудок едой, ради которой все остальные люди батрачат с утра до вечера на работе, надсаживая горбушку?

Поля хихикнула и повернула голову, посмотрев на сестру. Ее лицо разругалось со сна, и Женька вдруг вспомнила, что сегодня ночью у нее, в кои-то веки, не было приступа. Ее улыбка, словно воздушный десерт с кусочками фруктов, сразу поднял настроение Женьке на несколько градусов.

– Не-е-е... Хотя и эта была тоже прикольная! – задумчиво рассудила Поля, потянув руки вверх. – Я про ту, где дядька поет о сердце...

– О сердце?

– Ага... Сейчас, подожди, как же там?.. – Полина смешно закрыла один глаз, вспоминая, очевидно, текст той самой песни, а потом вдруг резко села в кровати, одернув смявшуюся, хлопчатобумажную сорочку, и, откинув волосы с лица, воскликнула:

– Вспомнила! – она набрала полную грудь воздуха, будто собиралась надуть воздушный шарик, и, что есть дури, заголосила на весь дом:

– «Свобода, свобода, так много, так мало ты нам рассказала, какого мы рода... Ни жизни, ни смерти, ни лжи не сдаешься, как небо, под сердцем в тоске моей бье-е-ешься!!!»

Женя захохотала, особенно после того, как Поля сделала такой акцент на последней длинной ноте, и в ту же секунду услышала нервный стук в стену рядом с собой.

– Дурында ты, Польшка, это разве «о сердце»? – смеясь, проговорила девушка. – Спела ты, конечно, шикарно, только вот у твоего пения образовался один побочный эффект, и этот эффект уже долбит в стенку, недовольный своей жалкой, лишившейся тридцати минут сладкого сна, жизнью! А между прочим, – Женя села и откинула одеяло, тоже явив миру такую же хлопчатобумажную сорочку, как у сестры, – мне с ним еще на авторынок ехать.

Полина громко захохотала и, вприпрыжку соскочив со своей кровати, подлетела к Женьке и принялась мощно долбить по стене за ее спиной и верещать:

– Ига, Ига!!! С добрым утром тебя, Ига!!!

Устроив секундную тишину, девчонки с хитрыми глазами переглянулись и одновременно приложили ухо к стене. Мгновение – и с той стороны раздался обреченный стон. Захочетав, они хлопнули по рукам, едва услышав сквозь веселье, как отворилась дверь их комнаты и на пороге показался папа в домашней футболке, спортивных штанах и тапочках, отбросив внушительную тень от электрического света из коридора на добрую половину комнаты.

– Я так понял, будить вас не надо. – философски изрек он, посмотрев на дочерей строгими карими глазами. – Поля, одевайся, я отвезу тебя в школу, только в темпе, в темпе, мне еще нужно сюда вернуться: Женька с нахлебником собрались машину покупать, и им тюкнуло по мозговитым головушкам сделать это именно сегодня. Ну? Поля, живо, живо! – с хлопком «поподгонял» он младшую дочь, которая недовольно сморщила нос, бросив взгляд на сестру, но все же нехотя поплелась к шкафу.

Эдуард Петрович внимательно проследил за ней пристальным взглядом и перевел суровые глаза на Женю:

– Тебя, между прочим, тоже касается. Чтобы в девять стояла в коридоре, обутая, одетая, с наштукатуренным лицом, а не наполовину зарытая в вытряхнутом из шкафа многокилограммовом тряпье, все понятно, Женька?

Женя закатила глаза и показала отцу язык. Тот пригрозил пальцем непослушной дочурке, но усмехнулся сквозь усы и вышел, оставив дочерей одних копошиться в своей одежде.

Ровно в девять часов компания, состоящая из папы, Жени и Игоря, загрузилась в не новый, но начищенный до блеска, без единого намека на пыль «Фольксваген Гольф» умиро-

творящего серебристого цвета и, не спеша (вообще-то, они спешили, но городские улицы, разжившиеся к этому часу многокилометровыми пробками, явно думали иначе), двинулись на другой конец города, где и располагался Главный авторынок подержанных автомобилей.

Денег на новый у Жени и ее семьи, конечно, не было, но девушка была совсем даже не против обзавестись хоть и стареньким, но верным дружком на колесах, чтобы наконец перестать болтаться в холодных трамваях, мечтая поскорее оказаться в стенах своего пункта назначения, и не заниматься «вымаливанием» ключей у отца, каждый раз слушая длинную нотацию на тему правильного вождения среди «обнаглевших остолопов» нашего города, которые «тарашатся куда угодно, только не на дорогу».

– Ремень, дочь! – приказал отец, сурово глянув на Женю в зеркало заднего вида. Игорь хихикнул, а девушка попыталась безуспешно отстоять свои права:

– Ну, пап! Я же на заднем...

– Женька! Сейчас домой пойдешь! Ремень, кому говорю! – повысил голос Эдуард Петрович, и дочь с недовольным стоном подчинилась, а карие глаза в зеркале переключались с девушки на развеселого Игорька и тут же сообщили:

– А ты, нахлебник, что, дорожной сумкой решил прикинуться? Давай, давай, не ленись, каши-то вон сколько у нас съел, а ручки-то все хиленькие, даже какой-то автомобильный ремень натянуть не могут!

Игорь удрученно вздохнул и тоже щелкнул ремнем, а Женя, достав пудру и зеркало, мстительно проговорила:

– Хе-хе.

– Поехали. – сообщил Эдуард Петрович, процитировав первого человека, вышедшего в открытый космос, и нажал на газ, одновременно добавляя звук на магнитоле до сверхзвуковых частот. Папа Жени считал, что в машине самое важное – это аудиосистема, и ездить без музыки, выталкивающей из ушей барабанные перепонки, категорически не желал.

Вот и сейчас, поплыв на волне местного радио «Тростник», Женька преспокойно завершала свой макияж, стремясь достигнуть совершенства: сегодня ее первый рабочий день, и она должна быть на высоте.

Игорь внимательно оглядел светло-персиковую строгую блузку с элегантной стеклянной пуговицей у горла, черную юбку до колен, облегающую бедра, кожаные модные сапоги с широкой голенью и высоким, толстым каблуком и черное, приталенное пальто, которое сейчас было расстегнуто, давая возможность лицезреть все предметы тщательно выглаженного гардероба подруги. Рыжие волосы пышными кудряшками по-прежнему беспорядочно спадали на ее плечи и лоб, создавая пушистую, объемную шапку вокруг ее нежного, веснушчатого личика, а светло-сиреневые тени и малиновая помада довершали образ деловой Жени, неустанно пытавшейся запрячь веснушки под толстый слой пудры.

Ухмыльнувшись, Игорь наклонился к Жене и сквозь грохот музыкального сопровождения прокричал ей в ухо:

– Оставь жалкие попытки, Зябликова! Все равно каждый на твоей новой работе начнет общение с тобой с уточнения факта реальности твоих фиолетовых глаз, подкрепляя свои предположения идиотскими догадками на тему контактных линз, пластических операций, пересадок роговицы и тому подобного... Кроме богатенького кретина по имени «директор», конечно. – добавил он, снова пытаясь заглушить шум популярного скрипичного оркестра. Женя недоуменно посмотрела на него, а Игорь усмехнулся и подмигнул:

– Такие, как известно, выше пятой точки глаз не поднимают, а значит, шанс, что он, хотя бы случайно, поразится до глубины... хм... души необычным цветом твоих глаз, со всей скорости стремится к нулю.

Женька раздраженно пихнула его под локоть и прокричала ему в ухо ответ:

– Успокойся, Сторожев! Не твоя и не моя забота, куда будет пялиться этот директор, главное – я должна выглядеть максимально прилично, это раз, – она загнула один палец, – по-деловому строго, это два, – второй палец, – и просто классно! Это три. – третий палец. Женька ярко улыбнулась. – Вот три кита, на которых держится успех умной женщины! А со всем остальным, включая пару сотен очумелых вопросов на тему моих глаз, я уж как-нибудь справлюсь!

Она подмигнула закатившему глаза любителю добавить ведро дегтя в лужицу меда и замолчала, снова занявшись пудрой.

Какое-то время опустевшие от невозможности производить мысль в таком грохоте головы были наполнены лишь страдальческими, но при этом не забывающими быть блажными, хрипами какого-то шансонье, жалующегося на недостаток любви в воровском притоне, да еще похлопыванием Эдуарда Петровича по кожаной отделке рулевого колеса в такт, поэтому Женя и Игорь просто смотрели в окно, на стоящие в соседних рядах автомобили, где водители находились на разных стадиях кипения от порядком разыгравшейся на их нервах пробки перед шоссе, ведущего в центр города.

В салоне становилось душно, поэтому Женя не стала драть горло в безуспешной попытке докричаться до отца, ушедшего с головой в музицирование, и передать ему просьбу включить кондиционер, а просто открыла окно. До ее уставших от блотняка ушей вдруг долетел голос кавказской принадлежности, раздававшийся из соседнего тонированного «Ауди», от всего сердца вещавший:

– «Лада-седан... Баклажан... Лада-седан... Баклажан...»

Женька прыснула, а Игорь тут же оживился:

– А что? Женька, может, это знак? Тот понторылый из «Ауди», возможно, подсказывает тебе верную дорогу! Купишь себе старую добрую «десятку», милого сиреневого цвета, это твой цвет, кстати! И дело с концом? Сэкономил ты тысяч двести, на путевку Поле останется всего ничего накопить...

Женя захохотала, насмешливо посмотрев на друга:

– Сам ты «знак», Игорь! Только не судьбы, а «въезд запрещен», в простонародье – кирпич. А бесплатное дополнение в качестве отвертки к этому чудесному представителю отечественного автопрома прилагается? Ну, чтобы я могла ее на каждом светофоре завести?.. Не смей меня, Сторожев, на путевку Поле я и так накоплю, а вот приезжать на работу с двухчасовым опозданием мне как-то не улыбается. Где-то там ждет меня моя «ласточка»... – мечтательно протянула девушка и высунулась в окно, вдыхая холодный утренний воздух.

– Чтоб ты знала, «ласточкой» в свое время как раз и называли «представителя отечественного автопрома». И вообще – кто сказал, что «десятка» не может быть «ласточкой»? – все гнул свою линию Игорь, угрюмо посмотрев на Женю, но дискуссию прервал Эдуард Петрович меткой и весомой фразой:

– Или подпеваем, или молчим в тряпочку, слышите?

И гипоаллергенный «Фольксваген» вновь погрузился в оркестровую яму по самую крышу, уничтожив последние мысли из мозгов пассажиров.

Даже в столь ранний час авторынок уже кишмя кишел как продавцами, то тут, то там перехваливающих процентов на девяносто своих железных коней, так и покупателями, ползающими между рядов и вокруг автомобилей кто с растерянными и глубоко задумавшимися лицами, а кто и с самым знающим выражением в глазах, торгующиеся до последней капли бодрости в их сердцах и теле. Доехав без приключений и почти не оглохнув, Эдуард Петрович, Игорь и Женя прогулочным шагом продирались между автомобилями всех возможных марок, цветов и размеров, придирчивым взглядом окидывая как «железных коней», так и их хозяев, с той же железобетонной упертостью не желавших скидывать цену.

– Эй, брат, бери, недорого отдам, почти не битая! Коробка – шик, самый умный в мире «робот»! – вещал с акцентом какой-то тип кавказской национальности, похлопывая рукой по старенькому, притихшему «Пежо»-универсалу, стоявшему с таким печальным видом, что Жене даже показалось, будто от грусти его фары потускнели и поникли.

– Не проходите мимо! «Нексия», почти новая, кузов – в идеале, всего-то семь годков, летает, как зверь! Можно обмен, можно в кредит, любые условия! – кричал с другой стороны толстый, лысый мужчина с румяными щечками и огромным животом, вываливающимся из-под потрепанной кожаной куртки.

– Нет. Нет. Нет. – коротко, но жестко отвечал Эдуард Петрович всем желающим поскорее избавиться от своего автохлама за очень неплохие деньги, ведя за собой Игоря и Женю к той части авторынка, где торговали не новыми, но приличными «иномарками».

– Почти не битая, почти не крашенная, почти не езженная, почти заводится, а с толкача – так все сто раз из ста... – хмыкнула Женька, с любопытством глядя вперед, туда, где пестрели более новые и более дорогие иностранные автомобили. – Какая-то странная политика у этих торгашей – с помощью антирекламы толкнуть свои машины за бешеные деньги...

Игорь ухмыльнулся.

– Ничего странного, Женька. Они-то думают, что делают своим колымагам комплимент.

Ребята расхохотались и продолжили внимательно всматриваться в, так сказать, предложенный ассортимент.

Прошел почти час с тех пор, как они вошли на территорию рынка, но как ни старались Эдуард Петрович на пару с Игорем склонить девушку к более-менее приличным вариантам, она упрямо качала головой и продолжала змейкой бродить вдоль рядов, внимательно приглядываясь к въезжающим в ворота автомобилям.

– Женя, ты вредина. – бурчал папа, уже порядком устав отбиваться от назойливых продавцов и их «привлекательных» цен, шагая теперь уже не впереди, а следом за девушкой, и мрачно переглядываясь с таким же недовольным Игорем и его «Дартом Вейдером», тарасившемся на прохожих с темно-красной футболки, выглядывающей из-под серой куртки с высоким воротом. – Если тебе ничего не нравится, тогда поехали домой. Приедем потом еще раз, может что и...

– Нет, нет, папочка, я чувствую, она должна быть где-то здесь! – упрямо отрезала Женя, горящими глазами в десятый раз оглядывая те же, что и пять минут назад, автомобили.

– Говорю же, давай купим тот «Хендэ», и дело с концом! Не такой уж старый, двигатель 1,8 литра, коробка – автомат! Будешь летать на нем, как птица над городскими крышами! – широким жестом махнув рукой в подтверждение своих слов, с умоляющими нотками в голосе проговорил Игорь.

Женя вздохнула. Ну ничего-то они не понимают! Мужчины...

– Может быть, Игорек, но я его не хочу. Сердце у меня на твой «Хенде» не дрогнуло, понимаешь? – все еще сияющими ожиданием глазами девушка посмотрела на друга, и тот ворчливо усмехнулся:

– Сердце у нее, видите ли, не дрогнуло... А если оно вообще ни на одну машину не дрогнет, тогда что? Ночевать здесь останемся? Палатку разобьем? Чур я сплю в двойном мешке. – поспешно уточнил он, а Женя хохотнула.

– Придурок! Ладно, еще пятнадцать минут походим и, если ничего не найдем, то уе...

Она осеклась и остановилась, замерев и чувствуя, как звонко заколотилось сердце, а в душе что-то приятно и радостно сжалось, посылая всем органам тела мелкую дрожь.

– Чего «уе»? А, Женька? Жень? Эй!!! Ты что?? – окликнул ее Игорь, наткнувшись на ее резко затормозившую спину, но Женя слышала его сквозь пелену помех.

На территорию рынка въехал маленький «Опель» ярко-желтого, канареечного цвета и, моргнув белым, мягким «ксеноновым» светом, как бы призывая девушку к себе, остановился через несколько рядов от нее.

В ушах Женьки зашумело, и она, умирая от радости, рванула, что было сил, туда, к ней, той самой машине, о которой она мечтала в своих снах, той самой «ласточке»...

– Быстрее, быстрее, за мной! – крикнула Женька папе и Игорю, которые недоуменно наблюдали за ней, пытаясь понять, куда она так быстро уносится, успешно лавируя в толпе и не замечая ничего вокруг, а Женя точно знала – вот она, ее машина...

Подлетев к «Опелю», не успевшему даже мотор выключить и остынуть, она восхищенно потрогала капот рукой, расширенными глазами разглядывая обычный, далеко не новый, желтенький автомобильчик, будто он был слит из цельного золотого самородка, а подошедшие Эдуард Петрович и Игорь лишь недоуменно и насмешливо переглянулись:

– Эта блоха? Ты что, Зябликова, сдурела??? – шокировано поинтересовался Игорь, а папа нахмурился:

– Дочь, она какая-то ненадежная... Посмотри, какой тонкий металл! Да еще желтая... Что за идиотский для машины цвет??

– А девочкам нравится. – вдруг заявил из-под опустившегося со стороны водительского сиденья окна голос, принадлежавший маленькой, тоненькой женщине-блондинке с коротко стриженными волосами, красными, как бывший флаг СССР, губами, и живыми голубыми глазами. Она с улыбкой посмотрела на отключившуюся от земного мира Женю, медленно расхаживающую вдоль автомобиля с таким видом, будто у нее с ним разговор по душам, а затем, легко выпорхнув из, пока еще, своего авто, продемонстрировав тоненькую фигурку в облегающем сером платье и сапоги без каблука до колен, подошла к Эдуарду Петровичу и Игорю.

– Здравствуйте. – мило и спокойно поздоровалась она.

Женя вдруг снова стала различать звуки. Удивительное дело: почувствовав рукой гладкий, лакированный металл этого «Опелька», ей показалось, будто он тоже трепещет от радости встречи с ней, будто она всю жизнь ездила именно на этой машине и только ее представляла рядом с собой...

– Ласточка. – тихо и ласково шепнула автомобилю Женя и подлетела к хозяйке, округлившимися глазами, полными оживленного огня, посмотрев на нее:

– Сколько? Сколько стоит? Сегодня можем переоформить?? А можно внутри посидеть???

Женщина рассмеялась и кивнула:

– Садитесь, конечно! Вот это да! Никогда не думала, что найду покупателя через секунду после въезда на рынок!

Пока Эдуард Петрович и Игорь расспрашивали все об автомобиле, придирчиво разглядывая его снаружи, засовывая головы под днище, в багажник и капот, Женька уселась на водительское кресло и, вдохнув запах кожи и тонкого, цветочного ароматизатора, взялась за руль.

Внутри нее все пело и танцевало: она с любовью оглядела приятную панель, гладкую, округлую, удобную, такую, что хотелось смотреть и смотреть на нее, потом легонько прошлась пальцами по кнопкам на руле, ощущая дикий трепет в груди, и оглядела тесный, но такой уютный серый салон с обтянутыми велюром и кусочками кожи креслами, не имея сил сдерживать улыбки.

Пассажирская дверь отворилась, и рядом с Женей плюхнулся Игорь, с трудом сложив свой длинный организм так, чтобы не тереться макушкой об потолок машины.

– Зябликова, а ты вообще в курсе, что этой «ласточке» скоро стукнет восемь лет? – с надеждой на спасение подруги из желтого плена проговорил Игорь, оглядываясь.

– Ну и что. – беспечно отмахнулась Женя, разглядывая кнопки на панели.

– И тебя не смущает, что заднее крыло начинает гнить?

– Неа. – мечтательный ответ.

– А тот факт, что для того, чтобы залезть в это детище автопрома, нужно отстегивать голову и, по возможности, ноги?

– Ну, твоя черепушка, я смотрю, все еще на твоих плечах, раз продолжает сыпать глупостями. – хмыкнула девушка, пересаживаясь назад и продолжая восхищенно таращиться по сторонам.

Игорь покачал головой.

– У нее двигатель – 1,2 литра! Будешь ползти, как улитка, а вес этой жуколицы ты знаешь? На каждой кочке подлетит так, что тебя из окон верхних этажей многоэтажек ловить смогут!

– Кочки, так уж и быть, объеду, а гонять, как болид «Формулы-1», я и не собиралась. – упорствовала Женька.

– А эта дырка в чехле? – Игорь сунул палец в протертое место на водительском сиденье и злорадно посмотрел на девушку. – Такое чувство, что ее кто-то пропер...

– Ой, только без туалетного юмора! – вскинув руку, остановила его Женя и улыбнулась. – Игорешечка, можешь не стараться, я все равно ее куплю, понимаешь? Она – моя, я ее ждала, ясно тебе? – Женька подмигнула раздосадованному другу и весело проговорила:

– Пойдем, договоримся о купле-продаже.

Через пятнадцать минут, обсудив все самые важные моменты касательно окончательной цены и переоформления договора в собственность на Евгению Эдуардовну Зябликову, а также в очередной раз послушав нытье Игоря по поводу «самой неудачной и невыгодной сделки века», а также ворчание отца на тему того, какая у него, все-таки, «неумная и беспечная дочь, не заботящаяся ни о своей безопасности, ни о безопасности других, когда эта банка-склянка выползет на дорогу под ее предводительством», Женя и милая блондинка по имени Юлия условились на том, что они прямо сейчас поедут в ГАИ для постановки автомобиля на учет и составления договора купли-продажи, так что Юлия преспокойненько нырнула в свой, правда теперь уже лишь на оставшиеся двадцать минут, автомобиль, а счастливая, как Дед Мороз после окончания новогодних праздников, Женька и мрачные, как будто их заставили поест сухеных тараканов, Игорь и Эдуард Петрович поплелись к «Фольксвагену» на парковку перед рынком.

Однако, еще не успев подойти к автомобилю, Женя почуяла неладное, когда увидела, что выезд с парковочного места их машине перекрыл мощный зад новенького, гладкого и блестящего, темно-синего, словно ночное небо, «Ниссана Экстрейла».

– Ну и что за безмозглый идиот поставил сюда свою телегу? – недовольно и раздраженно проговорил папа Жени, подходя к «Фольксвагену» и оценивая на глазок возможность выползти в небольшой просвет, оставленный между задним бампером «Экстрейла» и соседствующей рядом машиной. Сообразив, что придется ждать водителя, он еще больше посмурнел и нахмурился.

– Вот черт! – ругнулась Женька, нервно посмотрев на часы. – Скоро лекция начнется, а мы еще даже не в ГАИ... И неизвестно теперь, когда попадем туда. Благодаря этому оборзевшему придурку.

Игорь тоже помрачнел, оглядывая парковку, а Эдуард Петрович «пикнул» сигнализацией и грозно приказал:

– Так. Сидите пока в машине, а я попробую отыскать хозяина этого тарантаса.

И, уверенной походкой, возвышаясь над машинами благодаря своему внушительному росту и выделяясь на фоне грязновато-серой, белой и черной автомобильной массы широкими плечами, он двинулся к будке охранника на въезде.

Игорь и Женя уселись в машину, угрюмо наблюдая через стекло за обстановкой вокруг и одинаково нервно постукивая ногами.

– Мне кажется, если ничего не сделать, то так и будем тут сидеть до скончания веков. – задумчиво проговорил Игорь, глядя на автомобиль, создающий помеху к счастливой жизни.

Женя усмехнулась и облокотилась вперед, положив руки на панель машины.

– И что ты предлагаешь? Выскочить наружу и начать носиться по парковке с криками: «О, Боже, помогите»??

– Зря смеешься. – пригрозил девушке пальцем Игорь. – Носиться не обязательно, а вот попробовать врубить сигналку... Думаю, это нам по силам.

Женька вытаращила глаза и схватила Игоря за рукав в тот момент, когда он уже открыл дверцу авто, собираясь двинуться на «Ниссан» угрожающей, тощей тенью.

– Эй, может, не надо? У него номера какие-то крутые, вон: Е313ЕЕ... Видел?

Но Игорь, воспарив на крыле своей рыцарской идеи спасения Жениного дня, гордо и бесстрашно посмотрел на подругу, покровительственно отцепив ее руку от своего рукава:

– Не дрейфь, Зябликова, я же не бить ее собираюсь, просто постучу, попинаю колеса... Сиди здесь, сейчас все будет!

И, не слушая новые аргументы Жени насчет происхождения хозяина сей весьма недешевой тачки, Игорь вылез из «Фольксвагена» и, уверенно приблизившись к «Экстрейлу», со всей силы принялся пинать его по колесам, методично «обпинавая» каждое из четырех, шагая вокруг машины.

Сердце Женьки сжалось в дурном предчувствии: в нашей стране еще с детства заботливые мамы внушают своим деткам избегать представителей крутых тачек и «зеркальных» номеров, да кроме того, Женю как-то однажды судьба уже сталкивала с представителями подобной прослойки общества, и она успела понять, что с ними нужно общаться без капли страха, уверенно и также нагло, чтобы вызвать их уважение (а может, и гнев... но в любом случае, страх и учтивость здесь противопоказаны), но вот милый, наивный Игорек... Для оказания достойного отпора таким личностям он был слишком мягок и интеллигентен... Так, стоп, кто это там идет?..

К Игорю вдруг уверенной, быстрой походкой подлетел мужчина и с ходу схватил его за шиворот, как нашкодившего котенка, оттолкнув от своей машины (а то, что это и был сам хозяин, «оборзевший придурок», сомневаться уже не приходилось) и близко заглянув ему в лицо, излучая одновременно и бешеную злость, и самоуверенность, и еще не совсем отключившуюся выдержку, а также ярко выраженное мужское превосходство. Женя сразу ощутила огромную разницу между ними: мужчина был молод, но смотрел на Игоря столь убийственно и презрительно, с такой внутренней уверенностью в своей победе, что Игорь ощущался как будто маленьким (при том, что их рост практически совпадал), слабым ребенком, а в руках этого «крутого» была безграничная воля, сила и неколебимая власть над ситуацией.

За полсекунды девушка успела податься вперед и разглядеть самоуверенного незнакомца: темный костюм, идеально сидевший на его подтянутой, широкоплечей фигуре, дорогой, – это Женька определила, даже особо не приглядываясь, – белая рубашка, темный галстук в полоску, на руке, крепко и с силой сжимающей воротник куртки Игоря (заметно струхнувшего и опешившего от неожиданного нападения), сидели золотые часы, рукава рубашки украшены такими же золотыми запонками, модные, совершенно шикарные, начищенные черные туфли... В общем, незнакомец, по поведению напугавший Женю представителей местного криминалитета, был одет очень недешево и с ярко-выраженным вкусом.

Лицо мужчины Женя почти не видела: только крепкий затылок, темные или темно-русые, почти черные, волосы, аккуратная модельная, чуть удлиненная стрижка... И все, больше ничего. Быстро опустив стекло водительской дверцы, девушка услышала разгневанный, жесткий, наполненный холодной угрозой и безграничной яростью голос:

– Пнешь еще раз – и я сломаю тебе обе ноги. А теперь – говори, только внятно, я терпеть не могу засранцев, жующих сопли: чего надо от моей тачки? Ну? – он грубовато тряхнул

Игоря за шиворот, и тот на миг зажмурился, видимо, испугавшись, что в его красивый голубой глазик прилетит мощный кулак, но, быстро сообразив, что этот самодовольный говнюк в дорогом прикиде пока не собирается его бить, набрал в легкие воздух и вежливо, но нервно, взволнованно проговорил:

– Вы перекрыли нам выезд, а мы, между прочим, спешим! Не могли бы вы убрать с дороги свою машину? – и, сделав паузу, Игорь тихо добавил:

– Пожалуйста.

Женя увидела, как незнакомец отпустил Игоря, оттолкнув его от себя, и встал к ней боком, так, что она успела заметить довольно приятное мужское лицо, легкую щетину на щеках и подбородке, темные брови, которые сейчас были насмешливо приподняты кверху, правильный нос с небольшой горбинкой и длинные ресницы, обрамлявшие холодные и презрительные серые глаза. На вид девушка могла дать ему не больше тридцати пяти – на это указывало и то, как независимо и уверенно он держался и легко, очень даже реалистично, угрожал тому, кто позволил себе случайно перейти ему дорогу. Такие черты, по обыкновению, формируются у уже зрелой, самодостаточной личности, прочно вставшей на ноги на этой земле.

Серые глаза с ухмылкой и презрением оглядели простую, самую обычную, не дешевую, но и не дорогую полуспортивную куртку Игоря, темно-красную футболку с а-ля «Оптимусом Праймом» из «Звездных войн», потертые джинсы и синие, стоптанные кеды, и вдруг снисходительно усмехнулся, всем своим видом демонстрируя то, какое одолжение он сейчас делает этому наивному пареньку, об которого даже «руки мараť не хочется».

Сунув руки в карманы брюк и приняв развязную позу, он вдруг посмотрел куда-то направо, где, к удивлению Женьки, которая не заметила его сразу, поскольку была увлечена разборкой с участием ее друга-супергероя на переднем плане, стояло еще одно действующее лицо: мужчина в дорогой кожаной куртке, накинутой поверх синей рубашки, в черных брюках со стрелками, с толстой золотой цепью на шее, по всем оценкам болтающийся в районе сорока лет. Женя обратила внимание, что его темные волосы на голове уже начали редеть, а ухмылка демонстрировала парочку золотых коронок во рту.

– Мы закончили, Ярик? – спросил его сероглазый наглый тип в костюме, и мужик в кожанке, именованный Яриком, задумчиво прищурился и проговорил с небольшим, но все же заметным акцентом:

– Остались детали, брат.

Сероглазый кивнул и жестко посмотрел на Игоря:

– Три минуты, парень. У меня важный разговор. – и, отвернувшись, он отошел к Ярику, о чем-то серьезно заговорив с ним.

И Женя, и Игорь, откровенно говоря, прифигели от такой наглости, но если наученная горьким опытом и все-таки имеющая толику здравого смысла в голове девушка распекала бы про себя самоуверенного кретина разными красочными словечками, но все-таки подождала бы эти злосчастные три минуты, то Игорь, с уязвленным мужским достоинством через плечо, вдруг нашел в себе силы ввязаться с «понторылым» типом в неравный бой.

Подойдя к нему, он вызывающе проговорил слегка подрагивающим голосом:

– Эй! Послушайте! Я же сказал: мы спешим! Нам некогда ждать, поэтому прошу убрать автомобиль, пока я полицию не вызвал!

Женька досадливо закатила глаза и хлопнула себя по лбу рукой, думая о том, что глупее угрозы для этого богатенького придурка и быть не могло, как ее мысль подтвердил и сам «придурок».

Ей показалось, что она физически почувствовала, как вспыхнул горячий, почти обжигающий гнев в этой правильной, модной фигуре, хоть и стоял он к ней спиной, но когда мужчина медленно повернулся, уставившись на Игоря так, будто собирается убить его одним только вызывающим, ядовитым, сжигающим все живое взглядом ледяных серых глаз, Женька поняла,

что была права и что ее милому и такому воспитанному, культурному дурочку Игорю сейчас придет каюк.

– «Пока я полицию не вызвал»... – насмешливо проговорил мужчина, испепеляя горящим, как огонь, злым взглядом как-то даже отступившего на шаг Игорька. – Слушай меня внимательно, дебил: можешь вызвать полицию, ОМОН, СОБР, службу спасения, дух твоей прапрабабушки и мэра города заодно, мне наплевать, потому что... – он вдруг снова схватил Игоря за шиворот и заглянул в его не на шутку испугавшиеся голубые глаза своими решительными, потихоньку спускающими тормоза и здравый смысл куда-нибудь проветриться, серыми глазами, и уже более тихо и совсем грозно и жестко закончил:

– ...потому что, пока они будут ехать, я успею закончить свой разговор, протереть твоим лицом номерные знаки своего автомобиля и спокойно отправиться по своим делам. А если ты сейчас же не отвянешь, долбодаун, я отложу разговор и сразу займусь твоим лицом, усек, парниша?

Он вдруг легко, но с такой грозной, разрушительной силой и дьявольской ухмылкой тряхнул Игорька, что Женька вскрикнула, испугавшись за друга, а сам Игорь еще больше сжался, даже, кажется, ростом ниже стал от таких разговорчиков, но, судя по всему, понимая, что на него смотрит девушка, желая не выглядеть слишком уж жалким в ее глазах, Игорек все же решил еще посопротивляться, тихо проговорив слабым голосом:

– А чего это вы мне «тыкаете»? Мы с вами не знакомы, элементарную вежливость никто не отменял! Отпустите меня, и, в третий раз повторяю, нам нужно ехать, уберите...

– Ну ты попал, приятель! – довольно протянул Ярик, и в эту секунду сероглазый схватил Сторожева за грудки, намереваясь, видимо, перейти от слов к делу, но теперь не выдержала Женька:

– Да что же это, черт побери, такое?!? – воскликнула она и, нисколько не страшась этого кретина в костюме с замашками быдла не первой свежести, выскочила из машины, кипя от гнева.

Подлетев к парочке, девушка резко оттолкнула мужчину от Игоря, сорвав его руки с куртки своего друга, и сияющими гневом фиалковыми глазами вызывающе уставилась в ледяные, горящие бешеным желанием кое-кого убить, серые глаза, задним мозгом все же отразив, что эти глаза имеют какую-то странную, едва уловимую привлекательность, но также отметив, с каким удивлением и насмешкой они уставились на нее:

– А ну ты, поросычья рожа, отвали от моего друга! И пальцем трогать не смей, слышишь? – прошипела она, ощущая, как ее щеки запылали от ярости, приближаясь по цвету к темно-рыжим кудряшкам. – И тачку свою треклятую убери, тебя же нормально попросили, авторитет среди шестерок на побегушках у криминальных боссов! Сейчас же, слышишь, парниша? – передразнила она его же слово, и мужчина вдруг ухмыльнулся, сложив руки на груди и слегка наклонив голову на бок, медленно, внимательно принявшись разглядывать лицо девушки, скользя серыми глазами по ее щекам, губам, спустившись ниже, к шее и блузке, слегка задержавшись в районе груди, но все же двинувшись дальше – к юбке и, пройдясь по длинным ногам, снова вернувшись к глазам.

Женя ждала, ощущая только гнев, гнев и раздражение, что этот нахальный мерзавец еще умудрился так в наглую «заценить» ее внешний вид и фигуру, как будто от этого зависела ее дальнейшая судьба. Но, судя по всему, не найдя ничего для себя интересного в Жениных «преlestях», самоуверенные и насмешливые серые глаза все с тем же непоколебимым мужским превосходством и даже каплей любопытства разглядывали ее фиалковые радужки.

– Угу. Значит, герой обделался и нажал тревожную кнопку, вызвав подмогу в виде подружки слюнявой девчонки? Смешно. Так что ты там визжала, антилопа пятнистая? Кажется, я какую-то угрозу слышал. Может, погромче озвучишь? – ухмыляясь, ядовито, с огромной долей издевки и абсолютным бесстрашием спросил он.

Женька вспыхнула, чувствуя, как обида от его оскорблений полоснула ее сердце, но постаралась собраться и прищурилась, тоже сложив руки на груди. Не бояться. Не сдаваться. Смотреть в глаза. Тогда он почувствует ее силу. Почувствует, что они на-равных... Похоже на животный мир, но Женя понимала, что с людьми подобного контингента, считающего, что весь мир должен стелиться перед ними лоскутным одеялом, по-другому не выйдет победить.

– Да, угроза была, глухарь. Я сказала, что если ты не уберешь свою колымагу к чертям собачьим, то я сначала раздавлю тебя интеллектом, брутальная мясорубка с лицом, похожим на человеческое, а затем займусь и тачкой твоей, так что весь оставшийся день тебе придется украшать своей деловитой рожей какой-нибудь задрипанный автосервис. Так достаточно громко?

Мужчина еще с ухмылкой попялился на нее, а затем переглянулся со своим знакомым, после чего они хором расхохотались.

– А она мне нравится, Серый. – с хохотом проговорил Ярик и, плотоядно оглядев Женю с ног до головы, омерзительно подмигнул:

– Не оставишь телефончик, кошечка?

– Звони 03, ветеринар, тебе обязательно ответят. – холодно огрызнулась Женя, не сводя глаз с сероглазого подонка.

Тот вдруг шагнул к ней ближе и, с большой долей ярости и откровенной ненависти, болтающей его взрывоопасную психику на границе с безумием, тихо, совершенно серьезно и влиятельно проговорил:

– Твое счастье, коза, что ты и твоя подружка, – он насмешливо взглянул на Игоря, с самым несчастным и беспомощным видом зависшего около Жени, – девочки. А я девочек не бью. Но дам тебе совет, при чем бесплатный: прежде, чем кукарекать свои детские угрозы, сначала подумай, что **я** могу с тобой сделать, если ты или твой дружок еще раз попадетесь у меня на пути. Так, короче, – раздраженно подытожил он и гневно схватил Женьку за локоть, больно сжав, – увижу вас снова – и тогда уже твоей тачке понадобится искусственное дыхание, понятно? А ты, – он посмотрел на бледного Игорька, которого только чудо удерживало в вертикальном положении, – ты будешь обмотан вокруг ее несчастного авто вместо красного бантика.

Женя попыталась вырвать локоть, но мужчина лишь сильнее сжал его, посмотрев на Женю таким взглядом, будто она сейчас должна секундочку спокойно постоять, чтобы обмозговать его слова, после чего ухмыльнулся и сам (о, ну конечно! Вырываться не было смысла, как же она сразу не догадалась! Этот тип любит, чтобы все было так, как он хочет: еще один повод продемонстрировать свое превосходство) выпустил ее руку. Сердце Жени билось с оглушительной силой: а ну, как он ее потом найдет и отомстит за все грубые слова, сказанные в его адрес? Она действительно его совсем не знает, а он ведет себя так, будто очень влиятелен и опасен... Но ни единый мускул не дрогнул в ее лице, а слух не воспринимал тихие попытки Игоря успокоить ее и увести в машину.

– Очень страшно, урод. – заявила Женя со всем своим презрением и брезгливостью под громкое шиканье Сторожева, но «Серый» проигнорировал (к огромному счастью!) этот выпад, а лишь посмотрел на золотые «Ролексы» на своем запястье и нахмурился:

– Вот черт. Опаздываю. – он обернулся к Ярику и протянул ему руку, проговорив:

– Давай вечером в ресторане закончим? Я должен ехать.

Ярик пожал плечами, не сводя глаз со все еще пылающей Женьки, и улыбнулся:

– Как скажешь, брат. Только ты платишь.

– Идет. – они пожали руки, и мужчина, из опасного представителя бандитского мира вдруг на миг превратившийся в обычного, делового бизнесмена, снова бросил на Женю уничтожающий взгляд, презрительно проговорив:

– И прекращай заступаться за свою подружку, если ты, конечно, хочешь, чтобы она стала тебе другом. Все, Ярик, до созвона. – бросил он мужчине в кожанке и уверенной, развязной походкой стремительно подошел к «Ниссану» и, запрыгнув в него, с визгом в тормозных колодках сорвался с места, разбрызгав осеннюю грязь на окружающие автомобили, в том числе – и на «Фольксваген» Эдуарда Петровича, куда-то, кстати говоря, как сквозь землю провалившегося.

Все еще кипя беспредельной злостью и негодованием, чувствуя, как каждая клеточка ее тела дрожала от напряжения, Женька посмотрела «Ниссану» вслед и злобно процедила сквозь зубы:

– Вот же козел. Пойдем, Игорь.

– Не стоило тебе вмешиваться, Женька. – покачал головой расстроенный друг, вяло проследовав за девушкой к машине, опустив плечи и даже как-то трагично сгорбившись. – Я бы и сам справился...

– Ну да. Я должна была позволить ему навалиться тебе. – хмыкнула Женя, с жалостью посмотрев на Игоря, мысленно собирающего остатки своего растерзанного на клочки достоинства. – Пойми, Игореша, твои «простите-извините» здесь бы не прокатили, этому самодовольному крестину ничего не стоило растереть тебя об асфальт прямо сейчас! Ты слишком добр, а в наше время это, к сожалению, воспринимается как слабость. – пожала плечами девушка, сочувственно хлопнув Игоря по спине и уже намереваясь сесть в машину, как ее остановил вкрадчивый голос с акцентом и сильная мужская рука, вцепившаяся ей в локоть:

– Эй, кошечка, подожди, мы же еще не познакомились! – и не успела Женька и рта раскрыть, как ее довольно грубо развернули, и она оказалась лицом к лицу с тем самым Яриком, который, видимо, не поспешил удалиться после отъезда своего борзого дружка, а намеревался «продолжить общение» с окончательно разъярившейся девушкой.

Заглянув в его темно-карие глаза, с любопытством и явным мужским интересом скользящие вверх-вниз по ее фигуре, Женька дернула локоть, второй раз уже за сегодня попавший в западню наглых мужских рук, гневно проговорив:

– А ну отпусти, или я подниму громкий и пронзительный крик на всю парковку, привлекая оживленное внимание окружающих и охраны, понял, придурок?!?

Ярик ничуть не смутился, а лишь рассмеялся совершенно спокойным смехом и чуть сильнее сжал ее локоть:

– Кричи, детка. Это тебе не поможет. Видишь ли, парковка и охрана, как и весь остальной авторынок, принадлежат мне. Так что никто, кроме твоего дружка в обкаканых штанишках, не прибежит тебе на помощь. Извини. – с триумфальной улыбкой саркастично взгрустнул он, а Женька бешено зарычала, перебирая в голове самые страшные ругательства, какие только есть в русском языке.

– А ну, оставь ее, ты, говнюк, слышишь? – вступился Игорь, попытавшись своей рукой вырвать руку Жени из цепких лап владельца авторынка, но тот лишь с силой, легко оттолкнул его свободной рукой и снова пошло уставился на Женю, которая начала отчаянно дергаться в его медвежьей хватке.

– Отпусти, скотина, или я...

– Тихо, тихо, моя киса, зачем же ты так сразу? – вкрадчиво заговорил Ярик, придвигаясь ближе к Женьке и дыша ей в ухо горячим дыханием с противным запахом мужского пота и сигарет. – Я хороший, я буду очень ласковым с тобой, пойдем ко мне в кабинет, рыженькая, а?

– Отстань от нее! – снова заголосил Игорь, и Женька уже жалела, что вообще решила приехать на этот авторынок... Плевать на машину, нервы дороже... Вот же прицепился, как клещ, ублюдок мерзопакостный...

Толкотня втроем продолжилась еще несколько секунд, пока, откуда ни возмись, на кожаное плечо Ярика не легла бейсбольная бита, сопровождаемая гневным басом отца Жени:

– А ну убери руки от моей дочери, дерьмояд, пока я тебе позвонки все не пересчитал и не превратил твою мерзкую башку в бейсбольный мяч! Слышал, ущерб???

Женька, Игорь и Ярик обернулись и увидели громовержца Эдуарда Петровича, возвышавшегося над ними с бешено вращающимися глазами и битой в руке, поигрывающего мускулами другой руки и испепеляющего мужчину страшным, до чертей разъяренным взглядом, при этом, каждый из троих испытал разные эмоции, связанные с появлением Жениного отца: Женька – глубокую радость и облегчение, зная, что ее папочка всегда сможет защитить свою дочурку, Игорь – просто бешеное облегчение от того, что трезво оценивал свои шансы на победу перед этим наглым кретином в минус сто процентов, а вот сам «наглый кретин» ощутил жгучее разочарование и злость на так не вовремя появившееся третье действующее лицо с весомым аргументом в руках.

– Ну?!? Долго ждать?? – рыкнул разъяренный папа, а Ярик тут же разжал клешню и примирительно поднял руки, посмотрев сначала на битку, а затем уж и на самого Эдуарда Петровича.

– Ладно, ладно, остынь, папаша, я не собирался твою дочурку обижать, только пообщаться с ней хотел и все дела... – миролюбивым тоном проговорил Ярик и отступил на несколько шагов назад.

– Чтобы никогда тебя рядом с ней больше не видел, усек, мерзавец??? – громыхнул Женин отец и для наглядности замахнулся битой. Ярик отскочил еще дальше и испуганно затараторил:

– Усек, усек, не горячись ты, папаша, не трону я твою девочку...

– Пошел ВОН отсюда! – напоследок рявкнул Эдуард Петрович и, опустив битку, махнул Женьке и Игорю, с интересом наблюдавшим за развитием событий, в сторону заднего сиденья:

– Садитесь, дети. Мы же торопимся, забыли? Как хорошо, что я эту штуку всегда с собой вожу... – сам себе пробурчал мужчина и, зыркнув в сторону застывшего с гневным и все еще немного испуганным лицом Ярика, сел в «Фольксваген» вслед за дочерью и ее другом и вырлил с парковки.

Дальнейшие события происходили по типу кинофильма, ускоренно прокручивающегося вперед: Женька, во главе угрюмого, перенервничавшего от всех, произошедших ранее, событий сопровождения в лице папы и Игорька, влетела в здание ГАИ, за долю секунды нашла успевшую уже заскучать в одиночестве Юлию, торопливо составила все необходимые документы и заняла длиннющую очередь из таких же, как и она, счастливиц, решивших этим пасмурным, осенним днем приобрести автомобиль.

Все более и более обреченно глядя на часы, Женя с неохотой призналась себе, что на лекцию в институт уже не успевает, поэтому она вытащила свой мобильный и шустро набрала смс своему однокласснику – Диме Сосновскому, который, вместе с другим парнем, Ильей Селезневым, скрашивал ей серые, юридические будни в стенах учебного заведения: *«Димка, на лекцию не успеваю, застряла в ГАИ, прикрой по старой схеме, ладно? С меня – мамино домашнее печенье»*.

Немного расслабившись, Женя позволила себе облокотиться на сидящего рядом Игоря, с сумрачным и совершенно отстраненным видом нахлобучившего свои супер-очки и теперь машущего перед лицом пальцем, с помощью вот такого нехитрого жеста перелистывая страницы на маленьком экранчике.

Телефон в сумке тотчас же завибрировал, и девушка, глянув на экран и увидев номер Димы, тяжело вздохнула, охваченная дурным предчувствием, что на ее рыжую головушку сейчас посыплется кучка не очень лицеприятных эпитетов.

– Димка, а ты чего, не на лекции, что ли? Уже половина первого почти. – хмуро, без приветствия начала Женька, а в ответ ей зазвучал возмущенный шепот:

– На лекции, Зябликова, а вот ты почему не здесь?!? Ты хоть понимаешь, что препода скоро раскусят нашу схему и смекнут, что вместо рыжей дурынды во время проверки посещения за нее отвечает дебильным писклявым голосом один черноволосый качок?!? Меня, между прочим, подкаблучником уже считают, и это не только Илья!

Женя прыснула и примирительным тоном запричитала:

– Ну, Димочка, ты же понимаешь, что у меня как-то не клеятся отношения с особями женского пола, поэтому кроме вас двоих мне не на кого больше рассчитывать! И подкаблучник – это разве плохо? Не слушай тех, кто говорит об этом с презрением, потому что сейчас им нужен брутальный, упертый, заикленный на себе и своих интересах единорог, а замуж пойдут они как раз за такого, как ты, который умеет пойти навстречу женщине...

– Женька! – еще больше возмущившись, зашептал яростным темпом Дима. – Я и так сейчас на лекции по гражданскому праву, ты-то хоть мне мозги не засоряй своими философскими, якобы «утешительными» мыслями! Чего там у тебя на этот раз? Новая работа? Семейный форсмажор? Или просто какой-то мажор? – добавил он уже с ехидным любопытством, а девушка рассмеялась:

– Не угадал, Сосновский. Всего лишь машину покупаю. И на новую работу, кстати, тоже устроилась, смена через полтора часа. Ну так ты меня выручишь? Мамино печенье – не забывай! – напомнила она про ответное подношение и с надеждой прижала трубку к уху.

Димка вздохнул и все тем же недовольным шепотом проговорил:

– Ладно, дурында Зябликова, так уж и быть. Я готов, но все мои жертвы только ради печенья, поняла? И за новую «тачилку» ты нам в баре представишься, подруга, и это не обсуждается.

Женька победно вскинула кулак.

– Да не вопрос, Димулечка! Спасибо, спасибо, ты самый лучший!

– Тогда выходи за меня замуж. – последовал незамедлительный наглый шелест.

– Ни за что. – весело отчеканила Женька и хихикнула:

– Пока, милый, вечером позвоню! – и положила трубку.

Игорь в шутку укоризненно поцокал языком, а папа, внимательно слушавший ее разговор, нахмурено спросил:

– Это что, был твой парень, дочь? А почему ты нас с матерью с ним не знакомишь? У него что, рожа на затылке?

Женька захохотала и, перегнувшись через Игоря, похлопала отца по плечу:

– Нет, папуля, он очень даже ничего, но мы просто учимся в одной группе, вот и все.

Отец удрученно покачал головой.

– М-да. Современная молодежь катится к чертям. Если просто однокашники общаются друг с другом на уровне «сюси-пуси», то как разговаривают молодые парочки, ума не приложу?

К счастью для Жени и Игоря, разговор на тему современных нравов был прерван неожиданно подошедшей очередью в кабинет, и ребята, наконец, вздохнув от облегчения, толкнули серую, потрепанную временем и миллионами рук дверь.

*** «Плюс»

Около половины второго жутко довольная, но ужасно взволнованная от предстоящего первого рабочего дня или, уже вернее сказать, вечера, Женя подъехала на парковку около высокого, двенадцатизэтажного здания промышленного завода, за которым и начиналась огороженная забором территория, вмещающая в себя большие и маленькие цеха, производственные и складские помещения, а также столовую для рабочих и другие сооружения, представляющие собой офисы. Промышленная организация «Черный полюс» снимала у этого самого завода,

тоже работающего на Министерство обороны, целых два этажа в высотном здании: шестой и седьмой. Евгения уже однажды была там, на собеседовании, поэтому прекрасно знала, куда нужно идти, тем более, что менеджер по персоналу – высокий, статный седой мужчина в очках, с выправкой бывшего военного и подобным же резким и звучным голосом по имени Колпаков Федор Игнатьевич, тщательно и под запись проинструктировал девушку насчет того, какие процедуры ей необходимо будет пройти, чтобы работать в Святая Святых ЗАО «Черном полюсе».

Поколесив туда-сюда по забитой битком парковке, Женька, от нервного возбуждения чувствуя, как немеют ее пальцы, а жар, вперемешку с холодом и дрожью накрывает ее тело, испытывая ее на прочность, уже было отчаялась воткнуть свой маленький, узенький желтый «Опель» хоть куда-нибудь, и что прекрасная, а главное – хорошо оплачиваемая работа в «Черном полюсе» куда-то пролетает мимо, удобно устроившись на той самой фанере, когда-то побывавшей в Париже, но в этот самый момент впереди, машинах в десяти от нее, вдруг зашевелился какой-то серый, тоже небольшой автомобильчик, аккуратно выезжая задом со своего места и также аккуратно убравшегося прочь.

– Фу, Слава Богу, Господи!! – вздохнула Женька с неимоверным облегчением и, глянув на часы и понимая, что она в трех минутах от катастрофы и краха возможной прекрасной карьеры самого лучшего секретаря на этом свете, нажала на газ, рванув туда.

Место было, прям скажем, даже не на целую машину, поскольку счастливая и взволнованная Женька, считавшая, что Бог благословил ее с небес, даровав ей это место и возможность еще успеть на свою новую работу, с огромным трудом втиснулась между двумя автомобилями, особо не разглядывая своих «соседей», а только задним умом отметив, что обе машины гораздо крупнее ее «канарейки», а значит, дороже, после чего тяжело и очень осторожно вылезла в узенькую щель своей двери, обтерев при этом половину не очень чистого кузова своего «Опеля», но, не обращая ни на что внимания, схватила сумку и рванула в здание.

Следуя четким инструкциям товарища генерала Колпакова, Женька дрожащей от волнения и спешки рукой протянула милой женщине, лет так восьмидесяти, с лучезарным лицом человека, улыбавшегося последний раз, наверное, еще в 1992 году, до распада Советского Союза, приказ на выдачу ей магнитного пропуска, после чего послушала добрую историю о том, что «с такими приказами надо бы к восьми утра приходиться, как все нормальные люди, а не тогда, когда у работающих в поте лица людей обед начинается», и, наконец, была направлена в маленькую, темную комнатку со шваброй в углу, без единого намека на окно, но зато с недешевым фотоаппаратом, установленным на треноге напротив старого, скрипучего стула, для фотографии на пропуск.

Через тяжелые, ощущаемые как каждая капля ледяной воды, упавшей из душа на голую кожу спины, пятнадцать минут, Женька, наконец, стала счастливой обладательницей белой магнитной карточки с порядком ошалевшим, как будто ей только что сделали электрофорез, и лохматой, как Лев Бонифаций, ею же самой на фотографии не очень хорошего качества.

Пройдя, наконец, через контрольно-пропускной пункт, Женька бросилась к двум производственным, а потому – огромным лифтам с левой стороны от входа. Втиснувшись в железную, громыхающую кабину вместе с двумя мужчинами в синих рабочих комбинезонах, припертая со всех сторон каким-то огромным железным ящиком на тележке, который они любезно вкатили за собой, Женька еле дотянулась до кнопок и нажала на цифру семь, чувствуя, что еще чуть-чуть – и ее нервы полопаются и будут выглядеть как рваные струны на гитаре после не очень бережного к ней отношения.

На ее счастье, железный контейнер и рабочие держали путь на четвертый этаж, поэтому за пару секунд до выхода в пункте назначения взмыленная девушка успела встряхнуть блузу и одернуть юбку. С распушившимися во все стороны волосами она уже все равно ничего не могла поделать.

Двери открылись, обнажив просторную лестничную клетку с большим окном и широким подоконником, на котором стояли несколько заполненных окурками пепельниц, а также дверь с магнитным механизмом слева: войти в нее мог лишь тот, у кого был доступ на магнитном пропуске с ужасающей фотографией.

Однако, воспользоваться своим новым приобретением Евгения не успела: на лестнице, важно выгнув спину колесом и подняв седую голову к потолку, задрав нос к самой его белой штукатурке, в идеально выглаженном сером костюме и черной рубашке с галстуком в крапинку, четко и гордо чеканя шаг, отдыхая на каждой ступеньке, поднимался сам генерал Колпаков Федор Игнатьевич, в свои явно не молодые годы не желающий терять форму и демонстрировать современной молодежи, что шестидесятилетний организм бывшего генерала мотострелковых войск может давать сбой.

Увидев Женьку, застывшую у лифта с вытаращенными от адреналина и нервного возбуждения глазами, он на мгновение остановился и посмотрел на наручные часы, причмокнув губами:

– Ага, здравия желаю, Евгения Эдуардовна! Без пяти минут четырнадцать ноль-ноль... Непунктуально, Евгения Эдуардовна, непунктуально... Завод у нас большой, поэтому на перемещения по территории, имейте ввиду, нужно время, значит, отставить опоздания, приходим в следующий раз заранее, понятно, товарищ секретарь генерального директора?

Женька потупилась, скромно сжав руками сумочку. Она и сама терпеть не могла опоздания, но ее сущность была против того, чтобы девушка везде успевала: Женя умудрялась приходить минута в минуту почти всегда, поэтому зачастую ей приходилось бежать следом за отходящим от остановки и гораздо более пунктуальным, чем она, автобусом или трамваем, рассчитывая только на доброе, незлорадное и понимающее сердце водителя, завидевшего в заднее стекло несущуюся рыжеволосую и всклокоченную дылду на каблуках с огромными и отчаянными фиолетовыми глазищами. Она боролась с собой, как могла, пытаясь вставать раньше, собираться быстрее... Но, увы. Почему-то каждый раз происходило одно и то же, иногда по ее воле, иногда – по не зависящим от нее обстоятельствам.

– Извините, Федор Игнатьевич. Такого больше не повторится. – послушно проговорила она, виновато посмотрев в его строгие голубые глаза, внимательно и проницательно изучающие ее.

Федор Игнатьевич подошел ближе и вдруг, по-доброму, усмехнулся:

– Ну-ну, это мы еще посмотрим. А сейчас вперед, новичок, тебя ждет Светлана.

Женя мило и наивно улыбнулась Федору Игнатьевичу и пошла вперед, к двери, придерживаемая его большой и теплой рукой за плечо.

Открыв дверь с помощью магнитного пропуска, Федор Игнатьевич явил взору Жени длинный коридор, с правой стороны вдоль которого находилось несколько дверей, а где-то там, впереди, слышался цеховой шум и через стеклянные двери виднелись снующие туда-сюда рабочие в белых халатах.

– Я провожу тебя до секретарской, а там Светлана Ивановна уже все расскажет и покажет тебе, что к чему. Все ясно, товарищ Евгения Эдуардовна? – строго, но с легкой улыбкой проговорил Федор Игнатьевич, увлекая Женю вперед, по коридору и все еще придерживая за плечо.

Жене нравился этот мужчина, бывший военный, нравилась его жесткая манера разговаривать, его армейская выправка и правильное, немного чудаковатое для гражданского общества, но вежливое обращение, поэтому она ярко улыбнулась ему и весело ответила, чувствуя, как волнение отступает, а на смену ему приходит бодрость и готовность «идти в бой»:

– Так точно, товарищ Федор Игнатьевич!

– Вот и молодец! – довольно улыбнулся мужчина, явно удовлетворенный тем, что они говорят «на одном языке», и даже слегка потряс Женьку за тонкое плечо, как бы подбадривая девушку.

Первые стеклянные двери слева были распахнуты настежь, и Женя испытала двойное волнение – это была секретарская, место ее работы.

Аккуратно войдя внутрь, ступив на застланный мелковорсовым серым ковролином пол, Женька огляделась: с левой стороны возвышалась стойка секретаря, на стене рядом с ней висело небольшое зеркало и календарь с дурашливыми котятами, а позади стойки простиралось окно во всю стену, заставленное горшками с таким немыслимым количеством растений, что Женьке сразу стало дурно: она отвыкла от растений – дома у них проживали только три хилых кактуса, которые, казалось, не зацветут вообще никогда.

Чуть правее стойки была установлена современная кофемашина, около которой сейчас ошивались двое парней в белых халатах, что-то бодро обсуждая и с интересом заглядывая за стойку, где, судя по милому женскому голоску, все же, кто-то был.

За кофемашиной начиналось очередное окно с цветами, которое упиралось в пластиковую, матовую перегородку с дверью, на которой красовалась табличка «Генеральный директор». Из-за двери слышались какие-то приглушенные голоса: по всей видимости, шло совещание. Рядом с кабинетом директора была еще какая-то дверь, но рассмотреть ее Жене уже не удалось: Федор Игнатьевич, повелительно руководя ее движением с помощью своей руки, повел ее прямо к секретарской стойке.

– Светлана Ивановна. – кашлянул он, и Женька, подойдя ближе, увидела молодую девушку, брюнетку с длинными, прямыми волосами, спадающими на ее спину и грудь, в обтягивающем ее довольно складное тело черном строгом платье с самой, что ни на есть, скромной длиной – ниже колена, и не совсем скромным вырезом декольте, демонстрирующим много чего очень даже интересного, особенно с позиции стоящих за стойкой людей. У девушки было круглое, очень улыбчивое лицо с милыми ямочками на щеках, большие глаза темно-болотного цвета, нос с горбинкой и темные, как будто в удивлении приподнятые брови, но Женя, страдавшая от своих жгучих кудряшек, веснушек и бледного лица, посчитала ее просто расчудесной красавицей... Брюнеткой... Нормальной!..

– Да, Федор Игнатьич? Чем-то помочь? – протараторила быстро и оживленно Света, с широченной улыбкой, обнажившей ряд белоснежных, ровных зубов, глядя на мужчину, стоявшего перед ней, словно раскидистый древний дуб.

– Я привел нового товарища, нового секретаря, помнишь, мы вчера говорили?..

– А-а-а!!! – радостно воскликнула Светлана, вскочив с места и захлопав в ладони. – Правда, Федор Игнатьич, правда?!? Наконец-то, а то с учебой полный напряг!

Федор Игнатьевич довольно улыбнулся и легонько хлопнул Женю, начинающую уже уставать от его руки, по плечу:

– Вот, познакомьтесь: это Евгения Эдуардовна Зябликова, новый секретарь. – Женя мило и дружелюбно улыбнулась Светлане, во все глаза с искренним любопытством тарасившейся на нее с неизменной счастливой улыбкой на лице, внутри себя тревожно сжавшись: а ну, как ее «антиженская карма» отпугнет такую приятную во всех отношениях девчонку? А может, ей в жизни просто не встречались по-настоящему хорошие девчонки?.. – Евгения Эдуардовна, – продолжил учтивое знакомство товарищ кадровик, – а это наш действующий секретарь, несравненная Светлана Ивановна!

Света весело прыснула, застенчиво махнув рукой:

– Ой, скажете тоже, Федор Игнатьич! Привет! – счастливо поздоровалась Света, горящими глазами оглядывая Женю.

– Привет! Рада познакомиться. – вежливо проговорила Женя, сильно смутившись от такого теплого приема.

– Ну, дамы, я вас оставляю. – важно пробухтел генерал Колпаков. – Светлана Ивановна, приказ о приеме оставляю, ознакомьте вашу новую коллегу под роспись и верните, пожалуйста-

ста, мне. Удачи, товарищ новый секретарь! – с улыбкой сказал он Жене и медленно и важно удалился.

Женя и Света остались вдвоем, если не считать двух притихших около кофемашины парней в белых халатах, тоже с интересом, хотя и несколько другим, чем у Светы, разглядывавшими Женину фигурку и длинные стройные ноги оживленными глазами.

– Ну, заходи сюда. – радостно выдохнув, Света обошла стойку и протиснулась в узкий проход у окна. У меня как раз еще один стул есть...

Женя протиснулась следом в проход и увидела хороший, современный компьютер, многоканальный телефон, принтер и факс с краю и обширную поверхность рабочего стола, покрытую бумагами и производственными журналами, фантиками от конфет и целым набором разноцветных лотков в углу с правой стороны, тоже битком забитых документами. Женя улыбнулась: творческий беспорядок во время работы был ей знаком, хотя в конце рабочего дня девушка предпочитала тщательно прибирать поверхность стола.

Пока Женька, с любопытством оглядывая свое новое рабочее место, усаживалась на стул и стаскивала с себя грязные сапоги, чтобы поменять их на аккуратные замшевые туфли на высоком каблуке, а Светка суетливо пыталась подгрести бумаги на столе хотя бы в две более-менее приличные кучки, к стойке подошли те самые парнишки в халатах и одинаково с интересом уставились на Женьку. Облокотившись о стойку и стараясь выглядеть необычайно круто, то есть так, будто его тело было нанизано на шарниры и подчинялось бессознательной для самого русоволосого и голубоглазого мальчишки реакции, этот самый парень, не сводя с Жени глаз, залихватски проговорил:

– Эй, Светка, а чего ты нас с новой секретаршей не знакомишь? Мы тоже, между прочим, не последние в этой фирме люди!

– Да, Светик, непорядок! – подхватил второй, тоже развязно бросив верхние конечности на поверхность стойки и с увлечением глядя на то, как Женя обувает туфли.

Света не успела и слова сказать, как Женя, теперь уже чувствуя себя в своей тарелке, игриво посмотрела на светловолосого, почти лысого парнишку и второго, черноволосого и черноглазого, явно несущего в своем развязном теле армянские гены, о чем красноречиво кричал его орлиный нос, и совершенно спокойно и немного весело проговорила:

– А сами что, не можете познакомиться? Зачем посредник? Страшно? – хитро проговорила она, подмигнув обоим и улыбнувшись красивой, тоже, на редкость, белозубой улыбкой.

Света захохотала, а парни удивленно переглянулись и тоже рассмеялись.

– Ничего себе, Севыч, она нас уже на понт берет! – проговорил светловолосый своему другу и с огоньком посмотрел на Женьку, доставшую малиновую помаду и подкрашивающую губы, глядя в маленькое зеркальце в форме цветка. – Так ты – Женя? А я – Олег. А это Севыч. В смысле, Сева. Мы в цеху работаем, сборщики. Участок датчиков давления.

– Очень приятно. – спокойно, снова ничуть не волнуясь, вежливо проговорила Женя и выжидающе посмотрела на Светку, копошащуюся в тумбочке. – Начнем?

– Да, конечно, Жень, только приказ о твоём приеме найду, а то меня Игнатьич тут под стойкой и расстреляет за него... – весело буркнула Светка из-под стола, а мальчишки-датчики не унимались.

– Хочешь, приходи сегодня к нам! Мы тебе экскурсию по цеху устроим, со всеми познанием. – весело проговорил Севыч, прихлебывая кофе из пластикового стаканчика.

Женька вздохнула. Пора сооружать кирпичную стену: дружить, а тем более, заводить какие-то отношения сейчас, после всех ее неудачных, измучивших сердце, горе-романов она не хотела.

– Спасибо, конечно, но не думаю, что вам за обязанности экскурсоводов тут доплачивают. – усмехнулась она, а Светка, раскрасневшись от долгого сидения вниз головой, наконец, вылезла из-под стола с каким-то листком в руке и улыбнулась, проговорив:

– Олег, Сева, а вам не пора на участок, случайно? У Сергея Викторовича скоро закончится совещание, и вы думаете, он обрадуется, когда увидит, что сборщики околачиваются у кофемашины вместо того, чтобы выполнять план по датчикам?

Женя весело помахала им рукой в прощальном жесте, а парни со вздохом переглянулись:

– Эх! Опять она нас гонит! Светка, ну что ты за человек? С красивой девушкой пообщаться не даешь... – удрученно покачал головой Олег, и Сева, выражая солидарность, кивнул:

– Да, Светик, может, ты одному из нас будущее ломаешь, а ты...

– Все, все, парни, идите, у нас дел – вагон! – живо вскочила Светка на ноги и замахала руками, продолжая улыбаться. – Жизнь я им ломаю, понимаешь ли... А о Женьке вы подумали? Я через час убегу на учебу, а она одна останется, и кранты ей, если я все дела не передам!

– Еще увидимся! – мило попрощалась Женя, снова лучезарно улыбнувшись, и угрюмые парни нехотя поплелись вон из секретарской, на ходу бурча:

– Ладно-ладно, Светка, придешь ты еще к нам, когда набойки от тувель поотлетают, фиг мы тебе приделаем!

– Да, все, подруга, благосклонности не жди!

Светка весело фыркнула им вслед:

– Ой, напугали. Давай, Жень, подпиши вот здесь... И начнем.

После того, как Женя подписала свой приказ о приеме на работу, Света пустилась в странное описание всех ее функций, рассказав о корпоративной электронной почте, на которую приходят письма для директора («Пересылай сразу, Женька, а то он потом тебя в порошок сотрет!») и для других отделов («Можешь сначала чай допить, а потом пересылать: не к спеху!»), о многоканальном телефоне, под которым лежала огромная бумаженция со списком добавочных номеров всех сотрудников, которым могут позвонить, о входящей и исходящей документации, об электронном и бумажном журнале для ее регистрации, о том, как пользоваться факсом и принтером, как подготовить необходимые документы на подпись директору и как создать нужные приказы и распоряжения руководства по специальным шаблонам на компьютере.

Женька внимательно слушала и записывала все подробности, имена, важные моменты, нахмурено пытаясь уложить в своей голове ворох информации, так что по прошествии часа они со Светой обе глубоко и облегченно вздохнули, откинувшись на спинки удобных, мягких стульев на колесиках.

– Я так чувствую, – устало начала Женька, – что когда ты уйдешь, мне хана. Полная, безапелляционная, безоговорочная и бесповоротная.

Светка захихикала.

– Нет, тебе кажется. На самом деле ничего сложного, ты же все записала и у тебя есть номер моего мобильного, пиши смс-ки, я очень оперативно постараюсь тебе помочь.

Женька благодарно улыбнулась ей.

– Ты хорошая. И это очень, очень плохо!

Света рассмеялась, удивленная таким странноватым выводом, и проговорила:

– Почему «плохо»? Я всегда думала, что «хорошо» – это означает «хорошо».

Женя пожала плечами.

– В моей жизни с подругами всегда происходил один и тот же фокус – они бесследно исчезали, при чем навсегда... А ты мне нравишься. Жалко будет, если судьба – мой личный фокусник – выкинет и с тобой такой номер.

Светка рассмеялась, наклонившись к Жене:

– Женя! В любом правиле есть исключение, и поверь, я никуда не денусь, только если ты не собираешься обчистить мой кошелек, пока я буду отвечать на телефонный звонок... В чем я сильно сомневаюсь! Кроме того, ты мне тоже нравишься, и остановимся на этом. Слушай, – она хлопнула в ладони, возвращая их обоих к рабочему состоянию, – нам осталось показать

тебе, как работает кофемашина и провести экскурсию по фирме, чтобы ты понимала, кто тут где и чего. Поехали? – она шустро вскочила на ноги, обутое в туфли на невероятно высоких каблуках, на которых Женя побоялась бы и шагнуть, а не то, что резво прыгать, и потянула Женю за руку.

Изучив внимательно все функции и возможности кофемашины, а также записав тщательную инструкцию по приготовлению кофе для самого(!!!) Сергея Викторовича, Женя и Света направились по коридору, попутно заходя во все кабинеты и знакомясь с персоналом, который, вопреки страхам и волнениям девушки, принимал ее очень даже дружелюбно, хотя самых важных лиц, которые и были Жене нужны, а именно: многих руководителей отделов, – не было на местах по причине совещания у генерального директора.

Женя с восторгом оглядывала большие кабинеты, светлые, просторные, где с помощью невысоких, пластиковых перегородок были отделены друг от друга разные отделы. Женя и Света прошли отдел продаж, бухгалтерию, отделы разработок и закупок, побывали на внушительных размерах складе, где хранились все необходимые запчасти для производства продукции, заходили в отдел технического контроля, где пятеро важных женщин в белых халатах, окруженные десятками коробок с готовыми изделиями, проверяли качество готовой продукции, заглянули в отдел технической документации, где так сильно пахло разогретыми от постоянной работы принтера, печатающего документы к изделиям, чернилами, и, наконец, добрались и до самого сердца «Черного полюса» – производственного цеха.

Женя не могла поверить, что она сейчас вот так просто наблюдает за хорошо отлаженным процессом изготовления каких-то там датчиков (она еще не запомнила их названия) и многого чего другого умелыми руками парней и мужчин постарше в белых халатах, шустро суесящихся вокруг каких-то гудящих машин с электронными экранами, она видела несколько различных участков, знаменующих разные этапы производства и разные виды продукции, и у нее перехватывало дух от всего этого методичного технического гула, жужжания, пиканья, разбавленного, однако, звуками переговаривающихся и весело смеющихся голосов, а также громкой музыкой, раздающейся из динамиков музыкального центра в конце зала. Производство казалось ей целой огромной страной, со своими обычаями, правилами, своей культурой и такой простой, но в то же время сложной, многокомпонентной душой, создающей особую привлекательность, создающей целый мир, без которого не может существовать промышленная организация.

Познакомившись со всеми, но с трудом запомнив лишь несколько имен, Женя с гудящей от информации и впечатляющих эмоций головой, сопровождаемая драгоценным кадром Светой, сияющей, как радуга после дождя, вернулась, наконец-таки, в секретарскую.

Не успели они усесться за стол и, как следует, перевести дух с хорошей кружечкой ароматного кофе за компанию, как дверь в кабинет директора отворилась, и из нее вывалились гудящие, как пчелиный рой, засидевшийся в улье и, наконец-то, вырвавшийся на волю из заточения, начальники отделов и другие работники.

– О, как раз вовремя! – весело воскликнула Светка и игриво подмигнула болотным глазом Жене. – Сейчас я тебя со всеми остальными познакомлю, здесь наиболее важный контингент собрался...

В эту минуту толпа, состоящая из несмолкающих мужчин и женщин разных возрастов, хлынула к секретарской стойке и более привлекательной цели – кофемашине. В гуще болтающих Женя уловила лишь отдельные обрывки фраз:

– ...задержали поставки проводов к датчикам давления, поэтому возникли проблемы с выполнением плана, но Минаеву же результат подавай...

– ...напечатали документацию, а тут бац!.. изменения, что же теперь, все полторы тысячи «тэнзигов» переделывать?..

– ...и продажи падают, Минаев сказал, исходящий обзвон подключить надо...

– ...требует разработать блок питания для Министерства обороны, армия заказывает, и главное – за три дня! Ну это нормально разве?..

Из гула и отдельно вылетающих фраз Женя поняла только одно: она ничего не смыслит в промышленной электронике, ничего не смыслит в принципах работы фирмы, но зато точно уяснила для себя одну вещь – генеральный директор, судя по жалобам, – очень строг и неоправданно требователен, особенно в условиях наличия тех проблем, о которых говорят все эти люди.

Из раздумья о фирме Женю вывел приятный мужской голос, зазвучавший совсем рядом со стойкой:

– Эй, Светланка, тебе Боря не оставлял для меня чертежи по новым «тензикам»? Это у тебя, кстати, что, новые тени? Классные!

Женька резко подняла голову и увидела молодого парня, одетого и выглядящего, мягко говоря, экстравагантно: у него были темные, волнистые, как и у Жени, волосы, изящными крупными кудряшками обрамлявшие его тонкое, правильное лицо, половина которого была спрятана под модными, в глянцевой, черной оправе, очками, за которыми сияли миндалевидные, синие, сияющие, как огни ночного города, глаза, тонкие губы были растянуты в невероятно искренней, широченной улыбке, а на нижней губе болтался пирсинг в виде кольца, придавая краску развязности и эпатажа его образу (кольцо, кстати, блестело и в его левом ухе, даже очень было похоже на золотое с виду), плечи и руки парня были запрятаны под малиновый пиджак, под которым виднелась черная рубашка и галстук с разноцветными кругами на белом фоне.

Женька с огромным интересом разглядывала его и ужасно жалела, что пока не может лицезреть этого парнишку в полный рост: очень уж ей было любопытно, что там на нем еще такого необычного было нацеплено... Но, помимо одежды, она чувствовала странную теплую волну, исходящую от него, будто лучик весеннего солнца, согревающий замерзшую после ледяной зимы душу.

Светка тут же зарылась в своих красивых двух стопочках бумаг, только секунду назад лежавших ровными, деловыми грудками, создавая внешнюю видимость порядка, и весело потрещала:

– Да, Сем, сейчас, подожди минутку, найду... Ты пока познакомься с Женей, это наш новый секретарь, мы с ней по полдня работать будем.

Парень, на которого так беззастенчиво и с таким восторгом пялилась Женька, перевел сияющие глаза на девушку и на секунду замер. Его синие, миндалевидные глаза внимательно и с не меньшим любопытством изучили ее лицо, волосы, волосы и снова лицо, с удивлением и восторгом уставившись ей прямо в глаза.

Зрительный контакт все продолжался, все продолжалось ощущение, что Женя купается в солнечном бассейне, а в ее сердце с невероятной быстротой развивалась бешеная симпатия к этому Семе, которого она видела впервые в жизни и которому смотрела прямо в глаза уже целую минуту, ничего не говоря. Семен подошел ближе и облокотился на стойку прямо напротив Жени, а Света, откопав в стопке лист А-третьего формата, сложенного пополам, развернулась к нему со словами:

– Вот, Сема, держи, Боря, правда, опять не подписал... Эй, вы чего? В прошлой жизни, что ли, уже встречались? – захохотала она, удивленно глядя на то, как Женя и Семен беззастенчиво таращились друг на друга со странными улыбками на лицах.

– Ух ты, привет! – наконец-то нарушил молчание Сема. – Ты такая... прикольная! Я – Семен, фамилия – Карташов, разработчик отдела разработок, всякое разрабатываю в свободное от чая с печеньками время...

Все еще глядя в его глаза, Женька искренне и очень красиво улыбнулась, ответив:

– Привет! Ты тоже прикольный... Галстук так вообще!.. А я Женя Зябликова, секретарь в секретарской, занимаюсь всякими секретарскими документами и... еще, черт знает, чем.

Семен весело рассмеялся и наклонился к Женьке близко-близко, внимательно разглядывая ее глаза:

– У тебя глаза... Просто нереальные какие-то! Я таких в жизни никогда не видел! А волосы! Такие... рыжие! А потрогать можно? – вдруг с мольбой в глазах неожиданно спросил он.

Теперь настал очередь Женьки смеяться:

– Можно, только осторожно! Я не проверяла, но вдруг они кусаются!

Семен зачарованно улыбнулся и протянул руку, с восторгом запустив ее в Женины кудряшки, пропуская их между пальцами и с невероятным восторгом рассматривая рассыпающиеся по ее плечам локоны.

– Класс... Такие легкие! И откуда ты взялась такая, Женя Зябликова? Красивая, к тому же...

– Красивая? – весело захохотала Женька, чувствуя, как от теплой энергетики этого самого очкастого Семена Карташова она сейчас либо взлетит, либо лопнет... А главное, как же ей хотелось вот так продолжать находиться рядом с ним, он тянул ее, как странноватый и чересчур открытый магнит!

– Мне нравится. – спокойно кивнул он, продолжая разглядывать Женю, только переместившись взглядом уже на ее блузку, юбку, и частично – на ноги, потому что вторая их часть была надежно спрятана под столом.

– Эй, эй! Вы чего?! – привлекла на себя внимание Светка, махнув между ними чертежом и усмехнувшись. – Если позволить вам продолжить в том же духе, то тут через минуту признания в любви посыпаются! А поспешность в таких делах, знаете ли, до добра... – многозначительно закончила философское измышление Света, размахивая чертежом, как учительской указкой.

– А что? Мне стесняться нечего! – весело улыбнулся оживленный Семен и, на секунду нахмурившись и прикрыв один глаз, словно что-то припоминая, вдруг выдал:

– Застыл в сиянии глаз твоих!

Дышать не смею... наважденье!

Толи я умер, толи жив?

И жалкий сердца стук в забвенье...

Ты появилась, словно дым,

Качаешь листья безмянно,

Ласкаешь мой душевный мир

И в жизнь крадешься неустанно.

О, как бы мне тебя поймать!

Запечатлеть твой лик влекущий?

Хоть тонким шепотом урвать

Один лишь взгляд, тепло несущий!

И смерть сладка, и жизнь строптива,

Но дышит сердце лишь тобой...

Позволь сказать – как ты красива!

Позволь сказать – навек я твой...

Женя с изумлением и восторгом слушала эти стихи, прочитанные вот так просто и спокойно, но с особой, нежной грустью, и покачала головой, чувствуя, что этот Семен прочно занимает определенное место в ее душе. А Сема, тем временем, весело подмигнул и, глядя Жене в глаза, спокойно проговорил:

– Посвящается тебе.

– Вот... это... да... – выдохнула в ошарашенном восхищении Женька, чувствуя, что улыбка разрывает мышцы на ее щеках и скоро высушит все зубы напрочь. – Мне?.. Спасибо большое... Очень красивые стихи... Сам сочинил?

Светка, которая, закатив глаза, с усмешкой качала головой, мило прощепетала:

– Да, Семочка у нас – известный поэт! Особенно у него удаются стихотворения в жанре любовной лирики... Самые, так сказать, популярные его стихи! – захихикала она, а Семен, без какого-либо смущения, пожал плечами и проговорил, продолжая глядеть на Женю:

– Я читаю стихи только тем, кто меня вдохновляет.

Женя восторженно и взволновано приложила ладони к щекам, а потом игриво подмигнула и ближе наклонилась к нему, ярко улыбнувшись:

– Ну, в таком случае, я могу тоже с уверенностью сказать, что люблю тебя, Сема.

– Дурдом. – хлопнула себя по лбу несчастным, многострадальным чертёжом Светка, и все трое рассмеялись. Просмеявшись, Света сунула чертёж в руки Карташову и проговорила:

– Иди уже, Семка, у нас и без тебя дел по горло, а то сейчас Минаев выйдет, и полетишь быстрее ветра, любвеобильный ты наш!

Семен весело рассмеялся и, бросив последний восторженный взгляд на Женю, быстро проговорил:

– Еще увидимся, Жека, мне действительно пора, а то заночевать тут придется, если работу в срок не закончу... Пока!

– Пока! – весело помахала ему вслед Женька, ощущая невероятную грусть от того, что он уходит, и встала, чтобы, наконец, увидеть его в полный рост: как она и ожидала, на нем были модные, потертые джинсы темно-синего цвета и кеды всем известной фирмы «Адидас». Она улыбнулась: для нее Семен был реально крут и реально из другой реальности – слишком странной и неожиданной для Жени была ее тяга к незнакомому парню... Раньше с ней такого не случалось.

Светка рядом с ней захихикала, внимательно наблюдая за ее лицом:

– Ты что, Женька, влюбилась?

Женя тряхнула головой, снимая с себя оцепенение и волшебные, обволакивающие ее душу до сих пор, необыкновенные чары тепла от самого обыкновенного, хоть и немного экстравагантного Семена Карташова, и снова села на свой стул, задумчиво посмотрев на Светлану.

– Влюбилась... – зачарованно протянула она, повторив за девушкой, но тут же обратилась в себя, пытаясь разобраться, какое же именно чувство ее так накрыло. – Нет, не влюбилась. Хотя... И влюбилась, и не влюбилась одновременно... Как-то так.

– Это как? – опешив, спросила Светка.

Женька пожала плечами, поморщившись от того, что сама плохо понимала это ощущение, стянувшее ее душу, но все же медленно проговорила:

– Ну... Как будто именно его мне в жизни и не хватало.

Светка рассмеялась и подмигнула:

– Так ты смотри, времени-то зря не теряй, товар не залежалый, Семка у нас – парень холостой, добрый, безотказный, девочкам нравится... Уведут из-под носа – не успеешь и глазом моргнуть!

Женя нахмурилась, ощущая, как в душе резко образовывается серый осадок, оседая на стенках, словно накипь в чайнике.

– Мне сейчас не нужны отношения. – жестко отрезала она.

Света подняла брови и, развернув конфетку из вазочки для гостей фирмы, глубокомысленно изрекла:

– Отношения нужны всегда, Женька. Женское сердце не может без любви, и не важно, какими плохими были все предыдущие попытки.

Женька удивленно посмотрела на нее, прикидывая в уме, сколько ей лет. Около двадцати, не больше... Предыдущие попытки? Даже спортсмены, сто раз попытавшись побить собственные рекорды, дают себе передышку. Света очень мила и романтична, а в возрасте двадцати лет романтика очень часто переплетается с наивностью... Но убеждать ее в том, что сердце закрылось, что она сама, устав от собственных неудач, решила сделать перерыв и посвятить себя своим близким, работе и учебе, Женя не стала.

– Мое может. – просто сказала она в ответ и вновь посмотрела на шумящую около кофемашины толпу. – Едем дальше?

Света кивнула и, наклонившись к девушке, стала яростно шептать все, что знала о тех людях, которые еще не успели покинуть секретарскую и спасти себя от очередной сплетни.

Так Женя узнала, что, помимо Семена, есть еще и другие разработчики на фирме, один из них – Василий Адамович, ходит только в черном, любит, в силу возраста (без малого, шестьдесят лет) или иных факторов, поворчать на любого, обратившегося к нему по той или иной причине человека, даже если он просто предлагает помощь или узнает о его самочувствии, а также, ко всему прочему, он страдает хроническим насморком. Борис Щербаков, конструктор, вечно забывает передать в отдел технической документации законченные проекты; заведующая складом – Мария Александровна – коллекционирует кошек (не живых, конечно, а статуэтки, фигурки, брелоки и другие тому подобные очень нужные в хозяйстве вещи), а поэтому за миниатюрную фигурку очередной блохастой колбасопоедательницы может пар тройку раз выдать лишнюю коробку-другую не самых дешевых и очень «строго учитываемых списком» деталей; Екатерина и Виталий из отдела продаж тайком от всей фирмы встречаются уже полгода, а парни с производства обожают идиотские розыгрыши из серии «ха-ха, напугайся, начальник, мы всем цехом не вышли на работу!», а сами сидят в позах Сократов в собственных шкафчиках для переодеваний...

Женя слушала и слушала, хохоча и просто умирая от радости, что теперь и она стала частью этого интересного, разношерстного коллектива, что теперь в ее жизни появился настоящий мирок под названием «работа», а не просто место, куда положено ходить ради зарабатывания денег и заниматься какой-нибудь, никому не нужной ерундой. У производственного коллектива, в отличие от сферы продаж, есть единство, ни с чем не сравнимая, особая аура, душа... Здесь каждый человек – винтик большого механизма, его неотъемлемая часть, жизненно важный орган общего организма...

Осознав, что ее голова уплыла в бездонный мир рассуждений, Женя очнулась и, наклонившись к Светке, шепотом спросила:

– А что насчет шефа? Какой он? Строгий, как я поняла?

Света быстро оглядела секретарскую и, удостоверившись, что все вокруг поглощены разговорами и не обращают на них никакого внимания, загоревшимися от возбуждения болотными глазами посмотрела на Женю и прошептала:

– О, наш шеф, ну, Сергей Викторович в смысле, очень строгий! И вспыльчивый до жути, если, не дай Бог, кто его разозлит, такой разнос устроит – на первом этаже слышно! – Светка округлила глаза, а Женька пожала плечами.

– Это ерунда. У всех вспыльчивых людей есть специальная кнопка, которая их выключает. Нужно только ее найти... У моего папы, например, это его любимый ЦСКА... – задумчиво протянула Женька, но, снова внимательно посмотрев на Свету, вернулась к теме разговора. – Ладно. Что еще?

– М-м-м... – Светка задумалась, почесав щеку. – Еще он очень властный и влиятельный. Ну, знаешь, может быстро решить любую проблему, у него много связей, и даже в администрации города, говорят, есть! И на фирме тоже, – Света махнула рукой куда-то в сторону производственного цеха, – когда что-то случается или идет не так, он всегда лично берется за дело, и за это его все уважают! Но характер, конечно... – девушка покачала черноволосой головой

и закатила глаза. – Он грубый, резкий, очень жесткий, вечно всеми командует, любит, чтобы все было только так, как он хочет...

– Эгоистичный, самовлюбленный подонок? – спокойно шепотом осведомилась Женя, уже чувствуя, как разочарование стучится в ее сердце после услышанной характеристики. Да... С таким боссом она тут по струнке будет ходить и сидеть на mine, которая может рвануть в любой момент... Кажется, о спокойной жизни можно навсегда забыть.

Светлана тихо захихикала.

– Ну да... Только вот есть у него одно достоинство, которое перекрывает все недостатки.

– Второе «я», которое умеет отключать первое? – ухмыльнулась Женя. Света вдруг таинственно заулыбалась и отрицательно замотала головой:

– Неа, не угадала. Он красавчик.

– Что-о-о??? – захохотала Женя, представив себе пятидесятилетнего аиста с седой шевелюрой, выклеивающего мозг персоналу и в нужный момент вытаскивающего своим острым клювом тонущих в болоте за шиворот.

– А что? – удивилась Светка. – Ему всего тридцать четыре, у него хорошая фигура, девчонки говорят, что он даже в спортзал часто ходит, и да, он красавчик! Да такой, что у нас за ним открытая охота ведется – все хотят заполучить его в свои ручки!.. Хоть он и груб, и порой жесток, но какое-то обаяние в нем все-таки есть... И мужественность... – Света вздохнула, мечтательно посмотрев в окно. – Но только у него все женщины делятся на тех, кто «на один раз» и тех, кто «ну, пожалуй, на раз десять потянет»... Вот такой он.

Женя поморщилась. Она терпеть не могла таких мужчин. Позеры и наглецы, они думают, что держат этот мир в своих руках, думают, что, имея в кармане много денег, можно не уважать никого вокруг, а женщины для них – это просто предмет удовольствия, глупый, бездушный, бесчувственный предмет, который легко можно заменить на другой, если надоел.

– Так он мерзавец. – тихо и жестко сказала Женя, а Света внимательно посмотрела на нее:

– Как бы да... Но проблема в том, что... женщины об этом забывают, стоит ему только улыбнуться. У нас на фирме... – Света снова понизила голос до шепота. – У нас на фирме много кто уже был с ним... Ну, ты понимаешь. – Света расширила глаза, а Женя мрачно кивнула. – Но кое-кто все же стал для него чем-то постоянным. У него тут есть две регулярные любовницы. Это Вика Гордеева, начальник отдела технического контроля, и Лена Старцева, начальник отдела продаж... Вон они, кстати. Только что вышли.

Света указала на двух молодых женщин, с довольными и слегка холодными улыбками выплывших из кабинета, ну точно, как царевны-лебеди из сказки Пушкина, только явно уколотые ядом презрения к людям. Вика Гордеева также, как и Евгения, была высокой, худой, словно модель из дома мод, с вьющимися, но не кудрявыми, темно-каштановыми волосами до середины спины, тонким лицом, немного островатым носом и большими светлыми глазами, усиленными голубыми контактными линзами.

Женя внимательно оглядела ее светло-розовую блузку, расстегнутую на пару верхних пуговиц, и темно-бордовую, облегающую юбку, завершающуюся сантиметров на двадцать выше колен. Туфли тоже были подобраны в тон наряду: темно-бордовые, на высокой шпильке.

Вика наклонилась к Лене и что-то зашептала ей, манерно подкрепляя свои слова плавными жестами руки, на запястье которой болтался элегантный, тонкий золотой браслет.

Женя видела ее взгляд, ее улыбку, и прекрасно понимала, что эта женщина считает себя очень важной персоной, даже, возможно, гораздо выше других, лучше, чем другие, а в собственной красоте и успешности она и вовсе не сомневалась... И в этом, без исключения, сыграл свою роль тот факт, что у нее есть «он».

Лена Старцева по типуажу и поведению чем-то напоминала Викторию. Наверное, потому, что и у нее был «он», а может, потому, что они с Викой были подругами, как сказала Света, и не знали о том, что обе играют с шефом в одну и ту же интересную игру... Но Жене в это верилось

с трудом. Если хотя бы пара человек на фирме знают, что они обе спят с одним и тем же мужчиной, то неужели слухи так до них и не дошли?.. Или они догадываются, но тщательно обе скрывают свои подозрения за видимостью дружбы, чтобы быть, так сказать, ближе к врагу?.. Или это какая-то изощренная форма мазохизма, или эти женщины наивны и глупы, но по ним такое вряд ли можно было сказать... Дружба!.. Надо же...

Как бы там ни было, Лена, тоже довольно хорошо сложенная, с тонкой талией и широкими бедрами, хоть и не такая худая, как Вика, была тоже весьма недешево и элегантно одета в темно-синее платье, облегающее фигуру, полностью закрытое, но достаточно короткое, чтобы продемонстрировать стройные, красивые ноги. В отличие от Вики, Лена была блондинкой с прямыми, короткими, до плеч, волосами и косой челкой, закрывающей один светло-карий глаз. Миловидная, приятная... Даже не похоже, что она способна на то, чтобы стать любовницей босса... Но... Внешность и характер, зачастую, совсем не подходят друг другу, а разделить нельзя, вот беда.

– Красивые. – сказала Женя, а Света хмыкнула:

– И злые. Своего Сергея ни с кем делить не будут. Решили, что он – их собственность, только вот Минаев вряд ли когда-либо будет кому-то принадлежать... Но она ведет борьбу за него. Ой!.. Увидели тебя, сейчас сюда придут, готовься! – быстро шепотом протараторила Светка и натянула дежурную улыбку, глядя, как Вика с Леной, словно два хищных коршуна, завидевших падаль, медленно пробираются через толпу почему-то не желавших идти на рабочие места сотрудников и начальников.

– К чему? – спокойно и удивленно поинтересовалась Женя, которую пристальные, оценивающие и не очень дружелюбные две пары глаз как-то совсем не напугали, но Светлана не ответила.

– Света, мне звонил кто-нибудь? – строго и высокомерно поинтересовалась Лена, не сводя карих глаз с Жени, и для важности постучала красивыми, ярко-алыми ногтями по стойке.

Света посмотрела в записную книжку и кивнула:

– Да, Лен, звонил какой-то Романов из «Мотозвука», просил перезвонить после совещания, сказал, ты в курсе.

– А, Романов. Да, перезвоню. – лениво проговорила она, как-то уж слишком безразлично махнув рукой, а вот Вика решила действовать без предисловий. Облокотившись на стойку грудью и локтями, она вызывающе посмотрела на Женю и слегка дернула щекой в ехидной ухмылке, неприязненно разглядывая ее волосы, веснушки и глаза. Женя откинулась на спинку стула, тоже вызывающе глядя в ответ и абсолютно не собираясь прогибаться под этот источник разрушительного презрения, а даже давая ей возможность получше разглядеть себя.

– Ты кто такая? – требовательно спросила Вика, вперившись глазами в Женины кудряшки.

– Вика, это Евгения Зябликова, Женя, наш новый секретарь. – торопливо и немного боязливо проговорила Света, явно волнуясь за то, что новый сотрудник попал под такой не очень радушный прием.

– Новый? – ухмыльнулась Вика, картинно подняв брови и переглянувшись с Леной. – А с тобой что? На пенсию уходишь?

Света натужно рассмеялась и снова торопливо прошептала:

– Нет, мы по полдня будем работать, вместе. Женя, – обратилась она к девушке, тоже с улыбкой глядящей на двух пантер, прилипших с той стороны стойки, и уже мысленно не любившей их за наглое, самодовольное поведение, – это Виктория Гордеева и Елена Старцева, начальник ОТК и начальник отдела продаж.

– Приятно познакомиться. – мило и обезоруживающе улыбнулась Женя, и две пантеры снова ехидно ухмыльнулись.

– Нам тоже. – с каким-то подтекстом проговорила Вика и тут же добавила, чуть прищурившись:

– Новый секретарь, значит?

– Да. – спокойно, продолжая улыбаться, проговорила Женя.

– А Минаев тебя уже видел? – поинтересовалась Лена, как-то странно усмехнувшись.

– Нет. – Женя пожала плечами, а хищницы переглянулись.

– А ты его? – не унималась Лена, а Женя рассмеялась:

– Ты хочешь узнать, не подглядывала ли я за ним в замочную скважину, умирая от любопытства, какой же он, мой новый начальник? Нет, привычки такой не имею, да и даже если он окажется косолапым мишкой с баяном в передних лапах и шапкой-ушанкой на голове, это не имеет никакого значения, потому что мне без разницы, кто отдает поручения, которые я должна выполнять.

Света расширенными глазами посмотрела на продолжавшую мирно улыбаться Женю и на злобно скривившихся в подобия ухмылок лица Вики и Лены, которые явно не ожидали получить отпор.

– Дерзкая, что ли? – гневно проговорила Вика и слегка побарабанила маникюром по столу. – Ну, это ненадолго. И ты сама здесь, судя по всему, ненадолго.

– Почему? – удивленно рассмеялась Женя, прекрасно понимая, какое место эти две дамочки пытаются указать ей.

– Потому что Сережа... Сергей Викторович, – поправилась Лена, тоже наклонившись к стойке, – рыжих не любит.

– НЕ-НА-ВИ-ДИТ. – уточнила по слогам Вика со всем наслаждением этого мира. Женька вытаращила глаза, совершенно не ожидая подобного заявления, а Вика ядовито усмехнулась. – Так что, милая, сколько ни старайся, а он тебя все равно вышибет, это только вопрос времени.

– И тебе с ним ничего не светит. – тихо, но вкрадчиво добавила Лена, возможно, больше сделав этот вывод для себя, чем для Жени, а Женя снова рассмеялась:

– Какая жалость! Значит, зря я сегодня юбку одела, нужно было в трениках приходить, все равно уволят! – ехидно и насмешливо проговорила Женя, а Света толкнула ее в бок, завидев, как раздулись от гнева лица двух великих начальниц «Черного полюса».

– Ты бы за языком последила. – угрожающе сказала Вика, снова сощурившись. – С нами тебе лучше дружить.

– Спасибо за совет, конечно, но я уже в таком возрасте, когда люди в состоянии самостоятельно решить, с кем дружить, а с кем – нет. – вызывающе проговорила Женька, всколыхнув внутри себя волну ядерного гнева. Да кто они такие, черт побери, чтобы с ней так разговаривать?!?

Вика и Лена снова переглянулись, и теперь гнев в их глазах искрил по соседству с возмущением и удивлением, которые на пару секунд лишили их дара речи.

Лена вдруг неожиданно наклонилась к стойке и вперила в Женю ледяным, озлобленным взглядом, исказившим ее миловидное лицо в собачью гримасу, прошипев, словно кобра:

– А ты не борзей, рыжая. Одно только наше слово Сергею – и ты побежишь отсюда так быстро, как только сможешь, держа самые чертовски отвратительные рекомендации в своих зубах... А второе наше слово может сделать так, что ты в этом городе ни на одну приличную работу устроиться не сможешь, слышишь, девочка?

Света резко поднялась на ноги, примирительно подняв руки и протараторив испуганным голосом:

– Лен, Вик, да что вы, Женя же... Она же просто ничего еще не знает, она больше не будет так разговаривать, у нее этот... шок от нового места еще не прошел! Девочки, давайте успокоимся...

Женя же, продолжая держать зрительный контакт и улыбаться, спокойно заявила:

– Я уже знаю достаточно, никакого шока у меня нет. А что, я как-то не так разговариваю? По мне, так все в пределах культурных норм русского языка.

– Жень! – предостерегающе воскликнула Света, но ее перебила Вика:

– Послушай, ты, шалашов...

Но прекрасную характеристику о себе Женьке так и не удалось дослушать: из кабинета директора выплыл важный тип в черном костюме, темно-синей рубашке и полосатом галстуке, над узлом которого возвышалась круглая, почти лысая, коротко остриженная, светловолосая голова, румяные, пухлые щеки, небольшие, но какие-то пошловатые голубые глазки, нос «картошкой» и крупные, сочные губы, растянутые в самой счастливой улыбке.

Тип был высоким, гораздо выше Жени, и очень крупным, с внушительных размеров широкими плечами и огромными ручищами; на вид Женя могла дать ему не больше тридцати пяти, а по дорогому костюму сделала вывод, что занимает он в компании далеко не последнюю должность.

– Так-так, девочки, что за шум, а драки нет? С кем вы тут опять ссоритесь? – проговорил он низким, зычным голосом, тем самым прервав гневный монолог Вики.

Женя заметила, как резко притихли Вика и Лена, гневными, пылающими взглядами испепеляя подошедшего мужчину, а тот, тем временем, заметил Женю и уставился на нее самыми оживленными, заинтересованными глазами, откровенно разглядывая ее с ног до головы, точнее, с талии до головы, потому что запрятанных под стойкой ног он никак не мог лицезреть.

– Ни с кем мы не ссоримся, Павел Юрьевич, просто кое-что объясняем. – пробубнила Лена, зыркнув на Женю предупредительным взглядом.

– Надеюсь, без поножовщины? – громыхнул тип и сам же громко расхохотался, не сводя внимательного, оценивающего взгляда с Жени.

Женя бросила уверенный взгляд на Лену и Вику, пышущих не хуже огнедышащих драконов, и мило улыбнулась так называемому Павлу Юрьевичу, спокойно проговорив:

– Нет, милостивый Государь, пока только угрожают.

Вика и Лена вытаращили на нее глаза, а Вика, за спиной у сияющей блондинистой горы, показала Жене кулак.

Павел Юрьевич еще шире улыбнулся, удивленно, но все также пошловато разглядывая Женю, и проговорил:

– Угрожают? Виктория, Леночка, ну как можно?!? Как можно угрожать такой милой и очень даже себе прекрасной девушке! Светочка, ты почему миротворцем в этом конфликте не выступила? – в шутку или всерьез укоряюще посмотрели на поникшую брюнетку маленькие голубые глазки. – И почему с прелестной дамой не знакомишь? М-м???

Типчик наклонился к Жене, которая продолжала открыто держать на себе его противный взгляд, после которого хочется тщательно вымыться с мылом, и красиво улыбаться, демонстрируя ровные, белоснежные зубки.

Светка густо покраснела и тут же засуетилась:

– Ой, извините, Павел Юрьевич, я задумалась что-то... Это Евгения, Евгения Зябликова, новый секретарь Сергея Викторовича, мы с ней будем вместе работать по полдня. Женя, – выдохнула она, с мольбой в глазах посмотрев на девушку, видимо, опасаясь, что Женька и тут может выкинуть какой-нибудь нехороший фокус, – это Павел Юрьевич Краснохатов, заместитель директора.

Женя уже и сама догадалась, судя по тому, как этот краснощекий и круглоголовый заместитель вел себя в кругу работников, поэтому только вежливо протянула ему руку, пытаясь игнорировать пристальный взгляд на своей груди, и уверенно проговорила:

– Приятно познакомиться, Павел Юрьевич.

Тот, вспомнив, что он все-таки джентльмен, убрал глаза из выреза блузки Жени и, поместив их на ее губы, нежно взял ее руку своей огромной, медвежьей лапищей и поцеловал влажными, лягушачьими губами:

– А мне-то как приятно, Женечка! И почему Сергею всегда так везет на прелестных секретарш? – он со вздохом поднял глаза к потолку. – Ну и что вы тут с Викулечкой и Ленусиком не поделили, а? Или, может, кого?.. – хитро прищурившись, проговорил Павел, а Лена резко ответила:

– Да все в порядке, Павел Юрьевич, пустяки, не заморачивайтесь!

– Тогда расходимся по местам. Ну? Кому сказал? – вдруг жестко и тихо проговорил он, не отрывая глаз от Жени, и Вика с Леной, бросив на нее последние мстительные взгляды, удалились, важно качая бедрами.

– И откуда же вы, Женечка, к нам такая пожаловали? Где до сих пор пряталась такая чудесная девушка? – проворковал Павел, наконец-то, отпустив руку Жени и продолжая откровенно таращиться на нее, вызывая в девушке все больше омерзения.

– Так вы тоже хотите адрес подвала узнать? – заговорщически шепнула Женя, подмигнув. – Там таких еще много осталось...

Павел захохотал на всю секретарскую, привлекая внимание всех, до единого, присутствующих и, пытаясь казаться еще более «обаятельным», чем был до этого, тоже подмигнул ей маленьким глазком и проговорил:

– Чувство юмора? Прекрасно! Люблю таких... А что...

К счастью, очередной дурацкий вопрос, продолжавший дурацкий разговор, так и не был озвучен господином Краснохатовым, поскольку в секретарской громыхнул новый мужской голос:

– Паша! Что ты гремишь на весь завод?! Я же сказал тебе пойти на производство и лично осмотреть последнюю партию проводов!! И что здесь за собрание? Почему не на местах???

Звук этого голоса, как барабанная палочка, ударил Женьку в самое сердце: она покраснела, побледнела, снова покраснела и почувствовала, как мурашки побежали по ее телу... Женька тряхнула головой, не веря своим ушам и мечтая только об одном: чтобы ей показалось, показалось...

Но судьба непредсказуема: совершенно не знаешь, что ожидать за следующей дверью. А вот за дверью директорского кабинета, между прочим, отлетевшей к стене одним сильным, уверенным рывком, показался человек, которого Женя именно сегодня могла бы узнать из тысячи...

Тело онемело, а затем разом обмякло на стуле, а сердце в бешеной, глубоко разочарованной, чуть ли не болезненной панике запрыгало в груди... «Прежде, чем кукарекать свои детские угрозы, сначала подумай, что **я** могу с тобой сделать, если ты или твой дружок еще раз попадетесь у меня на пути», – так и звучало у нее в голове снова и снова, как будто она опять стоит на той самой парковке и смотрит в холодные и такие безжалостные серые глаза... А потом, в мозг стукнула совершенно другая идиотская мысль, одна из самых идиотских за последнее, прожитое ею, время: «Я пропала. Я пропала. Фирма машет мне ручкой. Черт, фирма машет мне ручкой! Только не это, только не это!!!»

От неожиданности и шока Женя не знала, как ей реагировать, как вести себя, что говорить или делать сейчас, когда трусливое желание немедленно встать и выйти было, наконец-то, замещено здравым смыслом. Да и что она могла сделать, когда ее сердце колотилось, как безумное, потому что не далее, как сегодня утром, именно этот зарвавшийся кретин чуть было не вытряс из ее благородного друга Игорька все хорошее, именно он был удостоен звания «поросячьей рожи», «урода» и многих других веселых прозвищ...

– О, а вот и Сергей Викторович! – весело воскликнула Светка, не замечая, в каком бледном и ошарашенном ступоре сейчас сидит ее новая коллега, и какие планы побега из этого

места, где так изрядно решила помучить ее судьба, она продумывала с самым сумрачным видом. Впрочем, Светик уже радостно вскочила на свои высокие каблуки и громко заголосила, перекрывая даже шум от разом налетевших и одновременно защебетавших вокруг Сергея работников, не давая Женьке возможности даже как следует его разглядеть:

– Сергей Викторович, тут новый секретарь подошла, идите, пожалуйста, сюда, знакомиться! Сергей Викторович!!!

Правда, помимо Светки, загалдели и все те, кто оттаптывал последние пять минут ковер около кофемашины, и все еще шокированная и порядком запутавшаяся Женя, совершенно не представляющая, что ей делать дальше, уловила обрывки фраз:

– Сергей Викторович, отдел закупок не закупил новые гайки на тензопреобразователи, и теперь сборка стоит, что делать?!? Что делать?!?

– Сергей Викторович, а можно мне завтра день за свой счет, у сына концерт в школе?..

– Сергей Викторович, фирма «Пластматик» все еще не внесла предоплату за заказ, нам его делать или нет?..

– Сергей Викторович, мы до сих пор не получили от разработчиков чертежи на последнюю партию блоков питания, скоро уже отгружать, а мы еще собирать не начинали...

– Сергей Викторович...

– Сергей Викторович!

– Сергей Викторович?

– Сергей Викторович!..

– Так, тихо всем! – жестко скомандовал Сергей, и все разом замолчали, создав, наконец, такую долгожданную тишину, очищающую мозг от лишнего сора и предоставляющую Жене возможность как следует подумать, что же теперь делать и как себя вести, когда Сергей все-таки заметит и узнает ее.

«А может, он меня не вспомнит?» – пронеслась в рыжей голове наивная мысль, но, учитывая, что этот человек оказался директором отнюдь не самой маленькой производственной фирмы и очень успешно решает все, поставленные перед ним, задачи, судя по словам Светки, – рассчитывать на приступ внезапной амнезии, особенно в отношении рыжей, как ржавчина, и кудрявой, как пружины в матрасе, девушки с сиреневым оттенком глаз все-таки не приходится.

Толпа слегка расступилась, и Женя, наконец, смогла лицезреть его: все в том же дорогом, темном костюме, что и утром, он стоял в дверях своего кабинета в самой уверенной позе, сунув руки в карманы брюк и задумчиво, но от этого не менее проницательно, глядя на столпившихся вокруг сотрудников. Его серые, будто сияющие изнутри несокрушимой волей, холодным мужеством и самоуверенностью глаза были чуть сощурены, лицо – серьезным, сосредоточенным и абсолютно непроницаемым: Женя не могла даже вообразить себе, о чем он думает, но зато она очень четко понимала одно – у этого мужчины есть все для того, чтобы быть руководителем. Она видела, как его подчиненные выжидающе смотрят на него, и чувствовала, что они доверяют ему, полагаются на него, ощущают душой его лидерство и... действительно уважают, хоть он и вспыльчив, с чем Жене уже приходилось сталкиваться.

Злость и растерянность давили на нее, она совершенно точно терпеть не могла этого засранца, который ведет себя так, будто ему разрешено все, будто он – Господь Бог, прости, Господи, но... Ей так нужна была эта работа! Эти деньги... Для Полины. Женя сжала кулаки и решила: она попробует побороться за это место до конца.

– Итак. Теперь по порядку. – жестко проговорил Сергей, и все его коллеги встрепенулись. – Костя, запиши мне тип, серию и номер гаек, которые тебе нужны, сбрось на почту, через час дам распоряжение Александре Анатольевне, она сделает заказ. Пока занимайтесь другой работой. – мужчина слева, средних лет, в вязанном голубом свитере и серых брюках удовлетворенно кивнул. – Дальше, Катя. Нацарапай заявление на завтра – я подпишу. – стро-

гий, серый взгляд на девушку в желтой блузке, и та радостно захлопала в ладони, весело прощепетав: «Ура, ура! Спасибо, Сергей Викторович!». Сергей же уже перевел глаза на молодого парня в белом халате, скромно потупившегося, но с выпрямленной, словно струнка, спиной ожидающего решения начальника. – Юра, насчет «Пластматика» – пока не делай, дам распоряжение Лене созвониться с ними и все уточнить, а чертежи... Кто задержал?

– Семен. – тихо, но уверенно проговорил парень и отчего-то мельком, всего на долю секунды, бегло посмотрел на Светку, которая нетерпеливо топала ногой, ожидая, когда ее шеф освободится.

– Света, – строго и спокойно проговорил Сергей, посмотрев на своего секретаря, – вызовешь мне Семена часам к четырем.

– Сергей Викторович! – вдруг возмущенно громыхнул Павел Юрьевич, с улыбкой наблюдавший за сценой великого спасения людских душ от главного «решателя» всех проблем этого мира – Сергея. – Как к четырем? Мы же собирались...

– Павел Юрьевич. – чуть гневно, но очень резко и повелительно «заткнул» его Минаев, и тот вздохнул, вернув взгляд на Женю, которая все думала о том, что будет, когда этот кретин ее увидит.

– Ну? Еще вопросы будут? – нетерпеливо спросил Сергей и, наткнувшись на быстро спрятавшиеся глаза коллег, хлопнул и жестом показал, что пора бы очистить помещение. – Тогда вперед, по рабочим местам! Живо, живо, живо!

Ровно через полсекунды в секретарской не осталось никого, кроме Павла, Сергея и Светы с Женей. Сергей подошел к Паше, внимательно глядя на него сияющими сталью серыми глазами:

– Паша, чего ты тут встал? Я тебя, кажется, на производство посылал, лично удостовериться насчет бракованных проводов. На память не жалуюсь.

– Я тоже. – шепотом буркнула Женя, недовольно и немного вызывающе глядя на Сергея, а Света, услышав, удивленно посмотрела на нее, но, к счастью, решила не спрашивать. Павел широко улыбнулся, сделавшись похожим на белобрысого колобка, и махнул в сторону Жени огромной лапищей:

– Так я тут, это, с новым секретарем Женечкой знакомлюсь! А ты сам-то не желаешь, Сережа? Все ж таки твой секретарь! – и он захохотал.

– С новым сек... – начал было Сергей, но в это мгновение его взгляд упал на Женю.

И в этот волшебный, «романтичный» момент, когда их взгляды встретились, он осекся, его глаза удивленно расширились, а губы расплзлись в ухмылке.

– Ты??? Ты что тут делаешь?? С авторынка за мной следила, что ли? Офигеть просто!

Женя закатила глаза, а Светка встала на ноги и быстро протараторила:

– Сергей Викторович, это Евгения, мы с ней по полдня будем работать, ну, помните, я вам говорила, что учиться не успеваю? Ну так вот... А, э-э-э... – она смутилась, увидев, как гневно Сергей и Женя смотрят друг на друга, и как-то виновато добавила:

– А... а вы что, уже знакомы, что ли?.. Я что-то...

– Да, Серега, какой авторынок? – удивленно громыхнул Павел. – Это же Женечка, она сегодня первый день...

– Паша! – начиная злиться, жестко прервал его Сергей. – На производство!!!

– Ладно-ладно... Еще увидимся, Женечка! – подмигнул ей Павел своим маленьким глазиком и развязной походкой удалился в цеха.

– Я за тобой... В смысле, за вами, – поправилась Женя, вспомнив сквозь вспышку гнева, что он теперь ее начальник, – не следила, Сергей Викторович. – с подчеркнутой вежливостью проговорила она его имя. – Это досадное совпадение.

– Досадное. – кивнул с раздраженной ухмылкой Сергей, развязно облокотившись на стойку и пристально глядя на Женю серыми глазами, которые, как и тогда, на парковке, пока-

зались ей вдруг притягательными и даже завораживающими. – Значит, я теперь твой начальник, рыжая... Евгения. – тоже поправился он и чуть прищурился. Жене стало немного страшно от того, что она не могла прочитать его мысли и намерения на лице, совершенно не представляя, что он будет говорить или делать дальше, но уверенно держала взгляд, не поддаваясь. – Весело, правда?

– Как-то не очень. – честно ответила Женя, чуть поморщившись и сложив руки на груди.

– И что мы теперь будем делать? – тихо, но явно гневаясь, сдерживаясь из последних сил, проговорил Сергей, а Женя пожала плечами:

– Не знаю. Вы – директор.

– Сергей Викторович, а что такое, почему вы... – затарахтела, как пулемет, Светка, но Сергей не дал ей высказать свое мнение:

– Молчать. – он снова пристально посмотрел на Женю и ухмыльнулся. – Давай так. Уходи сейчас, заполнять никакие бумаги на тебя не будем, трудовую книжку получишь у Федора Игнатьевича и забудешь сюда дорогу. – он выпрямился, но Женя, отчаянно вспомнив о Поле, о своем решении идти до конца, что бы ни было, резко и жестко сказала:

– Нет. – Сергей удивленно уставился на нее, явно распаляясь все больше, Женя чувствовала, как его аура постепенно превращается во взрывоопасный огненный шар, но приказала себе не бояться. – Так не получится. Видите ли, Сергей Викторович, я уже подписала приказ о приеме на работу, и Федор Игнатьевич завел на меня личное дело, а значит, уволить вы меня можете только по собственному желанию, которого я не изъявляла, по соглашению сторон, правда, никаких выгодных для себя условий «соглашения» я не услышала, или за проступки... Но я здесь всего лишь час, ничего еще не успела натворить.

Сергей удивленно поднял брови и расхохотался, недоуменно посмотрев на Женю:

– Так ты все равно хочешь здесь работать??? На меня?? А ты думала о том, – он вдруг снова посерьезнел и наклонился к Жене, испепеляя ее сверкающим злостью взглядом, – что тебя ожидает, если ты останешься, а, секретарша?

Сердце Жени упало, казалось, ниже некуда. Ей вдруг нестерпимо захотелось заплакать... Все мечты о хорошей работе, прекрасном коллективе и карьерном росте рассыпались в прах, остался только этот злой и жестокий козел с замашками гопника в качестве начальника, обещающего устроить ей сладкую жизнь. Она медленно поднялась и оказалась с ним лицом к лицу, несмотря на отвратительное, пилящее чувство внутри, держа его насмешливый и все такой же презрительный взгляд на себе. Вдохнув, она уверенно проговорила:

– Я не боюсь ни вас, ни вашего негативного ко мне отношения, Сергей Викторович. Мне просто нужна работа, а все остальное не имеет значения.

Сергей слегка наклонил голову на бок и, сложив руки на груди, пристально и очень неприязненно оглядел ее с ног до головы, а затем, вздохнув, недовольно проговорил:

– Хорошо. По закону ты имеешь право на испытательный срок. Света, который час?

– Три часа, Сергей Викторович. – поспешно ответила Света и снова попыталась выудить хоть какую-нибудь информацию:

– А что...

– Три... – Сергей на секунду посмотрел в окно, сосредоточенно думая, а затем, на его правильном, приятном лице мелькнула снова совсем даже не приятная, насмешливая, презрительная улыбка. – Значит, слушай свою задачу, Женя. Рабочий день заканчивается в шесть. Сейчас я уйду на обед на полчаса. Через полчаса я вернусь, и на моем столе должна лежать папка с последними срочными документами на подпись и список всех, звонивших и искавших меня, пока я отсутствовал. Это раз. – по его раздраженному, но все же триумфальному выражению лица Женя поняла, что, вероятнее всего, будут пункты «два» и «три», а может, даже «четыре» и «пять», поэтому невозмутимо уселась и, достав свою записную книжку, принялась схематично набрасывать эту самую «задачу». Света расширенными глазами посмотрела сна-

чала на шефа, потом на строчащую красивым почерком сосредоточенную Женю, и вздрогнула, когда Сергей вдруг снова обратился к ней:

– Света, набери мне Колпакова. – приказным тоном, который у него, судя по всему, был выпитан еще с молоком матери, сказал Сергей, и девушка схватилась за телефон.

– Алло, Федор Игнатьич! Вас Сергей Викторович спрашивает. – сообщила Света в трубку и передала ее Минаеву. Тот легким, уверенным движением схватил ее и деловито осведомился в телефон, не сводя пылающих злостью и мстительным азартом серых глаз с Жени:

– Федор Игнатьевич, изменения в Уставе готовы? Угу, несите, я подпишу. – он положил трубку, и его взгляд недобро сверкнул. – Так вот, Женя. Нужно ознакомить всех сотрудников фирмы, исключая, конечно, тех, кто сегодня отсутствует, под роспись с изменениями. Это порядка ста сорока человек. Сделать до конца дня, а в шесть предоставить мне списки с подписями. Это два.

Женя старательно писала, уже в голове прорабатывая план действий и чувствуя, как становится ужасно жарко в ее груди: гнев, вперемешку с обидой и злостью как на этого важного фазана, так и на судьбинушку, грозил плеснуть ядовитым кипятком. Света снова неуверенно залепетала:

– Но... Сергей Викторович... Она не успеет... Это же... нереально...

– Тихо. – жестко приказал ей Сергей и чуть ухмыльнулся, переведя холодные, злые глаза на Женю:

– И третье. Мой отец... – он махнул рукой на стену, и только сейчас Женя заметила над кофемашиной портрет солидного, темноволосого, но начинающего седеть, мужчины, волосы которого были зачесаны на пробор с правой стороны, а на крепком теле красовался дорогой серый костюм, белая рубашка и галстук. Женя уловила несколько похожих черт у отца и сына: Сергей обладал похожей формой лица и такими же губами, как отец, а еще он действительно был внешне очень даже недурен собой, но Женьке, злившейся на него, как сто бульдогов, он казался отвратительным. – ...Виктор Петрович Минаев, главный акционер и один из учредителей данной компании, летит завтра в Турцию для переговоров с очень важными для нас поставщиками комплектующих для блоков питания. Нужно заказать ему билеты на самолет до Стамбула, туда и обратно через день. Вот его паспортные данные. – Сергей вытащил из кармана бумажку и отдал Жене. Надо отдать ему должное, почерк у него тоже был очень даже ровным, как у лучшего ученика класса, что как-то не очень вязалось с его образом и теми хулиганскими повадками, которые проявились утром на парковке.

Женя деловито кивнула и тут же пристегнула бумажку степлером к своей записной книжке, чтобы, не дай Бог, не потерять. Сергей как-то странно на это посмотрел, но промолчал, а потом, наклонившись к Жене, импульсивно проговорил:

– У тебя есть время до конца дня. В шесть часов отчитываешься о проделанной работе и если не выполнишь хоть что-то из перечисленных пунктов – уволью к чертовой матери! – гневно прошипел он, а затем посмотрел на Светку такими же злыми глазами:

– А ты – если узнаю, что помогала ей, уволью обеих! Слышала, Света?

Света резко сникла и испуганно потупилась:

– Да, Сергей Викторович...

– Удачного дня. – холодно проговорил он и уверенной, развязной походкой стремительно вышел из секретарской. Остановившись в коридоре, он посмотрел в сторону производственных помещений и громыхнул командным голосом:

– Паша! За мной. – и его важная фигура, облаченная в дорогой костюм, исчезла в направлении выхода.

Женька угрюмо уставилась на Светку, злясь так, что, наверное, даже ее рыжие волосы светились красным цветом, а Светка испуганно, ошарашено и с большим любопытством вытаращилась на нее в ответ.

– Вот же кретин! – шепотом выругалась Женька, спешно отодвинув второго секретаря от компьютера и быстро усаживаясь напротив, набирая в интернет-поисковике сайты авиакомпаний.

– Эй! Ты хоть расскажи, что это он на тебя так обозлился? На него как-то не похоже, я вообще думала, он будет тебя кадрить, Сергей у нас – знатный бабник... Хотя, Краснохатов хуже... – подумав, добавила Света, обувая сапоги.

Женя, которая уже выжимала из интернета крупницы информации о том, каким Макаром этому Богу кофемашины Виктору Петровичу Минаеву оказаться завтра в Стамбуле, угрюмо проговорила:

– Столкнулись утром на авторынке. Я назвала его пороссячьей рожей, уродом, авторитетом среди шестерок криминального мира, а его тачку – треклятой... или как-то так.

Секунду Светка шокировано пялилась на сгорбленную у монитора Женькину спину, а потом оглушительно захохотала на всю секретарскую, забыв даже застегнуть молнию на сапоге.

Все пять минут, что Светка хохотала, как дурная, Женька пыталась выудить хоть один приличный билетик в Стамбул, но, как назло, купить билеты на самолет за день до отлета оказалось архисложной задачей.

– Я хочу знать все! – громко заявила ей в ухо Светка, подсев вплотную, и Женя обреченно вздохнула:

– Может, завтра, Светка? У меня тут, как ты заметила, много дел...

– Так, а если ты их не успеешь закончить, Минаев же тебя уволит прямо сегодня, значит, завтра ты не придешь! – безо всякого сочувствия к горю своей коллеги заявила Светлана, наливая себе воды и радостно улыбаясь. – Так что давай сейчас, я уже умираю от любопытства! Ну, Женька? Говори, говори, я же спешу, у меня учеба и еще свидание вечером с одним очень даже не бедненьким парнем, так что давай быстрее, Женька, ну, ну??

Женька снова вздохнула и, посмотрев в потолок, язвительно проговорила:

– И сейчас же щетки, щетки затрещали, как трещотки... – процитировала она известную фразу из «Мойдодыра» гениального Корнея Ивановича Чуковского и, переждав новый приступ безудержного хохота Светки, рассказала ей о сегодняшнем происшествии с участием Минаева, ее друга Игорька и ненавистного и пристававшего Ярика, который соизволил удалиться только после знакомства с ее папочкой и его битой.

Света менялась в лице все время, пока Женя вещала свою историю, то сдерживаясь от истеричного смеха, то хмурясь от злости, то тараща глаза от удивления и беспокойства, а когда Женька закончила, она выдохнула и, продолжив, теперь уже спешно, обувать сапоги, протараторила с искоркой в голосе:

– Надо же! И как тебя угораздило так влипнуть?? Я имею ввиду, что тот козлина оказался твоим новым шефом... Сколько у нас в городе человек? Миллион? Вероятность – один на миллион! – умно изрекла Светка, накидывая пальто. – Да, Женька... Ты неудачница. – вынесла она веселый вердикт, а Женя рассмеялась:

– Иди уже, доктор Света, со своими диагнозами и анализами, мне тут кое-чего сделать надо, так, пустяки, конечно, но этот кретин вернется с обеда через двадцать минут, а у меня еще конь не валялся... Давай, дуй на свою свиданку к олигарху, завтра, если неудачнице сvezет, может, и увидимся, тогда расскажешь. Пока!

Светка захихикала и, подхватив сумку, направилась к выходу. Остановившись, она обернулась и мило произнесла:

– Надеюсь, что все-таки увидимся. Ты мне понравилась, только вот сделать все то, о чем он тебя попросил, за три часа... это из области фантастики, при чем той, где останавливать время умеют... Но я за тебя держу кулачки! Пока, Женька! – и брюнетка с болотными глазами усвистела за дверь быстрее, чем ее духи, которые еще немного покружили вокруг Жени сладким маревом перед тем, как окончательно испариться.

Оставшись в тишине, Женька отбросила эмоции, насколько могла, и принялась за работу. Перерыв весь рабочий стол, а именно – те аккуратные, но бессмысленные кучки, на которые Света поделила все документы, она выгребла все самое срочное и сложила в строгую черную кожаную папку, в которой, по словам второго секретаря, она носила только важные документы.

Подхватив ее, Женя двинулась в кабинет директора. Толкнув дверь, она на секунду замерла на пороге: просторный, светлый, прямоугольный кабинет, где ровно посередине стоял длинный стол из хорошего черного дерева для переговоров, окруженный множеством мягких стульев с высокими спинками со всех сторон и одним черным, кожаным креслом во главе этого самого столика, расположенного таким образом, что директор сидел лицом ко входу и, при случае открытой двери, прекрасно мог лицезреть секретарскую стойку да и самого секретаря, если удосужится привстать.

По левой стороне кабинета сначала шли шкафы, затем – окно с абсолютно пустым подоконником, а за спинкой кресла главного босса «Черного полюса» висел большой плазменный телевизор, по бокам от которого были приделаны на стене небольшие колонки. С правой стороны тоже уместились парочка шкафов со стеклянными дверцами, где удобно устроились какие-то разноцветные папки, а дальше сверкала лысиной хорошо покрашенная бежевая стена.

Женя тихонько прошла по мягкому ковровину, заглушающему звук ее шагов, и бросила папку около кресла, прямо рядом с ноутбуком и поверх огромного вороха каких-то бумаг, видимо, оставленных после совещания.

Еще раз оглядев кабинет, который, как и его хозяин, дышал холодом, строгостью и какой-то небрежностью, несмотря на почти полный порядок, Женя двинулась назад, углубившись в мысли о том, как отправить несравненного папочку в срочную командировку и, желательно, не с четырьмя пересадками и перерывами в ожидании следующего рейса, как вдруг, на выходе, она столкнулась с Сергеем, в прямом смысле врезавшись ему в грудь.

Подняв глаза и моментально очнувшись, Женька наткнулась на все тот же насмешливый, наполненный откровенной неприязнью и чувством превосходства над ней взгляд серых глаз и, ощутив, как кипящая волна гнева снова просыпается после получасового сна и грозит выбить ее из разумного, собранного состояния, девушка тут же вспомнила о Полине и тихонько вздохнула, разом придя в себя.

На ее счастье, Сергей ничего не сказал, а только обошел ее справа, оставив за собой тонкий шлейф какого-то приятного, мужского парфюма и, усевшись в кресло, вдруг приказным тоном произнес:

– Женя, кофе принеси.

Женька остановилась, внутренне содрогнувшись от злости и отчаянного сопротивления, но двинулась к кофемашине, чувствуя, как каждый ее шаг дается с ужасным трудом, поскольку все ее нутро упиралось руками и ногами в нежелании подчиняться, а тем более, прислуживать кофеносцем этому самодовольному, зарвавшемуся фазану.

Следуя четким инструкциям Светы, бариста Женя тщательно приготовила кофе и принесла Сергею, который с самым сосредоточенным видом шуршал бумагами и бросал недовольные взгляды в экран ноутбука.

Мельком глянув на него, Женя вдруг с горечью подумала, что если бы не было той сцены на авторынке, они вполне могли бы поладить: Сергей на работе производил впечатление обычного, делового, но со своими тараканами в голове человека... Но прошлое не изменить, а значит, Женьке, знающей о его бандитских наклонностях и нахальной грубости, а также об откровенной неприязни к ней, придется с этим мириться...

Она поставила кофе, на мгновение задержавшись около «кретина» и погрузившись в свои мысли, как он вдруг резко оторвал серые, сияющие будто изнутри мужеством и какой-то внутренней силой, изрядно, впрочем, разбавленной раздражением от ее присутствия глаза и пристально и жестко, но с неизменным презрением, посмотрел на нее:

– Что?

– Ничего. – спокойно ответила Женя, быстро очнувшись от раздумий о возможном прошлом или иллюзорном будущем, а Сергей недовольно и строго проговорил:

– Иди тогда.

Вот тебе и все. Командует каждым шагом, слово «спасибо», наверное, вообще не знает, хам, грубиян, кретин...

Стоп, стоп, выдыхай, Женька, у тебя много дел, не трать энергию на пустую, бессмысленную злость, сама же согласилась поплясать под эту ненавистную дудку, так что терпи, терпи! У тебя нет выхода, только один: показать этому гаду, какая ты отличная секретарша, чтобы у засранца не было ни малейшего шанса к тебе подкопаться!

«Я должна стать идеальной», – сказала сама себе Женька и, перешагнув через негативные, разрушительные эмоции, принялась за работу.

Глава 3. «Минус»

Сергей злился. Очень злился. Да он еле держал себя в руках от бешенства! Ну что за чертовски отвратительный день! Сначала Ярик, который вертелся, как уж на сковородке, и юлил, не желая брать его в совладельцы авторынка на соотношении доходов пятьдесят на пятьдесят, потом эти чокнутые, которым, видите ли, его тачка помешала, а он из-за них, между прочим, так и не закончил с этим чмырем Ярославом, придется вечером в ресторан его вести за свой счет, как бабу какую-то!..

Да еще кто! Парнишка какой-то с кишкой, тоньше зубочистки, позволил себе пнуть, и не один раз, его «Экстрейл»! И если бы не рыжая, посмевавшая накинуться на него, Сергея, в попытке защитить своего сопливого дружка, он бы точно почистил этой бледной, тощей мордой свою выхлопную трубу...

А эта рыжая! Еще и с оскорблениями полезла и смотрела своими дурацкими, какими-то... фиолетовыми глазами (линзы контактные, что ли, носит?..) так, будто она ему вызов бросала, как старшая девочка, защищавшая свою песочницу во дворе и младших братьев от злых мальчишек-хулиганов!

Сергей раздраженно открыл папку с документами на подпись и снова ощутил электрический разряд гнева внутри себя: бумаги в папке лежали ровненькой стопочкой, и более того, были разложены по дате в порядке срочности, от самых горящих к тем, что еще терпят...

Сжав губы и выдохнув, приходя в себя и справляясь с желанием раскидать эти бумаги по кабинету, а затем позвать эту рыжую, чтобы ползала тут на коленях и собирала, Сергей принялся подписывать, задумавшись над тем, как жестоко поиграла с ним судьба: эта Женя (имя идиотское! Так только мужиков называют!) оказалась его новой секретаршей! Ну что за жизнь?!? Он то думал, что Колпаков найдет какую-нибудь молодую, красивую девочку, блондиночку или брюнетку, как Света, этакую милую, но ответственную глупышку, с которой можно было бы неплохо повеселиться пару раз, а потом легко отделаться, подарив дорогую цапку, как в случае с Надей из отдела технической документации, или Дашей из ОТК, или Катей из химического цеха... Конечно, на постоянное пользование, как в случае с Викой или Леной, Сергей брать ее бы не стал, потому что секс, в совокупности с постоянной совместной работой, мог бы привести к появлению у маленькой глупышки привязанности к нему или даже чувств, что ему было совершенно не нужно и неинтересно, но, как новая забава, секретарша бы его привлекла...

А тут эта идиотка с замашками подружки криминального авторитета! Конечно, здесь, в офисе, она вела себя куда более сдержанно и деловито, вон как его задания строчила, да паспортные данные отца прикрепила степлером, чтоб не потерялись, но...

Это была она! Да еще и рыжая, ну почему же рыжая?!?

Сергей перестал ставить свои закорючки на документах и, успокаиваясь, вздохнул.

Он терпеть не мог рыжих и веснушчатых с детства. Во втором классе его посадили за одну парту вот с такой же огненно-рыжей, только чуть более оранжевой, чем темно-красный, медный оттенок волос Жени, но суть от этого не меняется, девочкой, которая постоянно плевала в его тетрадки, крошила мел ему в рюкзак, отчего во время дождя он приобретал большие, белесые пятна и все одноклассники ржали, громко крича, что его учебники описались, и постоянно, как настоящая заноза в заднице, колола его в плечо иголкой на уроках. Вспыльчивый Сережа уже тогда был не самым примерным мальчиком с «неудом» за поведение и большим любителем бить с локтя в глаз первым, поэтому, когда его терпение лопнуло, он хорошенько оттащил за рыжие, кудрявые косы эту отвратительную, веснушчатую, пучеглазую девчонку прямо в школьном дворе.

Через час Сергей, сидя в кабинете директора с самым хмурым видом и глядя на красную, всхлипывающую от обиды и слез рыжую, всклоченную соседку по парте, размазывающую сопلي по лицу, чем вызывая в нем еще больше омерзения, узнал от ее мамы, что девочка попросту была влюблена в него и таким образом выражала свою симпатию.

С тех пор Сергей на каком-то генетическом уровне ненавидел и избегал всех рыжих женщин, потому что одним своим видом они вызывали в нем отвращение и ненависть, а тут такое... Наглая, рыжая, да еще и с этими мерзкими, треклятыми веснушками на лице! Ну просто полный букет!

Сергей вскочил на ноги, импульсивно заходя по кабинету и умиряя свой гнев, но вдруг понял, что от этой дуры легко избавиться: она ни за что в жизни не успеет ознакомить всех сотрудников с изменениями в уставе, а заказать отцу билеты на завтра... Это вообще за гранью возможного.

Но злость продолжала долбить отбойным молотком в его груди, и Сергей решил переключиться: сняв трубку местного телефона, он быстро набрал нужный номер.

– Вика. Зайди ко мне. – скомандовал Сергей и, в ожидании, подошел к окну, глядя на многоэтажные жилые высотки, оживленный перекресток внизу и снующих туда-сюда обычных, совсем даже не рыжих пешеходов.

Сзади тихонько хлопнула дверь.

– Привет, Сережа. – сказал мягкий, нежный голос, и Сергей с ухмылкой обернулся, посмотрев на Вику.

Та призывно улыбнулась и, игриво оглядев его нежным, горячим взглядом, принялась медленно расстегивать блузку. Сергей молча наблюдал за ней, слегка наклонив голову и чувствуя, как на смену разрушительному гневу и раздражению приходит горячая волна желания. Не мешкая больше ни секунды, он стремительно подошел к ней, грубо схватив ее в охапку и, прижав к стене, огненно поцеловал, чувствуя, как затрепетало ее тело под его нажимом и как она обмякла, позволив ему полностью управлять процессом.

*** «Плюс»

Время близилось к пяти часам. Женька уже не чувствовала ног от усталости, но была довольна собой: весь седьмой этаж, исключая лишь начальницу ОТК Вику Гордееву, которой нигде не было, подписал лист ознакомления с изменениями в Уставе.

Налив себе воды в кружку с оранжевыми медведями на белом фоне, Женька дала себе кратковременную передышку, убравшись на столе и ответив на несколько телефонных звонков.

Два дела из трех были сделаны: билеты для Виктора Петровича Красна Солнышка лежали перед ней, распечатанные на принтере, срочные документы были уже в кабинете у этого кретина, который уже час как не выходил (может, забил себя до смерти черной кожаной папкой

с горя?? Эх, зря надеешься, Женька! Это скорее ты сунешь голову в принтер и отсканируешь свой мозг, чем Сергей так легко сдастся в этом бою), а значит, все было не так уж плохо...

Дверь директора отворилась, и из нее важной походкой, качая бедрами, вышла Вика.

Увидев ее, Женьку пронзила дрожь омерзения: не будучи душой, она сразу поняла, что эта, объевшаяся сметаны кошка там делала: волосы всклокочены, верхние пуговицы блузки расстегнуты, а ее нижняя часть выбилась из-под пояса юбки, помада на губах отсутствует, зато присутствует влажный и невероятно счастливый блеск в глазах и разругавшиеся щеки...

Женя поморщилась. Вика же, тем временем, надменно и хищно посмотрела на нее и подошла к зеркалу возле стойки, глядя на себя и застегивая пуговицы блузки.

– Что, рыжая? Удивлена информацией о том, что взрослые мужчина и женщина делают в закрытом кабинете? – ухмыльнулась она, поправляя волосы и презрительно глядя на Женю через зеркало. – Надо же как-то бедному Сереженьке стресс после твоего вида снимать... А любовь... – она повернулась и с мстительной, довольной улыбкой подошла к стойке, снова глядя на Женю насмешливыми глазами. – Любовь – лучшее лекарство от всех печалей...

Женя вдруг прыснула, захохотав на всю секретарскую, и, заметив недовольный и непонятливый взгляд Вики, пояснила:

– Любовь? Ты о получасовой интрижке, поражающей своей регулярностью, но дышащей непостоянством?? Вика, – выдохнула Женя, глядя в теперь уже откровенно злые глаза начальника ОТК, – это разве любовь? Да это даже не секс, а тупое, животное... – Женя не стала продолжать, видя, как щеки Виктории заалели – еще ударит, чего доброго, лучше попридержаться язык. – Твой босс использует тебя ради собственного удовлетворения в своем кабинете, а ты и радуешься! Неужели ты и правда себя так низко ценишь??

– Заткнись, идиотка!!! – зарычала Вика, вдруг схватив ладонь Жени и впившись в нее ногтями до боли, вонзаясь все сильнее и сильнее, желая увидеть беспомощность и страх на лице Жени, желая услышать крик боли, но Женька держалась изо всех сил, даже руку не вырвала, терпя и желая доказать ей, что она права. – Что ты знаешь обо всем этом?!? Что ты знаешь о наших отношениях?!? Не лезь не в свое дело, слышишь? А не то я тебя уничтожу, понимаешь, рыжая? С лица земли сотру, ясно тебе??? – прорычала, трясясь от злобы, Вика, и Жене вдруг стало ужасно жаль ее... Она так цепляется за эту интрижку с Сергеем только по одной причине: он нравится ей. Грубый, наглый тиран, командующий всем и вся, самодовольный и самоуверенный – он небезразличен ей, иначе почему еще она бы так гордилась кабинетным сексом, который в действительности лишь унижает достоинство женщины?

– Прости, Вика, но ты сама знаешь, что я говорю правду. – тихо проговорила Женя, ощутив, как ногти Вики постепенно отпускают ее руку. Глаза Вики на секунду остекленели, задумчиво и с некоторой затаенной болью посмотрев в окно, а затем она вдруг резко собралась и гневно посмотрела на Женю, недобро процедив:

– Нет. Ты просто сама запала на него, вот и пытаешься меня отвадить. Черта с два, курица рыжая, он мой, мой и только мой, а ты... – она вдруг прервала бешенную речь с большим намеком на паранойю, случайно увидев длинные пофамильные списки с подписями, лежащие перед Женькой... И по ее изменившемуся, мстительному взгляду и коварной улыбке Женька поняла, что она, кажется, попала. – А это что? – она притянула к себе списки, внимательно их разглядывая. – Лист ознакомления? С чем?

– С изменениями в Уставе. Должны подписать все сотрудники. – устало проговорила Женя, откинувшись на спинку стула. – Я так вижу, по твоим довольным глазам, что ты не подпишешь?

Вика внимательно посмотрела на нее и прищурилась:

– Это Минаев тебе приказал? Да? И что будет, если не все подпишут?

– Уволит он меня, что же еще? – спокойно заявила Женя, от усталости и обреченности зевнув. Судя по виду Вики, который вдруг стал на порядок счастливее, чем после секса с соб-

ственным боссом, она подпишет это только в том случае, когда галапагосский морской лев перестанет быть вымирающим видом и заселит все мерзлые, покрытые вечным льдом участки нашей планеты, а значит, судьба Жени на этой работе обречена... Придется искать новое место, чтобы копить деньги Поле и платить за кредит: на «Черном полюсе» оказалось слишком много препятствий... Видимо, не ее это «Полюс». – Значит, не подпишешь?

Вика триумфально посмотрела на нее, победно захохотав:

– Никогда! И Лена тоже не подпишет! Скатертью дорожка, рыжая! Чао!!!

И, хохоча от радости, Вика поплыла на свое рабочее место, прикинувшись счастливым круизным лайнером.

Женя вздохнула. Ну вот и все. Стоптаные ноги, миллионы страниц с сайтами авиакомпаний, милая улыбка, от которой устали щеки, и старательное подавление гнева от всего происходящего – все это было напрасно. Чертов кретин Минаев ее все равно уволит...

Но закончить нужно. Женька никогда не бросала начатых дел на полпути – такой уж у нее характер.

Она схватила еще пустые листы ознакомления и стремительно вылетела из секретарской, в отличие от Вики, прикинувшись злобным орлом, желающим атаковать шестой этаж и его работников за ближайшие полчаса, несясь на крыльях собственного, обжигающего гнева.

*** «Минус»

– Лена, я еще раз повторяю: деньги должны прийти завтра! Надави на «Пластматик», позвони им еще раз, но если они ЗАПЛАТЯТ ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ, ТО И МЫ ОТГРУЗИМ ИМ ДАТЧИКИ НА НЕДЕЛЮ ПОЗЖЕ, ТАК ИМ И ПЕРЕДАЙ!!! – кричал в трубку раздраженный Сергей так, что его грозный, командный голос эхом отдавался по всему кабинету и, просачиваясь под не то чтобы слишком герметичную, пластиковую дверь, распространялся на всю секретарскую, где в поте лица пыhtела Женя, недовольно морщась и косясь на ту самую дверь кабинета.

– Но, Сергей... Почему на неделю, если они задерживают на два дня всего? – умиротворяющим тоном звучал в трубке голос Лены, явно немного напуганный и недовольный, а Сергей ударил кулаком по столу и снова загромычал, кипя от гнева:

– Да что ты будешь делать, ЛЕНА!!! Через два дня придут деньги, через три дня отдел закупок закажет комплектующие, через четыре дня они придут, через пять дней поступят чертежи от разработчиков, через шесть – техническая документация, через семь – начнут собирать... ВОТ ТЕБЕ И НЕДЕЛЯ, ЛЕНА!!! – снова закричал он, а Лена тихо пробубнила:

– Ладно, ладно, Сереж, не кипятись, я все передам, не нервничай так, хочешь, я зайду, и...

– Если ты все поняла, ТО КЛАДИ ЭТУ ЧЕРТОВУ ТРУБКУ И ИДИ РАБОТАТЬ, СТАРЦЕВА!!! – вспылil по-новой Сергей и уже более спокойно приказал:

– Завтра утром, в восемь, отчитайся.

И он бросил трубку, злясь на женщин всего мира за их наивность и беспечное отношение к тому, что действительно важно, но, при этом, имеющих потрясающую способность раздуть из мухи слона, когда речь идет о самых идиотских пустяках. Снова уставившись в отчет по бракованной продукции за прошлый месяц, он вдруг мельком взглянул на часы и вспомнил о еще одной неприятной проблеме, сидящей прямо за дверью его кабинета. Вздохнув, Сергей нахмурился, а потом ухмыльнулся, представив лицо этой мерзкой рыжей девчонки, когда он скажет ей, что она уволена... А вот интересно, как она оправдается за то, что не смогла собрать все подписи, или за то, что у нее так и не получилось заказать билеты для отца?

Сергей встал и уверенной, стремительной походкой прошел к двери, распахнув ее. Девчонка сидела на месте и что-то писала: Сережа отчетливо видел ее кудряшки огненного цвета,

в беспорядке разбросанные по плечам и, судя по всему, никогда не встречавшие на своем пути такую вещь, как расческа, видел эти дурацкие веснушки на ее лице, розовую блузку (и почему рыжие думают, что им идет любой цвет?) и раздраженно выдохнул.

Насмешливо скривившись, Сергей сказал:

– Время – шесть, Евгения. У тебя ровно пять минут, чтобы отчитаться передо мной о проделанной работе.

Девчонка резко подняла голову, и Сережа мельком заметил сиреневый отблеск ее глаз и ярко выраженную неприязнь на ее лице, после чего, подавив приступ гнева, он вернулся за свой стол, развязно откинувшись в кресле и нетерпеливо ожидая.

Рыжая залетела почти сразу, держа в руках аккуратно (Боже мой, ну что за аккуратистка? Все-то у нее листочек к листочку сложено...) скрепленную пачку бумаг. Подойдя к нему, она деловито уселась на соседний стул, сложив ногу на ногу, и серьезно, строго посмотрела на него. Сергей прищурился: он видел, что она отбросила эмоции, переключившись на рабочий лад, и в ее странных глазах не было ни капли злости или раздражения, хотя Сергей прекрасно понимал, что она его терпеть не может точно так же, как он ее.

– Ну? – нетерпеливо поторопил он, нахмурившись. – Посидеть пришла? Выкладывай.

В глазах Жени мелькнул гнев, но она не позволила своим чувствам вырваться на волю, быстро справившись с собой, и проговорила:

– Пункт номер «один» в вашем перечне задач был выполнен еще днем: срочные документы лежали у вас на столе к вашему возвращению с обеда. Пункт номер «два» – ознакомление с изменениями в Уставе. – Женя положила перед Сергеем стопку листов, и он неприязненно и хмуро посмотрел на нее. – Это пофамильный список всех сотрудников с подписями и датой ознакомления.

Сергей удивленно нахмурился, листая страницу за страницей и разглядывая почти полторы сотни подписей и разных закорючек, не веря своим глазам. Как она могла успеть? Им же нужно прочесть документ, а на это ушло бы порядка нескольких минут, там почти пять страниц печатного текста...

– Как ты это сделала? – строго спросил он, тем самым потребовав объяснений от девчонки, сидевшей с самым важным видом, будто она тут своими руками земной шар с орбиты сдвинула. – Они что, не читали изменения? Тупо расписывались?

– Не читали. – невозмутимо кивнула Женя и слегка улыбнулась, видимо, заметив признаки начинающегося приступа бешенства у Сергея, который чуть не умер от его удушливых объятий. Прищурившись и полыхая огнем, он прошипел:

– То... есть... как?

– То есть я им читала. Вслух. – спокойно заявила Женя и, заметив непонимание на лице Сергея, пояснила:

– Если бы каждый читал прежде, чем поставить свою подпись, я бы ни на что не успела, а так, я предложила им вариант, позволяющий сэкономить мое и их время: я читаю вслух всему кабинету, они слушают и параллельно занимаются своей работой, а затем дружно подписывают... Их устроило мое предложение. – пожала плечами девушка, а Сергей откинулся на спинку стула, ошарашено глядя на нее.

Нет, ну надо же! Как она могла до такого додуматься?!? Уму непостижимо!!! Чувствуя, как в груди вскинулось раздражение, поглощающее здравый смысл, Сергей глубоко вздохнул, не сводя насмешливых, пронизательных глаз с Евгении. Его ужасно бесил тот факт, что она идеально варит кофе, идеально складывает документы, идеально выполнила, казалось бы, невыполнимое задание, и все это в совокупности злило его еще больше, потому что уволить ее за невыполнение задач – это одно, а вот теперь, даже если ему и захочется ее выгнать, то только лишь по личным мотивам... А это мерзко и непрофессионально, как говорил его отец. «Если хочешь стать настоящим начальником, то наказывай людей за провинности, а за хоро-

шую работу – поощряй. Личные мотивы в сторону, сын. Так ты добьешься уважения», – говорил Виктор Петрович.

И Сергей старался делать именно так, не смешивая личное и работу, поэтому никто из тех женщин, с кем у него были личные связи, не получали повышения или, наоборот, не были уволены с фирмы. Сережа строго за этим следил.

Гнев пылал внутри него: ну как теперь, скажите на милость, ему избавиться от этой рыжей дурынды??? Он поджал губы и, в поисках хоть какого-нибудь прокола, снова, на удачу, открыл списки с подписями.

Одна страница, другая, третья...

Ага, вот оно. Сердце весело и довольно стукнуло в груди. Попалась!

– Так, стоп. А здесь где подпись? – спросил Сергей, указывая на пустую клетку напротив Викиной фамилии. – Почему Гордеева не подписала??

Женя вздохнула и, слегка порозовев, уверенно проговорила:

– Лена Старцева тоже не подписала. Они отказались подписывать.

Сергей нахмурился, кажется, понимая, почему эти две клуши так поступили... Показательное выступление перед новенькой, чтобы не рыпалась и не претендовала на него, Сергея... Раздражительно стукнув кулаком по столу так, что Женька вздрогнула, он рявкнул:

– Что значит – отказались?!?

– Отказались, и все. – сохраняя самообладание, проговорила Женя.

Сергей быстро набрал номер Вики и, услышав ее голос, жестко и повелительно процедил в трубку:

– Вика, бери Лену, и срочно ко мне! Через минуту не явитесь – лишу премии!!!

И он импульсивно бросил трубку, снова уставившись на Женю и думая о том, когда этот идиотский день, наконец, закончится.

Через минуту, а может, и раньше, в дверях показались два миловидно улыбающихся лица, сверкающие густо накрашенными губами и припудренными носами.

Девушки надменно и триумфально посмотрели на Женю, которая даже не повернулась в их сторону, продолжая задумчиво глядеть в окно, а затем, сели по другую сторону стола и с одинаковыми призывными улыбками уставились на Сергея.

– Сергей? Что случилось? – сделав непонимающий вид Барби, спросила Лена, которой очень даже шло это глуповатое выражение лица.

– Почему не подписали Лист ознакомления? – раздраженно и требовательно рявкнул Сергей, кинув перед девушками пачку листов.

Как он и ожидал, они мстительно переглянулись, и Вика с холодной улыбкой на ярко-красных губах проговорила:

– И что это за Лист, Сережа? Мы впервые его видим, твоя секретарша к нам не подходила.

Сергей перевел хмурый и требовательный взгляд на Женю, а та лишь вздохнула и, гневно посмотрев на начальниц отделов Обмана и Интриг, спокойно проговорила:

– Неправда.

– Что-о-о??? Ты нас во вранье обвинять будешь?? – возмущенно воскликнула Вика, картинно всплеснув руками. – Еще раз говорю – ты к нам не подходила со своим Листом!! И кто ты такая, секретарша, чтобы нас при Сергее обвинять??? Сергей, мы здесь, между прочим, – Вика ненавистно покосилась на Женю, – много лет работаем, в отличие от нее, так кому ты поверишь? Девочка просто обнаглела, начальникам отделов такое заявлять! С чего бы это нам не подписывать-то?!?

– Это неправда. – уверенно, но тихо проговорила Женя, открыто глядя на Лену и Вику. – То, что я к вам подходила, видела половина сотрудников ваших отделов. Вы отказались расписаться.

– Да как ты смеешь... – завопила было Лена, но Сергей, у которого уже голова начала раскалываться от этого балагана, хлопнул кулаком по столу и, едва сдерживаясь, чтобы не разорваться длинной, гневной тирадой, рывкнул:

– Так, все!!! Молчать. Женя. – жестко обратился он к рыжей, вдруг обрадовавшись возможности все-таки ее уволить, и тому, что гнев его девчонок как нельзя кстати пришел ему на помощь в этой ситуации. Рыжая посмотрела на него внимательными, фиолетовыми глазами, и ее нижняя губа чуть дрогнула: она все поняла. Сергей нахмурился, но... Он уже все решил. Эта раздражающая особа не должна целыми днями торчать около него. – Ты не до конца выполнила задачу. Я просил тебя собрать ВСЕ подписи, а здесь, – он махнул рукой на список, – не хватает двух.

Вика и Лена триумфально заулыбались и переглянулись, радостно сияя, разве что по рукам тут не ударили, а Женя, гневно и с большой обидой в глазах посмотрев на Сергея, лишь поджала губы и вздохнула.

– Хорошо. – чуть дрогнувшим, но, все же, уверенным голосом, стараясь держать себя в руках, проговорила она и встала. – Значит, я уволена? – она вдруг посмотрела на свои руки, и Сереже на миг показалось, что рыжая хочет заплакать, но тут увидел в ее руках еще какие-то бумаги. Женя положила их на стол перед недоуменным боссом и произнесла:

– Это билеты для вашего отца, Сергей Викторович. Частный, восьмиместный самолет, вылетает из аэропорта Цветово завтра, в четыре часа вечера, прямой рейс до Стамбула. Обратно – на следующий день, из того же аэропорта в Стамбуле, тот же частный рейс, вылет в семь вечера по местному времени.

И она повернулась, чтобы уйти, но обескураженный и вконец удивленный Сергей резко обрел дар речи и жестко скомандовал:

– А ну, стой!

Женя обернулась. Надо сказать, Вика и Лена тоже выглядели удивленными: найти самолет за день до отлета?... Они недовольно и гневно переглянулись, одновременно угрюмо посмотрев на Сергея.

А Сергей был в откровенном шоке, и его злость жгла его изнутри, как языки пламени, которые кто-то загнал во все его вены, прямо под кожу. Ну что за черт!?

– Частный самолет??? – удивленно переспросил Сергей, подняв брови.

Женя кивнула, пожав плечами.

– Ну, денежный лимит не был вами озвучен, а обычных билетов, как вы сами могли догадаться, уже не было. Посылать Виктора Петровича с пересадками в нескольких городах, с моей точки зрения, показалось как-то неправильно, поэтому я обзвонила все авиакомпании, которые занимаются частным извозом, и у одной, как оказалось, был свободный самолет. Довольно комфортабельный лайнер, я в интернете картинки видела, доставит прямиком в Турцию, на борту – двухразовое питание и напитки. – Женя вздохнула. – Если что-то не так, я могу позвонить и отказаться. У вас еще остались вопросы, Сергей Викторович? Или я могу пойти вещи собирать?

– Иди, иди, секретарша! – насмешливо проговорила Вика, ухмыльнувшись. – И забудь дорогу в нашу фирму, рыжая!

Женя, чуть прищурившись, посмотрела на нее, а затем бросила последний взгляд на Сергея. Он молчал, хмуро и пристально глядя на нее.

Секунда. В Жениных глазах блеснуло сиреневое пламя, всколыхнув волну гнева, обиды, разочарования и... Сергей чуть прищурился, пытаясь понять, не ошибся ли он... Что еще в этих глазах, неприязненно смотрящих на него?? Что еще?? Ошибся?... Нет, это было отчаяние. Отчаяние. Отчаяние.

И он знал об этом. В его груди вдруг разверзлось что-то неприятное, отвратительное, скребущее душу... Что-то, ужасно напоминающее угрызения совести...

Она раздражала его. Ужасно, неопишимо! Он помнил ее сегодня утром на парковке: вызывающий взгляд, наглый, уверенный тон... «Слышишь, парниша?»... Он помнил свое бешенство, вызванное ее идиотской выходкой с благородным намерением защитить своего дружка, помнил злость, отвращение и черт побери! Эти ужасные, рыжие волосы! Эти чертовы мерзкие веснушки! Да он терпеть ее не мог, насмехался над ней, не хотел ее видеть ни секунды в своей жизни!

Но... но... но...

Она все сделала. Выполнила за три часа все чертовски сложные и казавшиеся невыполнимыми задачи! Она собрала все подписи, проявив смекалку и ум, она, черт возьми, выбила его папашке крутые билеты на крутой самолет! Сергей уже представлял, какое гордое и высокомерное лицо будет у его отца, когда он увидит эти, тешащие его самолюбие, шикарные билеты! И она... Сергей видел ее взгляд. Она была в отчаянии. А значит, ей нужна была эта работа. Очень нужна, раз она отбросила эмоции и проявила столько усердия, чтобы сделать все, что он попросил...

Совість скребла все сильнее, и Сергей уже трижды ненавидел себя за то, что эта рыжая поставила его в такую ситуацию, за то, что он чувствовал, что поступает неправильно, увольняя ее, что поступает непрофессионально...

Женя смотрела в его глаза ровно секунду, а затем отвернулась и уверенно вышла из кабинета.

– И Слава Богу. – сказала довольная, как соломенная баба на масленице, Вика. – Зачем она нам тут, тем более, рыжая?.. Правильно сделал, Сережа, что убрал ее. Она будет только мешать.

– Да, борзая девка. – поддакнула Лена, с таким же сияющим лицом глядя на ушедшего в разбор собственных внутренних ощущений Сергея. – Слышал бы ты, как она с нами нагло днем разговаривала! Если бы не Краснохатов, мы бы ее раскатали паровым катком...

Сергей их совсем не слушал. Он злился на себя, на Женю и еще десять раз на судьбу, чувствуя, как его всего разрывает противоречиями. «Оставь все, как есть, и ты завтра забудешь о ней... Это только одна-единственная дурацкая девчонка, никто даже не узнает, что ты уволил ее из личных мотивов... Оставь все, как есть, и ты завтра о ней забудешь...» – шептал его внутренний голос, но...

– Да черт бы ее побрал!!! – выругался Сергей и, резко вскочив со стула, импульсивно вылетел за дверь.

– Эй, Сереж, ты чего?!? – крикнула Вика, но он ее не слышал.

Женя еще была там, Сергей видел ее расстроенное лицо, когда она натягивала сапоги, видел, как подрагивали ее руки, застегивая молнию на обуви, и, проклиная себя за этот самый идиотский в его жизни, но, возможно, все-таки правильный поступок, стремительно подошел к ней.

*** «Плюс»

Ну вот и все. Придется начинать сначала... И как объяснить родителям, что она была уволена в первый же день с хорошооплачиваемой и удобной для совмещения полуставочной работы? Скажет, что начальник оказался тем самым кретином, который перекрыл им сегодня утром выезд с авторынка и с которым Женя не очень культурно «поговорила», вследствие чего, получилось все это? Да еще эта его дурацкая нелюбовь к рыжим... Ну она-то что ему сделала??? Нет, она не скажет, ничего не скажет, а постарается быстро найти что-нибудь другое, ей так чертовски нужно накопить эти деньги, кто бы знал!!!

Ощущая, как обида и ужасное расстройство тянут ее душу в разные стороны, а ладони дрожат от нестерпимого желания поплакать и покричать, выплеснуть гнев на весь этот досад-

ный день, который просто нужно перешагнуть, стереть и жить дальше, без идиота Минаева, без «Черного полюса», без этих дурочек Лены и Вики, Женька обувала сапоги и не слышала, как к стойке подлетел Сергей.

– Женья. – жестко окликнул он ее, и она вздрогнула, устало посмотрев на него. Серые, ледяные глаза, сияющие жутким недовольством и какой-то тонкой, едва уловимой, но очень мощной мужской силой, влиянием, господством над любой ситуацией, внимательно заглянули в фиалковые глаза девушки и стали их очень конкретно изучать: у Жени даже появилось чувство, что он пытается прочесть ее мысли, и ей стало немного не по себе. – Поскольку в Листе ознакомления отсутствуют лишь две подписи, то я, так и быть, тебя не уволю. Можешь остаться на фирме. – снисходительно разрешил Сергей, слегка ухмыльнувшись Жене, словно добрый хозяин, простивший нашкодившую собачку.

Женька не поверила своим ушам, но бешеный, срывающий крышу, гнев не позволял ей здраво оценивать ситуацию. Вы только поглядите на этого надутого, объевшегося лебеды, монгольского сайгака!!! Он сейчас стоит перед ней с таким видом, будто сделал ей самое великое одолжение в ее жизни, гад такой! Пусть катится к чертям, она с таким зазнавшимся, высокомерным любителем покомандовать, одуревшим от своих денег и влияния ослом навьюченным, работать не будет! Вот еще, станет она унижаться после такого «разрешения», она тут, вообще-то, на части рвалась, чтобы доказать, что она любую задачу решить сможет, а он ей так пренебрежительно: «можешь остаться...» Козел, козел, ненавистный кретин!!!

За окном вдруг что-то гроыхнуло, будто нагруженный разным железным хламом самосвал неудачно перепрыгнул кочку на дороге, и сознание Жени включилось.

Включилось понимание, зачем ей нужна эта работа. Включилось лицо кашляющей и задыхающейся маленькой Поли. Включился здравый смысл.

А уважение к себе она заслужит. Хоть и рыжая.

– Я останусь только потому, что мне *действительно* нужна эта работа. – серьезно и с нажимом проговорила Женья, как бы пытаясь продемонстрировать, что она вынуждена принять его не слишком уж соблазнительное предложение, и Сергей кивнул:

– У тебя испытательный срок. Три месяца. Будешь хорошо работать – получишь постоянную ставку. Ясно? И никаких проколов. Слажаешь – уволю.

– Договорились. – кивнула Женья, мстительно думая про себя: «Не дождешься, кретин!» Сергей еще секунду пристально смотрел ей в глаза, а затем раздраженно вздохнул и вихрем умчался в свой кабинет, хлопнув за собой дверь.

Женья привела рабочий стол в порядок и, накинув пальто, направилась к выходу с фирмы.

На улице было все также серо и пасмурно. Дождь не шел, но холодный, промозглый ветер окончательно стирал из памяти теплые и солнечные летние деньки, оставляя лишь предупреждение о надвигающейся зиме и высоких снежных сугробах.

Пытаясь переварить все произошедшее, Женья медленно добрела до киоска с мороженым, подрагивая от холода, но зная, что мороженое, охладив ее изнутри, поможет отвлечься от хмурых и безрадостных мыслей о ее новом начальнике и успокоить разбушевавшиеся нервы, переключив организм на защиту от переохлаждения.

Все также медленно Женья доплелась до своей машины и, увидев, что «сосед» слева уже уехал, радостно плюхнулась за руль, распахнув дверь как можно шире и, продолжая с наслаждением уплетать мороженное, стала изучать множество кнопок на приборной панели, чтобы понять их значение и возможную полезность для нее самой.

Вдруг неожиданно снаружи автомобиля раздалось гневное:

– Твою ж мать!!!

Нутро Женьки будто встало вверх тормашками: испытывая тошноту от звуков этого голоса, Женька резко выпрямилась и посмотрела через лобовое стекло: перед ней снова, как будто это был чертов плохой сон, испытывающий ее на прочность и призывавший пройти через

семь кругов ада, или родовое проклятие, стоял не кто иной, как Сергей, снова сунув руки в карманы брюк, снова с гневом глядящий на нее, снова, черт побери, рядом с ней, да что же это такое?!? Он что, ее преследует?!?

Она вздохнула и вышла из машины, с удивлением глядя на злого-презлого Сергея и невозмутимо жуя мороженое.

– Что случилось, Сергей Викторович?

Сергей чуть наклонил голову, посмотрев на Женю так, будто он сейчас затолкает ей мороженое глубоко в глотку и еще в парочку мест в неистовом желании выплеснуть ярость.

– Ты что, думаешь, водители могут ужиматься до состояния водопроводной трубы??? – гневно прошипел он и махнул на свой синий «Экстрейл», который, как оказалось, преспокойненько себе стоял с правой стороны от «ласточки» Жени, ни дальше, ни ближе, как ровно в десяти сантиметрах от ее машины. – Или, может, ты в автошколе пропустила пару уроков правильной парковки?? Как я в нее залезу???

Женька не удержалась и тихонько, мстительно хихикнула, желая сообщить своему дражайшему боссу, как именно ему стоит сложиться и в кого из милейших насекомых нашей планеты превратиться, чтобы сесть в свой треклятый тарантас, но сдержалась, вместо этого недоуменно поглядев на пустое место слева от своей машины и пробурчав себе под нос:

– Так здесь вот еще ближе машина стояла, должна же я была как-то вылезти, тем более я торопилась, не хотела опаздывать, вот мне и пришлось...

Сергей раздраженно закатил глаза и, грубо схватив Женю за плечи, резко развернул к себе и уставился на нее сияющими стальным, сокрушительным гневом серыми глазами.

– Да мне по барабану, Женя!! – насмешливо и злобно прошипел он, испепеляя ее взглядом. – Убирай сейчас же свою букашку, да поживее, мне ехать надо, я спешу! Ну, ну???

Он развернул ее и подтолкнул, к счастью, несильно, к водительской дверце «Опеля», правда, и от этого толчка Женя чуть не подавилась мороженым.

Великолепно! Вышел на улицу и опять стал самим собой: командует, хамит, толкается... Злобный монстр ты, Минаев, с фиолетовыми рогами и черной бородой!! Кретин, которому все мало... Ну ничего, Сергей Викторович, и на дерзкого бизнесмена с замашками Северной звезды найдется свой ковш!!!

– Хорошо, Сергей Викторович, только не кричите, я уберу машину. Вы же спешите. – ядовито проговорила Женька и медленно, словно старая-престарая улитка на льду, двинулась к своей машине, потихоньку, словно в замедленной съемке, села за руль и очень неторопливо завела мотор, мельком глянув на Сергея.

Он наблюдал за ней, нетерпеливо подергивая ногой, а когда понял, что она мстит ему за утреннее происшествие, поднял брови и вспыхнул так, что Женьке, не сдерживающей довольной, коварной улыбки, показалось, что он сейчас превратится в ракету и улетит в Космос с красно-черным пламенем, вырывающимся из задней части. Серые глаза обледенели дальше некуда, излучая такую бешеную ярость, что Женька даже немного испугалась, а затем испугалась «много», когда Минаев стремительно подошел к ней и, с силой схватив ее за локоть и тряхнув, бешено прошипел:

– Не испытывай мое терпение, слышишь?!? Если через минуту ты не отодвинешься от моей тачки на приличное расстояние, я...

– Что? – перебила его Женя, храбро (это с виду, внутри нее, при этом, все как-то неприятно сжималось, только девушка упорно не желала называть это чувство словом «ужас») глядя в его глаза. – Вы – что? Уволите меня? Не можете, мы не на рабочем месте.

Сергей ухмыльнулся, насмешливо посмотрев на нее.

– Не смейся меня, глупышка. Я что, по-твоему, только вчера на должность заступил, чтобы не понимать таких примитивных вещей? – он наклонился к ней, пристально и жестко глядя в ее фиалковые глаза своими серыми, излучающими раздражение и презрение, собствен-

ное превосходство и чувство вседозволенности, но Женя, Женя... в этот миг ощутила странный магнетизм, как будто она не могла оторвать от него взгляда, как будто что-то, включая приятный мужской парфюм, легкую щетину на его щеках, длинные ресницы и темные брови, что-то не давало ей отвернуться, хоть он и злился, хоть она и ненавидела его всей душой, но...

На мгновение этой злости не стало. Лишь притяжение. И именно в этот момент Женя вдруг осознала, что означали слова Светы насчет его обаяния. Это едва уловимое, еле заметное, почти не ощутимое качество, но обладающее мощной, непреодолимой силой, которая оказывает неизгладимое впечатление на слишком чувствительное, слишком впечатлительное женское сердце. Обаяние подкупает, заставляет подчиняться, воздвигает перед глазами женщины Эверест из тех самых крепких черт характера, вроде мужества, самостоятельности, решительности, бесстрашия и целеустремленности, которых по воле природы-матушки так недостает женщине, но в которых она страшно нуждается как слабый, правда, желающий казаться сильным, пол, однако, не желающий себе в этом признаваться (отсюда и женская эмансипация – при недостатке тех самых мужских качеств, женщина вынуждена возвращать их в себе самой, чтобы ощущать себя самодостаточной, целостной, полноценной). А чего стоит только их умение обращаться с тобой так, как ты того желаешь, с целью завоевать, добиться, или даже укротить?..

И к чему сейчас были эти мысли в дурной рыжей головушке, если Сергей был в секунде от того, чтобы завязать ее узелком и сунуть в багажник для прекрасного и длительного отдыха??? Женька очнулась как раз вовремя, чтобы услышать следующую фразу:

– Послушай меня сюда: если ты сейчас же не уберешь машину, я сам ее уберу, в ближайший столб. Как тебе такая перспектива, девочка?

Женька вырвала локоть из его руки и, гневно оттолкнув его, захлопнула дверь, диву даваясь, как в ее дурацкую голову секунду назад могла прилететь мысль о каком-то пресловутом обаянии вообще в отношении этого бешеного и грубого кабана, а вслух злобно и язвительно проговорила:

– Очень заманчивая. А столб можно самой выбрать, или здесь тоже вы будете решать, Сергей Викторович?

Сергей насмешливо поднял брови, но промолчал, по-видимому, решив не напрягать ради ответа своей новой секретарше мышцы лица понапрасну, а Женя же, осознав, что все равно проиграла в этой неравной битве, холодно проговорила, взявшись за руль:

– Мы утром тоже спешили, Сергей Викторович. Я хотела сказать вам лишь то, что не всегда все в этом мире стремится удовлетворять только ваши интересы...

– Ты закончила басни с моралью читать? – гневно осведомился Сергей, с силой хлопнув кулаком по крыше машины. – Может, ТЕПЕРЬ ТЫ УБЕРЕШЬ СВОЮ ДОЛБАННУЮ ТАЧКУ И ДАШЬ МНЕ ВЫЕХАТЬ, ИЛИ Я ИЗ ТЕБЯ И ТВОЕЙ ЖЕЛЕЗЯКИ КОЛОБОК СКАТАЮ, ИДИОТКА?!? – прошипел он яростно, еле держась от громкого ора, а Женька, теперь, наконец-то, реально напугавшись за свою судьбинушку и здоровье, поспешно махнула рукой и, быстро и мило прошебев: «До завтра, Сергей Викторович!», рванула прочь с парковки, кипия в горячей лавине разных, негодующих громкими голосами внутри нее эмоций.

*** «Плюс»

– Кретин, чтоб ему провалиться! – от души ругалась Женька, положив голову на письменный стол в комнате Игоря и глядя на суетящихся в бесцельном, спутанном движении рыжих и черных маленьких рыбок в аквариуме.

Игорь же в это время с самым важным видом восседал рядом, спиной к своей подруге и лицом к своему другу компьютеру, что-то быстро там листая, набирая на клавиатуре какие-то

команды и задумчиво выжидая, пока «железный дружок» досчитает до ста процентов и откроет очередное заумное окошко.

Женька покосилась на его спину все в той же темно-красной футболке с надписью на английском: «Come to the Dark Side» («Переходи на темную сторону» – с англ.), и тяжело вздохнула, вконец запутавшись в собственных злых эмоциях.

– Слушай! – встрепенулась она, хлопнув Сторожева по длинной, худой спине. – А может, мне, все-таки, ну... нафиг пойти? Уволиться оттуда, в смысле? Я же его на дух не переношу, а этот поганец, судя по сегодняшним заданиям, устроит мне испытательный срок в аду, да еще эти его команды, «сделай то», «сделай это», без всяких «спасибо» и «пожалуйста»... Он же меня в могилу сведет!

Игорь резко отбросил мышку и повернулся к Женьке, сверкнув голубыми глазами из-под специальных компьютерных очков.

– Зябликова, ну ты дура совсем, что ли??? Никаких «уволиться»!!! Этот борзый кретин сначала должен пожалеть, что так с тобой обращался, что его ненависть к тебе, основанная лишь на нелюбви к рыжему цвету волос и том факте, что ты якобы спасала меня из его лап – это все туфта параноидальная и дерьмо собачье! – Игорь наклонился к растерянной Женьке и настойчиво проговорил:

– Ты должна сделать так, чтобы он почувствовал себя виноватым перед тобой за свое грубое поведение, а для этого, Женька, тебе всего лишь нужно стать самой умной, – принялся с азартом загибать пальцы Игорек, – самой быстрой, самой аккуратной и самой лучшей секретаршей в мире! Ты только представь его рожу, когда ты пошатнешь все его принципы и обратишь его внимание на свое неразумное поведение!! Женька, да когда он поймет, что ты идеальна, он изменит свое отношение к тебе, вот увидишь! Это психология начальника. – умно изрек Игорек, облокотившись на спинку своего стула. – Самый лучший работник для начальника какой, Женька?

– Который не рыжего цвета, молчит в тряпочку и сидит под столом? – недовольно буркнула Женька, снова уставившись в аквариум.

– Молодец, балда, почти угадала. – усмехнулся Игорь, дав подруге легкий подзатыльник. – Самый лучший для начальника тот, кто НЕ КОСЯЧИТ.

Женя насмешливо фыркнула.

– Да таких не бывает, дурень! Невозможно делать много дел и не упустить что-нибудь из виду. Мы же люди, а не машины.

– Значит, ты будешь первой, Зябликова. Заставь его пожалеть. Стань превосходной. – не унимался Игорь, а Женька с горечью покачала головой:

– Ты же с ним сегодня встречался! Ты считаешь, этот нахальный, властный конь, который сам себя под уздцы водит, может хоть о чем-то в своей жизни жалеть? Да у него и жалости-то нет, мне кажется.

Игорь рассмеялся и покачал головой:

– Жалость есть у всех. Вот увидишь.

Женя не стала возражать и портить Игорю наивную картину мира в его голове, а лишь устало посмотрела через окно, на темное, почти черное небо, усеянное множеством мерцающих, таинственных и таких далеких точек, тем более, что в дверном проеме вдруг возникла голова Раисы Васильевны с большой, округлой челкой и зачесанными назад ободочком остальными седыми волосами, которая строго зыркнула через толстые стекла очков на Женю, затем – на внука, и скрипучим, но важным голосом проговорила:

– Эй, голубки, а не поздно вы воркуете-то? Время к десяти подходит, Игорек, тебе скоро спать ложиться... Марш домой, Евгения, завтра приходи, давай-давай... – поторопила Женю любезная бабушка Игоря, помахав перед собственным носом рукой, как ветряной мельницей, и та встала, а Игорь недовольно застонал:

– Бабушка! Да какое «спать», время еще детское, что ты Женьку гонишь? Пусть сидит, мы же не шумим... И у нас разговор важный...

– Все разговорчики утром надо говорить, на чистую и свежую голову! – беспрекословно изрекла Раиса Васильевна, а Женя улыбнулась, зевнув и действительно почувствовав себя очень усталой:

– Ладно, Игорек, пойду я действительно... Завтра вставать рано, с утра работаю...

– Помни: стать суперзвездой! – тихо бросил вслед уходящей Женьке свое напутствие Игорь, и девушка мельком подумала, что в этом, наверное, что-то есть... И вышла из комнаты друга, хлопнув дверью.

Глава 4. «Плюс»

Целая неделя прошла для Жени ровненько, словно морская гладь во время штиля в океане: спокойно и без эксцессов. Девушка училась, наконец-то потихоньку подтягивая все свои хвосты, закрывая задолженности и меняя впечатление преподавателей института о себе в лучшую сторону, что несказанно ее радовало при том обстоятельстве, что у Жени была еще и работа.

А вот работа для Зябликовой, как огромный и очень густой, со спутанными, колючими ветками кустарник, в любую секунду могла больно цапнуть, сделай она хоть малейшее неверное движение в сторону.

Чтобы не вызывать гнева со стороны своего начальника Сергея Викторовича Минаева, которого Женька в сердцах и с абсолютно чистым, как Ниагарский водопад, раздражением и глубокой неприязнью, будучи очень даже, на редкость, взаимной, называла «кретином», Женя старалась почти не показываться ему на глаза, сидеть ниже травы и тише воды и работать с особым упорством и тщательностью, чтобы у кретина не было ни малейшего шанса к ней подкопаться.

Целая прекрасная пятидневная рабочая неделя протекла без сучка без задоринки: Женя знакомилась с новым коллективом, который, за исключением Вики Гордеевой, Лены Старцевой и, конечно, сотрудников их отделов, которые, не желая портить отношение с начальниками, поддерживали их стремление развеять прах новой секретарши по ветру на крыше завода, отнесся и принял рыжеволосую девушку очень даже дружелюбно; Женя все больше углублялась в нюансы своей работы и становилась все уверенней с каждым днем, тем более, что ее альтруистические наклонности помогать всем и каждому, кто имел счастье обратиться к ней за помощью, не оставались забытыми милыми работниками «Черного полюса» и все больше прокладывали дорогу к взаимному дружелюбному отношению.

Хотя, если говорить положа руку на сердце, то без маленьких гадостей, которые при любом удобном моменте пытались сделать Женьке все те же Вика с Леной, поражая своим мелким масштабом и изобретательностью, свойственной обычно детям из пионерского лагеря, да и то – лишь с наступлением темноты (то кофемашину из розетки выдернут, то важные сообщения от Минаева якобы «забудут» передать, то документацию специально составят с ошибками и т.д.), и которые заставляли серые, всегда суровые глаза Сергея в очередной раз в раздражении закатиться к потолку, и, судя по его виду и кислой мине, будто он съел целую тонну мха-лишайника, не проходящие без последствий для его отношения к Жене, все же, без этих гадостей работа Жени была бы больше похожа на почти что нормальную.

Но, к счастью, разум в ее голове вовремя включал лампочку, закрывая гнев в дальней комнате ее чувств и выдвигая на передний план полное, безответное безразличие к тому мелкокопакстному идиотизму, что неизменно периодически творился вокруг нее, и в этом ей очень сильно помогали новые друзья: Света, которая была до того удивлена, что Женьку не выбросили за порог еще в первый день, что целых два часа подряд тарасила на нее свои болотные глаза и периодически тыкала ей в плечо пальцем, видимо, проверяя, не развилась ли у нее

рыжая и длинноногая галлюцинация на почве усталости от работы, учебы и прочих забот; и Семен, странный, прямой, очень чувствительный и до безобразия внимательный к предметам гардероба и вообще к своей или чужой внешности, но теплый, как южное солнце, уютный в общении, словно плывешь с ним по реке в одном направлении или сидишь на диване, укрывшись общим пледом, и чертовски интересный, увлекающийся разными видами искусства, начиная с литературы и написания стихотворений прямо «на ходу» и заканчивая рисованием и лепкой из пластилина, что в совокупности бесконечно притягивало Женю к нему, хоть она до сих пор и не определилась, влюблена она в него или ее чувства из другого разряда?

Как бы то ни было, жизнь текла своим ручьем, и Зябликова, пользуясь принципом «опускай голову ниже, когда проходит «кретин»», и «ничего не отвечай, когда у «кретина» есть к тебе претензии и замечания», жила спокойно и наивно полагала, что так оно и будет дальше, раз она так умно все придумала, но судьба всегда держит руку в кармане: никогда не знаешь, что она там прячет – раскрытую ладонь или кулак.

Октябрь-месяц неизменно принес в город настоящий осенний холод, первые заморозки, рисующие узоры на поверхности грязных луж, серость и тоску в душе, пар изо рта и многочасовые очереди в «Шиномонтажи», где в ожидании готовности своей машины можно было успеть прочитать сборник стихов поэтессы «серебряного века» Зинаиды Гиппиус от корки до корки раза эдак на три.

Женя работала с утра и, по своему обыкновению, встав заранее, в шесть часов, но просидев с кружкой кофе за передачей «С добрым утром, город!», где шла ужасно увлекательная рубрика «Самоделкин», в которой сегодня демонстрировали, как из старых, дырявых носков сделать превосходную римскую штору на окно, она припарковалась у входа ровно за три минуты до восьми часов, а провела магнитным пропуском по замку входной двери на фирму ровно за минуту до установленного начала рабочего дня, так что теперь она, с раскрасневшимися от холода на улице щеками, на ходу расстегивая свою пуховую куртку персикового цвета и громко стуча каблучками сапожек, вихрем влетела в секретарскую и плюхнулась на свой стул, быстро, коленом, ткнув круглую кнопку включения компьютера на процессоре под столом, который кто-то чертовски догадливый закрепил как раз на этом удобном уровне, и даже не сразу заметив огромный букет нежно-розовых хризантем, украшенных белыми бусинками и серебристыми блестящими бабочками на зажимах, возвышавшийся в голубой, толстопузой вазе, заботливо вытащенной кем-то (наверное, тем же, кто и притараканил этот огромный букет в такую рань) из тумбочки в углу секретарской.

Женька так и замерла, уставившись на цветы огромными, ошеломленными глазами, забыв даже раздеться и обуть туфли, не говоря уже о том, чтобы взять трубку, потому что рабочий телефон по линии «город» уже вовсю тренькал около Жениной правой руки.

Медленно встав и восторженно разглядывая букет сияющими глазами, Женя с удовольствием наклонилась к нему и, вдохнув тонкий, цветочный аромат, очень слабый, но такой свежий, зеленый и нежный, девушка легко коснулась лепестков кончиками пальцев и поймала себя на том, что сейчас стоит и по-дурацки улыбается, совсем как маленькая девочка.

– Ух ты, ух ты, какие цветочки!.. – шепотом восхитилась Женька, разговаривая, как и все обычные, совершенно нормальные люди, сама с собой. – А вот интересно, они вообще кому?.. Светке, наверно?.. А может, мне?.. – наивно, с надеждой шепнула Женька и вдруг заметила небольшую, квадратную открытку, придавленную вазой.

С круглыми от переполнявших ее эмоций глазами, Женя аккуратно достала карточку и с невероятным удивлением и бешеным стуком в сердце прочитала на лицевой стороне: «Евгении З.»

– «Евгении З.»... Так... это мне!!! – воскликнула она, снова улыбаясь во весь рот, как дурак, и с безграничным счастливым удивлением вновь посмотрела на цветы. – Ничего себе!..

Так, стоп. Что это здесь... – она перевернула открытку и на обратной стороне увидела фразу, написанную почти печатными, но ровными и очень аккуратными буквами:

«Милая Женечка, ты нежна и прекрасна, как эти цветы. Каждый лепесток – тебе, от моего раненного сердца».

– Каждый лепесток... раненного... – вслух шепнула Женька и так и осела на стул, засмеявшись от радости. Никогда в жизни ей еще не писали столь романтических записок, да еще анонимно!! Как же это... круто!!!

Вне себя от радости и гадая, кто бы это мог подарить ей такой чудесный букет и такие чудесные слова, Женя еще на несколько раз перечитала карточку, краснея от девичьего восторга и маленького женского счастья, и с любовью уставилась на цветы, а потому, уплыв в мир романтики, рыцарей и принцесс, не сразу заметила, что в секретарскую почти «лунной» походкой вплыл Семен, сегодня выедающий глаза окружающих светло-зеленой рубашкой, красным, как сигнал светофора, с черными горошинами галстуком, темно-синими джинсами и черными (видимо, в цвет горошин) кедами с психоделической, почти такой же, как и он сам, размалеванной в кричащие оттенки, пустой кружкой в руке.

Красиво и мягко, словно лучик солнца, пробившийся сквозь тюль на окне, улыбнувшись и блеснув на Женю веселыми глазами через модные, квадратно-прямоугольной формы очки, он неожиданно вернул Женю из мира грез следующей фразой:

– Привет тем, кто всегда приходит почти вовремя! Как прошли выходные без любимого «ЧП»? О, это что, хризантемы? Прелесть... – оживленно мурлыкнул он, подлетев к букету и, как и Женька, с наслаждением его понюхав. Хитро посмотрев на все еще удивленно теребящую в руках открытку девушку, он с любопытством проговорил:

– Ну и кто это нам его подарил, а?? Колись давай, Жека, ты же знаешь, истина, рано или поздно, всегда вскрывается!

Женька резко подняла на него огорченные и разочарованные глаза:

– Так это не твой букет?!? Ну-у-у, Семка, тогда я даже не знаю... – грустно и задумчиво протянула она, положив перед Семеном на стол карточку с романтическими печатными буквами и вздохнув.

Семка поднял брови и тепло заулыбался, ободряюще проговорив:

– У-у, рыжик, ты что, расстроилась?? Не печалься, Жека, я ведь не знал, что ты цветов хочешь, обещаю, подарю тебе самый прекрасный букет, если... – он хитро подмигнул и подошел к кофемашине, сунув туда свою, кем-то нервно расписанную, наверное, человеком, который никак не мог остановиться на каком-то одном цветке, кружку и нажал кнопку двойного «капутино».

– Если?.. – захохотав, переспросила Женька. – Будет еще «если», наглая ты морда?!?

– Конечно! – невозмутимо заявил Сема с той же теплой улыбкой, с которой вошел, нисколько не смущаясь того, что обычно девушкам букеты дарят как бы «просто так». – Если ты пойдешь со мной на фестиваль скульптур из металлолома! – ликуя, заявил он, а Женя прыснула, захохотав еще больше. – С сегодняшнего дня в музее Архитектуры начинается. Приду с букетом. – заговорщически шепнул он, будто это должно было решить все.

Женька с трудом просмеялась и покачала головой:

– И что? Я среди разных кривулек из пустых консервных банок буду выхаживать с цветами, чтобы люди, не дай Бог, подумали, что у нас с тобой там свидание??? О-о-очень романтично: огромный букет, сгибающий меня пополам, ржавый мусор в цвет моих волос, который несколько творческих личностей пожалели выбрасывать, бесплатный вход и ты – весь такой в зелено-красно-желто-синем, таскающий меня за руку от одного экспоната к другому с бешеным взглядом... Да ну тебя нафиг, Семен, сводил бы уж тогда сразу в психушку, там мы бы как раз с толпой слились... Никаких букетов!!! – пригрозила она ему, а Семен расхохотался:

– Ну, если это твое условие, то я согласен! Ничего тебе не приношу, а ты идешь со мной? Сегодня. – важно добавил он тоном, не терпящим возражений.

Женька вздохнула и улыбнулась. Предложения ее нового друга всегда были очень экстравагантными и интригующими, да и, честно говоря, она и сама любила некоторые «странные» виды искусства, поэтому без всякого сомнения согласилась:

– Ладно, Карташов. Услуга за услугу. Глянь, пожалуйста, может, ты узнаешь почерк?

Семен с интересом взял из рук Жени открытку и, прочитав, сделал умильное лицо:

– Сюси-пуси, как мило! Я сейчас растаю, словно шоколадка. Не, это точно не Краснохатов. Он бы до такого не додумался. – философски изрек Семен, положив карточку обратно Жене на стол.

От фамилии заместителя директора, который теперь обивал пороги секретарской с куда большим интересом, чем до появления в ней нашей рыжеволосой особы, девушка сморщила нос: внимание зама ее очень раздражало, даже, можно сказать, он был ей попросту противен со своими маленькими, пошлыми глазками, никогда не поднимающимися выше линии грудной клетки, и огромным, румяным и круглым, словно подушка, лицом.

– А почему это сразу Краснохатов??? – угрюмо и возмущенно буркнула Женька, недовольно поглядев на Семена. – У нас на фирме мужчин больше нет, что ли?

Семен хохотнул и пожал плечами.

– Ну, по крайней мере, из всех остальных больше никто так открыто не выражал свою симпатию к тебе. А для Павла ты – цель номер один сейчас. Видела бы ты, как он душится, прежде чем к Минаеву пойти! Вот смех! Как будто дорогой одеколон может скрыть его не самые лучшие намерения на твой счет. Кстати, – хмыкнул он, хлебнув из кружки кофе и поморщившись, – кофе опять бурда.

Он подошел и похлопал по кофемашине с левой стороны, усмехнувшись:

– Еле теплая. Бьюсь об заклад, ее включили за минуту до твоего прихода.

Женька угрюмо поджала губы: опять проделки этих дурных Гордеевой и Старцевой! Она точно помнила, что оставляла кофемашину включенной в пятницу вечером, когда уходила, потому что сборщики из производственного цеха имеют обыкновение выходить по выходным на работу и девушка благосклонно оставляла им возможность пить кофе – хоть какое-то удовольствие в испорченный работой выходной!

Поскольку кофемашинка была большой, то и воды в бачке было много, а для того, чтобы ее нагреть до необходимой температуры, требовалось, как минимум, пятнадцать, а то и больше, минут. Обреченно вздохнув и нахмурившись, Женька посмотрела на фотографию Виктора Петровича Минаева над кофемашиной на стене и пробурчала:

– Отлично. Сын бога кофемашины мне этого точно не простит.

Семен засмеялся, и в этот момент послышались уверенные и стремительные шаги в коридоре. Женька встрепенулась: эти шаги она уже очень хорошо знала. Быстрее пули девушка скинула куртку с плеч, небрежно уронив ее на пол рядом со своим стулом и за долю секунды расстегнула и скинула сапоги, сунув ноги в туфли и одновременно сгорбившись около монитора с самым кротким и рабочим видом, на который она только была способна, лишь бы у Минаева не возникло нехорошего подозрения, что девушка пришла лишь пять минут назад и ничего важного еще даже и не думала делать, не говоря уже о шести пропущенных звонках на телефоне, раздраженно напоминающих ей о своей обязанности маленькой противной циферкой в углу дисплея аппарата.

Семен успел только фыркнуть, наблюдая за подругой, как в секретарскую вихрем, очень важным и неимоверно суровым, как и всегда, влетел Сергей, в прекрасном черном костюме, белой рубашке, там даже на шее галстук какой-то был, но Женька, сосредоточенно пялясь в открытую базу данных сотрудников, а еще – на какую-то темно-красную точку почти в центре экрана, деловито раздумывая, была ли это кровь или все же скорее капелька гранатового сока,

поскольку не далее, чем в пятницу, Светка умудрилась устроить за стойкой трудовой день, сопряженный с весьма полезным (гораздо полезнее, чем полуторачасовая переписка с другими сотрудниками в чате) поеданием граната, боковым зрением никак не могла его разглядеть, но зато четко узрела черное, строгое мужское пальто от «Армани», небрежно накинутое поверх всего остального, тоже недешевого гардероба.

Серые глаза сурово и с неизменной искоркой раздражения на секунду остановились на Жене, затем, уже более спокойно и совсем даже без желания закинуть его в параллельное измерение – на Семена, после чего Сергей властно произнес:

– Доброе утро, коллеги.

– Доброе утро, Сергей Викторович. – как солдатня на утреннем построении посреди плаца, хором ответили Женя и Семен, а в голове Женя добавила от себя еще парочку обращений через запятую, уже менее приятных, чувствуя, как и внутри нее поднимается нелюбовь к своему начальнику.

Сергей уже было пролетел к своему кабинету, но вдруг заметил рядом с Женей огромный букет хризантем и остановился. Женька замерла, почувствовав его пристальный взгляд на себе и, совсем мобилизовавшись, внутренне собрала себя в пучок, ощутив, как он изменил направление движения и теперь идет к ней.

Сергей подошел к стойке и, расслабленно, по-хозяйски облокотившись об нее прямо напротив Жени, пристально и недовольно посмотрел на нее, чуть наклонив голову и сверкая вопросительным нетерпением в глазах.

Женька подняла на него взгляд и, предчувствуя недоброе, но не желая демонстрировать неуверенность, слабость, какую-то свою вину или страх перед этим высокомерным кретином, который с насмешкой и недоверчивым раздражением смотрел на нее так, будто ни один мужчина в здравом уме никогда в жизни не догадался бы до такой глупости, как подарить ей букет, внимательно и открыто уставилась в его серые глаза.

Сергей посмотрел на Женю, затем – на букет, затем снова – на Женю, и требовательно и холодно спросил:

– Это что?

Женя тоже, повинуясь инстинкту повторения, посмотрела на цветы, затем – на Сергея, и неуверенно, будто сама впервые видела в такой непосредственной близости от себя столь неожиданную штуку, неуверенно предположила:

– Бу-букет?..

Сергей не удержался и, раздраженно закатив глаза, посмотрел снова на цветы, а следом – на Семена. Тот молча, подняв брови, уловил его взгляд и, гордо задрав нос и слегка заговорщи-чески улыбнувшись, вдруг взял Женю за руку в свои ладони, и как бы подтверждающе кивнул.

Сергей тоже в небольшом удивлении поднял брови, недовольно и насмешливо посмотрев на них обоих, а Женька, мгновенно всплыв внутри себя на этого придурка Семена, мысленно посылала ему информацию обо всех видах наказания, которыми она его подвергнет за то, что выставил их влюбленной парочкой.

Минаев насмешливо дрогнул уголками губ и, снова наклонившись к Жене и пристально заглянув ей в глаза, проговорил:

– И каким образом букет относится к тем предметам, которые так необходимы секретарю на рабочем столе для выполнения должностных обязанностей?? – язвительно и немного гневно спросил Сергей и, не дожидаясь ответа, жестко распорядился:

– Убрать! И чтобы я его больше не видел.

Женька послушно кивнула, немного обиженно и расстроено посмотрев на него, а мысленно послала его куда-подальше, злясь на его кретинизм и собственное бессилие. Ну как он может так ее ненавидеть, что даже заставляет выбрасывать чей-то подарок??? Чем ему букет-то не угодил, волчаре этакому?!?

Сергей секунду следил за ее лицом, будто пытаясь прочесть, насколько больно по ней ударил этот приказ, но Женя даже почти не моргала, все также ясно и немного с вызовом глядя на своего босса, поэтому он лишь убрал руки со стойки и хотел было уйти, но не успела Женя и вздохнуть от облегчения, как он снова резко обернулся и, перегнувшись через стойку, заглянул за Женин стол, резко нахмурившись:

– А это что такое, Женя?!? Тебя что, мама опрятности не учила??

Женька вздрогнула и ошарашено проследила за его взглядом, с ужасом понимая, что, по всей видимости, недостаточно записнула куртку и сапоги под стол... Позади нее на полу около стула бесформенной кучей валялась, как попало, куртка, а два, не самых чистых, я вам скажу, после осенней дороги-то, сапога, лежали не где-нибудь, а прямо на ней сверху.

Семен кашлянул, едва сдерживая смех, а вот Жене пришлось больно закусить губу, чтобы не расхохотаться. Слезающимися от смеха глазами, она снова посмотрела на Сергея, недовольно и нетерпеливо глядящего на нее с откровенным недоумением на лице (ну да, конечно, с виду-то Женя – вроде ухоженная, аккуратная девушка, а вот сапоги зачем-то на куртку ставит... Мда...) и раздражавшегося все больше.

– Простите, Сергей Викторович, у нас в землянке, где мы прятались от бомбежек, как-то не было принято вешать куртки на гвоздик у двери. – тяжело, чуть не взрываясь от смеха, но очень серьезно проговорила Женя и быстро добавила:

– Я сейчас все уберу. – и суетливо, чтобы Сергей не видел, как сотрясаются от идиотского хохота ее плечи, она наклонилась и схватила в охапку свою куртку.

Впрочем, Сергей не видел ее смеха, потому что, судя по его прищурившимся глазам, выплывающая из глубин его души ярость затмевала в нем здравый смысл и чувство юмора, равно, как и все остальные, обычные эмоции.

Гневно хлопнув по стойке кулаком, он прошипел:

– Женя!!! Шкаф – вон там, – он указал рукой на гардероб, установленный в углу секретарской, – внутри есть такие железные штучки, называются «плечики», на них вешается куртка, а на дно можно поставить сапоги. Теперь ты в курсе. И больше никакого балагана, слышишь??? Не забывай, что для наших гостей ты – лицо компании, по тебе судят обо всех остальных сотрудниках фирмы, так что ОНИ, ПО-ТВОЕМУ, О НАС ПОДУМАЮТ, КОГДА УВИДЯТ ТВОИ ВЕЩИ НА ПОЛУ??? Может, еще фрукты обглоданные по всем углам раскидаем, чтобы совсем зоопарку уподобиться??? – громовым голосом, не сдерживая свой «радостный» порыв, прокричал он, а Жене ужасно хотелось ответить, что, в принципе, в идее с зоопарком что-то есть, есть даже один орангутанг, который станет прекрасным экспонатом этого зверинца, но, конечно, удержалась, испугавшись недоброго блеска в глазах «орангутанга» и его разъяренного лица, а потому просто примирительно улыбнулась, лелея в себе желание ударить Минаева чем-нибудь тяжеленьким, совершив тем самым акт мщения.

Сергей выдохнул, пытаясь успокоиться, и двинулся в свой кабинет, на ходу, уже более уравновешенно, бросив через плечо:

– Кофе принеси.

Женька вытаращила глаза за его спиной и, когда он скрылся в своем кабинете, не закрывая за собой дверь, вскинула руки к небу и потрясла ими в воздухе, от злости и отчаяния мысленно вопрошая Господа, закончатся ли на сегодня ее мучения, или к концу дня Сергей все же сунет ее в черный, пластиковый пакет и вывезет на городскую свалку, а Семен, хохоча одними плечами и с жалостью наблюдая, как Женя стукнулась лбом об стол, растворяясь в собственном провале и бессилии, громко проговорил:

– Сергей Викторович, кофемашина пока не работает, там... э-э-э... фильтр почистить надо. Женя уже вызвала специалиста.

Тишина из кабинета, а затем гневный, бешеный крик:

– Да вы издеваетесь?!?

Женька поморщилась и, вспомнив, что у нее с собой был растворимый кофе в мешочке «на всякий случай», отчаянно посмотрела на Семена и громко проговорила, чтобы Минаев мог ее слышать:

– У меня с собой есть растворимый, сделать вам, Сергей Викторович?

Из кабинета раздалось угрюмое и обреченное:

– Валяй. Еще больше испортить мне утро ты уже не сможешь.

Женя скорчила рожу, показав в сторону кабинета язык, передразнив самого веселого и жизнерадостного начальника на всем белом свете и даже немного успев подумать о том, что в тридцать с небольшим так много бурчать все-таки вредно для здоровья, но, со вздохом посмотрев на цветущего Семена, полезла в сумку за кофе.

А из кабинета, тем временем, снова раздалось жизнерадостное:

– Семен, я так вижу, ты новый тензопреобразователь уже разработал? Из «Гидроволны», между прочим, уже звонили, спрашивали, на каком этапе у нас их заказ по датчикам давления. Может, отчитаешься??

Семен искрометно улыбнулся и, двинувшись к выходу, на ходу воскликнул:

– Уже ухожу, Сергей Викторович, уже ухожу! Женька, до вечера! – подмигнул он хмурой девушке и, почти скрывшись за дверями, тихо шепнул:

– А весело ты попыталась предметом мебели в начале прикинуться! Цветы дурацкие все испортили только! – и, послав Женьке воздушный поцелуй, Семен исчез, оставив ее наедине с боссом-тираном.

Не успела девушка даже чайник разогреть, а из кабинета поступила новая «наводка»:

– Женя! Зайди срочно!!!

Раздраженно вздохнув и гневно прошептал: «Да как же у тебя звук-то выключается, труба иерихонская?!?», Женя быстро налила кофе и, несколько раз вдохнув и выдохнув, чтобы успокоить нервы и бешеное раздражение, вошла в кабинет Минаева с чашкой в руках.

*** «Минус»

Нет, ну сколько же еще эта рыжая дурында будет его доставать своими фокусами? Все вокруг нее наперекосяк идет: и кофемашина ломается, и вещи на полу разбросаны, и документы она вечно с «косяками» приносит...

Хотя Сергей и догадывался, что частично во всех странностях, которые окружают эту ненормальную девчонку, виноваты Вика с Леной, рьяно взявшиеся доказать, что она здесь – всего лишь случайная, кратковременная ошибка, но Сережа не мог их за это винить. Женя действительно продолжала раздражать его не только своими якобы «очень остроумными» ответами на его вопросы, но и упрямством и рвением, с которым она делала свою работу, так что ни одного подходящего шанса избавиться от нее у него не было.

Проглядывая утреннюю почту и пытаясь успокоиться после утреннего общения со своей секретаршей, Сергей хмуро и безрадостно раздумывал, когда же, в конце концов, его дела наладятся и станет лучше, как вдруг он заметил одно письмо.

Прочитав его, Сергей обрадованно улыбнулся: то, что нужно! Если все случится так, как он думает, то это может решить сразу все его проблемы!

– Женя! Зайди срочно!!! – громко скомандовал он и, развязно откинувшись на спинку стула, стал в нетерпении ждать.

Евгения явилась через полминуты с чашкой кофе в руках. Сережа неприязненно оглядел ее рыжие кудряшки, пружинящие в такт походке, странные фиалковые глаза, противные веснушки, рассыпавшиеся по переносице и щекам, и строгое, темно-синее платье до колен, облегающее фигуру. Все в ней заставляло его ощущать поднимающуюся из глубин грудной клетки ярость, ужасное раздражение от ее ясного, нацеленного на эффективную (!!!) работу взгляда, от того, что она не забыла захватить записную книжку, которую несла под мышкой, от того,

что она специально работала так чертовски хорошо, что при других обстоятельствах он бы уже наверняка повысил ей зарплату или задумался бы о ее передвижении на другую должность, но... Его чувства к ней с того самого момента на парковке, когда она грозно наехала на него и оттолкнула от своего дружка-размазни, было уже не изменить...

Зато он мог изменить ситуацию.

– Садись. – строго и покровительственно махнув на соседний стул рукой, проговорил Сергей.

Женя послушно села, поставив перед ним чашку с совершенно отвратным и наверняка дешевым растворимым кофе и, деловито раскрыв блокнот, приготовилась фиксировать информацию, глянув на Сергея с ожиданием и уже знакомым ему отторжением. Сережа снова видел вызов в ее глазах, борьбу, как будто она состязалась с ним за какую-то, одной лишь ей известную правду, и он вдруг испытал досаду и тонкое, едва заметное чувство в груди, похожее на жалость.

– Слушай меня внимательно. – хмуро сказал Сергей, развернув к Жене экран ноутбука. – Через четыре дня на площадке «Колизей» состоится выставка «Технобудущее». Слышала о ней?

Женя внимательно смотрела на письмо, которое было ничем иным, как приглашением на эту самую выставку, а потом перевела взгляд на Сергея, и он заметил, каким оживлением сверкнули ее глаза.

– Да, конечно! Я два раза была там, в прошлом и позапрошлом году! – радостно и легко проговорила она и, чуть умерив свой пыл, добавила:

– Это выставка современной технической и электронной промышленности, куда съезжаются фирмы со всех соседних регионов и областей, чтобы продемонстрировать свои новейшие разработки: роботов, машины разные, электронику, приборы всякие... В прошлый раз даже мини-адронный коллайдер был! – возбужденно рассказывала увлеченная Женя, но, наткнувшись на строгое лицо Сережи, который, честно говоря, был немного шокирован ее осведомленностью в таких вещах, где, казалось бы, девушкам вообще не свойственно проявлять интерес, резко притихла, чуть покраснев.

– Верно. – кивнул Сергей, немного пережевывая информацию о знаниях и увлечениях своего нелюбимого секретаря, которые, как оказалось, в этом совпадали с его увлечениями, потому что, будучи руководителем производственной организации, Минаев был ярым фанатом инноваций в сфере машиностроения, электроники, техники и технологий и сам, хоть и участвовал каждый год в «Технобудущем», но большую часть времени проводил не у своего стенда, а у стендов других фирм, общаясь с руководителями, разработчиками и конструкторами и разглядывая их презентационные образцы с особым интересом. – Мы, как всегда, принимаем участие в выставке. Твоя задача, Женя – связаться с организаторами и утвердить нам самое удобное место, сделать заказ на телеэкран, где будут демонстрировать нашу презентацию, забрать бейджики на всех участников. От «Черного полюса» на выставке буду я, Павел Юрьевич, ты и Лена Старцева, и еще... м-м-м... – он задумался, раскидывая в голове, кого бы из разработчиков взять с собой – Василия Адамовича или Семена?.. Но, вспомнив, что Василий Адамович слишком любит бурчать долго и не по делу, а Семен своим пирсингом и клоунской одеждой может распугать всех потенциальных клиентов, Сережа подумал-подумал... Да и решил из двух зол выбрать меньшее. – И Семен Карташов.

Женя тщательно записывала, но Сергей увидел, что при звуке имени Семена на ее губах мелькнула слабая улыбка... Он нахмурился: ах, да – это же он ей тот огромный веник подогнал... Наверное, у них любовь или что-то в этом роде... Неожиданно взбесившись на то, что нехотя сделал этой девчонке приятное, выбрав ее ухажера, Сергей резко наклонился к ней и жестко, беспрекословно гаркнул:

– Только без всяких там глупостей, слышишь? Мы едем туда работать, а не в романтику играть, ты все поняла???

Женя подняла на него ошарашенные глаза и медленно и изумленно проговорила:

– В романтику играть??? Мы с *вами*???... Да вы что, Сергей Викторович, упаси Господи... в смысле...

Сергей секунду тоже ошарашено смотрел на нее, а затем откинулся на спинку стула и захохотал:

– Да не мы с тобой, совсем ты, что ли, сдурела?!? А ты и Сема!

– Сема?... – удивленно снова протянула она, и Сергей хотел было уже разъяриться по поводу ее умственных способностей, как она вдруг улыбнулась и понимающе воскликнула:

– А-а-а!! Нет, ничего не будет. – совершенно бесстрастно и уверенно заявила она. Сергей нахмурился, не понимая такой странной реакции на запрет миловаться с понравившимся парнем, особенно после того, что он сегодня видел в секретарской, впрочем, ему было так глубоко-преглубоко плевать, что он не стал заморачиваться на этот счет.

– Ладно. Дальше. За день до выставки приедешь в «Колизей» и все проконтролируешь: как работает презентация, как подключены опытные образцы, разложишь буклеты для возможных клиентов или спонсоров, узнаешь расписание работы и списки почетных гостей выставки... В общем, нужно будет организовать все по высшему разряду, чтобы мы могли привлечь покупателей и инвесторов.

Женя, снова за секунду переключившись, уже серьезно строчила в своем блокноте, а Сергей, немного подумав, чуть ухмыльнулся:

– В прошлом году всем занималась Света. В этом году ты. Не подведи меня, Женя. – чуть прищурившись, проговорил он, ядовито улыбнувшись. – Если накосячишь...

– Вы меня уволите. Знаю. – холодно и с вызовом закончила Женя и вздохнула, сосредоточенно глядя в глаза Сереже. – Это все? Я могу идти? Там, кажется, телефон звонит...

Сергей раздраженно посмотрел на нее, чувствуя, как ярость снова потихоньку выползает из его сердца в ответ на слишком деловое и бесстрастное поведение, будто она ставит его на место, как какого-то мальчишку, но, тоже нехотя прислушавшись, он действительно услышал тихую трель рабочего телефона из секретарской и кивнул:

– Все. Иди. И кофе заberi. Паршивый.

Женя встала, а ее губы дрогнули в ядерном гневе. Сергей удовлетворенно улыбнулся, увидев, что задел ее, что смог поставить на место, чтобы она всегда понимала, кто он и кто она, чтобы осознавала, что он влиятелен и в его руках ее судьба, а ее боевой нрав он усмирит... Хоть для этого ему и придется вести себя, как последняя свинья, а его не так воспитывали в детстве...

Хотя, если подумать, с кем из женщин он когда-либо был благородным и прекрасным, словно средневековый рыцарь??? Вспоминая обо всех женщинах, каким-то образом мелькавших неясными тенями в его жизни, о своих любовницах, которые все равно, как бумеранги, слетаются к нему, даже догадываясь о существовании друг друга, о той непростой ситуации, сложившейся у него дома, Сережа понимал, что эти странные, пустые и глупые, как пробка, дамочки, не имеющие ни капли собственного достоинства, норовящие лишь засунуть свои густо-наманикюрные ноготки в его карман, вызывают лишь в нем пару мгновений кратковременного интереса, а затем одинокое и едкое, тягучее раздражение, которое практически всегда переходит в грубость и властность, желание подчинить своей воле и заставить их быть такими, какими он хочет... А вот дурацкая нежность или стремление быть ласковым с кем-то и, не дай Бог, поддаться на провокации красивого личика и больших, умоляющих глазок и вдруг начать прислушиваться к их желаниям и интересам, – это для Сережи было чем-то нереальным и абсолютно невозможным. Чтобы он стал слабым и мягкотелым ради какой-то юбки?... Бред, бред, сивой кобылы бред.

Женя на одну секунду задержала на его насмешливых, презрительных глазах свои странные, сиреневые, и Сергей с удовольствием отметил в них чувство оскорбленного достоинства, обиды и жуткой, лютой, просто неудержимой злости, но она лишь тяжело проговорила:

– Хорошо. Как скажете, Сергей Викторович. – и, схватив чашку, стремительно вышла из кабинета, стуча каблучками туфель.

Сергей чуть поморщился: а она хорошо умеет держать себя в руках... Светка бы уже рыдалась от подобного прессинга... Но теперь это не важно. Важно лишь одно: если Женя не справится, он с огромным наслаждением уволит ее, а вот если фирма хорошо проявит себя на выставке – у них появятся новые клиенты, новые спонсоры, а может, если придет сам Губернатор, удастся заручиться поддержкой правительства...

Переключившись на рабочий лад и совершенно забыв о рыжей девчонке за дверями этого кабинета, Сергей с предвкушением тяжелой и кропотливой работы поднял трубку и набрал номер Отдела разработок своей компании.

Глава 5. «Плюс»

Вторая неделя в «Черном полюсе» все чаще и чаще заставляла Женю Зябликову задуматься, а не закупорился ли у нее в голове какой-нибудь жизненно-важный сосуд, что она до сих пор не послала к чертям весь этот треклятый «ЧП» ее жизни и не умчалась, куда подальше, от этих ядовитых змей Вики Гордеевой и Лены Старцевой, от озабоченного лишь идеей ее порабощения Павла Краснохатова, от тайного поклонника, который с цветов перешел на конфеты и шоколад, всегда одобренные миленькой открыткой с самым нежнейшим любовным посланием, и, наконец, от самого отвратительного, грубого, самодовольного кретина Сергея Минаева, из-за которого, собственно, и пляшет до сих пор весь этот балаган вокруг нее.

Все четыре дня до выставки «Технобудущее» Женя трудилась не покладая рук, выезжая на место, договариваясь с организаторами, контролируя подготовку стенда и оборудования, но без палок, с таким упоением вставленных в ее колеса, все же обойтись не удалось.

По совету Светланы, которая была уже величайшим знатоком в деле подготовок фирмы ко всяческим выставкам, Женя выбрала самое стратегически удачное место: не возле входа, но и не у выхода, а примерно посередине зала, чтобы посетителей не обуюла гениальная мысль пройти мимо, не останавливаясь, поскольку впереди, там, впереди, где широкие проходы и множество разноцветных плакатов с названиями организаций так и манят к себе, призывая посмотреть, что еще предлагается, но и с другой стороны, чтобы уставший и значительно оттоптавший ноги народ, который теперь уже «ничем не удивишь», даже не кинул такого жизненно-важного для «ЧП» взгляда на их стенд, поскольку усталость и голод запускают громкое урчание желудка и красно-белую цветомузыку перед глазами. Центральная часть «Колизея» как раз предоставляла уникальную возможность посмотреть кое-что из продукции конкурентов, а значит, по достоинству оценить преимущества работ «Черного полюса»... И возможно, именно это станет дополнительным штрихом к заключению каких-либо контрактов на совместное сотрудничество, о чем так и мечтал в своих снах грозный король Минаев.

Однако, после длинных и невероятно утомительных переговоров с администрацией выставки, где то и дело звучно мелькали цифры откатов, неизменно устрашающие своей величиной, которую прагматичная и деловитая Женя все же упорно старалась сделать поменьше, апеллируя к небольшим размерам стенда, к огромной колонне в опасной близости, грозящей прикрыть часть обзора, да, в конечном счете, к масштабам самой организации, доход которой даже страшно было сравнивать с тем же Заводом редкоземельных металлов, соседствующих от них по правую сторону, однако, после всех этих нудных телефонных трещаний Жене, все же удалось одержать маленькую победу: заветное место 21Б было зарезервировано под «ЧП», – но... Буквально в этот же день девушка, в сотый раз набрав номер «Колизея», чтобы обсудить время показа их презентации на большом экране, вдруг узнала шокирующую подробность, что

кто-то (а она даже могла догадываться, кто) от лица компании позвонил в выставочный центр и отказался от золотого, любимого и с таким кропотливым трудом выбитого 21Б по причине «недостатка денежных средств компании на аренду столь дорогого места» в пользу, так сказать, боковушки у туалета – 38Г, что в самом темном углу за одной из колонн и всего в каких-то паре мест от выхода... И это было первым, чертовски неприятным моментом в череде подстав со стороны Лены Старцевой.

А дело было так.

Среда. Половина четвертого вечера. За два дня до выставки.

– Что-о-о??? Как 38Г??? Ты что, Лена, совсем с ума сбрендила?!? Да ты хоть знаешь, где это место?!? Убью!!! – донесся до сосредоточенно подготавливающей очередное распоряжение директора Женьки крик Сергея из кабинета. К его бешеному ору по поводу и без она уже привыкла, так что, как обычно, даже не обратила на него внимания, пока из-за двери не прозвучало яростное:

– ЖЕНЯ!!! А ну, быстро зашла сюда!!! Женья!!!

Вздвигнув и нутром почуяв недоброе, Женька бросилась к кабинету и влетела туда, но была буквально отброшена назад волной шквалистого гнева Минаева, вышагивающего нервной, стремительной походкой туда-сюда и горящего, как бикфордов шнур, пропитанный селитрой и неизменно имеющий на другом конце бомбу с очень нехилым радиусом поражения. Увидев Женю, он полыхнул еще большей злостью и рявкнул:

– Ты почему забронировала 38Г?!? Да нас там увидят, разве что, с телескопом!!! Я же тебе ясно сказал: выбрать лучшее место!!! Разрулить все с организаторами!!! Бабки любые забашлять, если надо!! А ты какого... – он притормозил и глубоко вздохнул, видимо, чтобы успеть исправить очень нехорошее слово на не очень хорошее, и разъяренно заорал снова:

– А ты какого черта слилась так быстро?!? Сказала бы мне, что не получается договориться, я бы лично с ними связался!!! Почему промолчала, ЖЕНЯ, ОТВЕЧАЙ, мать твою!!!

Женя была в таком глубоком ужасе и шоке, что чуть не расплакалась и даже не сразу заметила, что в кабинете с абсолютно счастливым и умиротворенным видом сидела Лена, победно улыбаясь и с обожанием глядя на Сергея, но Женьке было не до этого, Женя не могла переварить информацию о каком-то 38Г (38Г?? 38Г???), когда она целых сорок минут мусолила по телефону цифры, цифры и цифры в процентном эквиваленте к стоимости места, подкрепленные множеством веских причин, почему им так нужно именно 21Б и почему это золотобриллиантовое место все-таки тянет лишь на десять карат, а не на двадцать, и она прекрасно помнила, как, в конце концов, девушка Лида, чей усталый, но упрямый до уподобления серошкурному животному голос чуть ли не отпечатался на ее барабанной перепонке, вздохнула и сказала:

– Ладно, Евгения. Что называется, «уломали». И остановимся на цифре тридцать. Будет вам 21Б. – и Женя еще пять минут после этого танцевала ногами под столом!

А теперь? Теперь Сергей бьется в своей очередной самозабвенной истерике по поводу...

– Да я все разрулила! – отчаянно воскликнула Женя, шокировано и испуганно глядя на Минаева. – Почему 38Г?!? Я не договаривалась на 38Г!!! Я договаривалась на 21Б! Целых сорок одну минуту по телефону, еще вчера!!! Ничего не понимаю... – пробормотала в полнейшей растерянности Женя, заламывая руки.

Сергей бешено ухмыльнулся и снова взорвался вулканом:

– Не понимаешь?? Зябликова, я что, по-твоему, первый день живу??? Хотела по-тихому скрыть от меня, что не удалось стенд удачный зарезервировать, и не говорить, пока день выставки не наступит и я сам не увижу, а увидел бы я только на месте и не стал бы на тебя при народе орать??? На это рассчитывала, Евгения?!?

Женя в ужасе замотала головой и тоже закричала:

– Да я с Лидой договорилась на 21Б, тридцать процентов от места ей пообещала, ни на что я не рассчитывала! И чего мне вашего ора бояться, Сергей Викторович?? Убьете меня им, что ли?!? Я вам говорю правду! Почему вы мне не верите??

Сергей выдохнул и, подлетев к ноутбуку, развернул его и гневно процедил, ткнув пальцем в экран:

– Если ты обо всем договорилась, то почему мне подтверждение пришло, что за нашей организацией закреплено место 38Г, а, Зябликова? Сообщение от Лидии Кудряшовой.

Женя снова вытаращила глаза, качая головой и чувствуя, что ее сердце сейчас провалится от обиды и негодования.

– От Лиды??? Это... это какая-то... ошибка... – она подняла глаза на начальника, ненавидящего ее в эту минуту, наверное, больше, чем евреи – фашистов в Освенциме, и вдруг взяла себя в руки. – Я сейчас позвоню ей и все решу. – уверенно проговорила она, но в этот момент в игру вступила Лена.

Презрительно махнув рукой и надменно посмотрев на Женю, она покровительственно проговорила:

– Ой, ты уже решила один раз, все, хватит. Не надо куда звонить, девочка. Я уже все уладила. Пятнадцать минут назад я позвонила Лиде и договорилась с ней на место 21Б. Мы давно знакомы, и она оказала мне услугу. Всего за пятнадцать процентов, между прочим.

Сергей мигом остыл, с уважением посмотрев на Лену и спокойно проговорив:

– Это точно, Лена? Ты действительно пере-договорилась на 21Б???

Лена триумфально кивнула, а Женя, вдруг обо всем догадавшись и разозлившись до каждой последней клеточки своего организма, сложила руки на груди и с насмешкой проговорила:

– Уже позвонила? А как ты вообще узнала, на какое место я договаривалась? Я же никому не говорила!

Лена мельком глянула на Сергея, но вывести ее из равновесия могла бы, наверное, лишь спутанная, липкая паутина, вдруг внезапно облепившая ее идеальную прическу, да еще и с длинноногим, шерстистым пауком в придачу, а потом с холодной улыбкой пожала плечами:

– Я не знала. Лида мимоходом упомянула в разговоре. Вот я и переубедила ее отдать нам 21Б, я-то, в отличие от тебя, рыжая, осознаю важность этого места для успешного продвижения!

Женя расширенными глазами посмотрела на нее, чувствуя, что от гнева и невероятного, заполняющего каждую клеточку ее тела возмущения, даже не может говорить, а скорее, превратится в круглую, рогатую жабу, но в своем жалком, оправдательном лепете она и не видела особого смысла: Сергей ей все равно не поверит.

– Ну да. Как же иначе? – тихо, но с нажимом проговорила Женя, а Лена победно улыбнулась, с ледяным презрением глядя на нее.

Сергей раздраженно посмотрел на девушку и импульсивно махнул ей:

– Все, иди уже, Женя, и постарайся больше без проколов! Мои сотрудники не обязаны тебя страховать, понятно?

– Понятно. – еле слышно выдохнула Женя и бегом вылетела из кабинета, дрожа от обидной и такой болезненной подставы, но с твердой решимостью все равно довести свое дело до конца, что бы там ни придумала дура Лена со своим неистовым желанием выжить ее из фирмы.

С трудом подавив в себе естественную защитную реакцию организма брызнуть слезами, сложить свою помаду в сумочку, а туфли – в пакет из круглосуточного супермаркета и бежать, бежать, не оглядываясь, с каждым шагом стирая в себе воспоминания о волчьей стае «Черного полюса» и ее вожаке, Женя продолжила упорно работать, пытаясь не замечать, что Сергей начал преследовать ее на каждом шагу и постоянно проверять, что уже сделано ею, а что – еще нет, недоверчиво и раздраженно дыша в ее сторону и стреляя серым, недобрым взглядом, а

еще, как параноик, стала перепроверять за собой каждый свой шаг, каждую договоренность с организаторами, каждую деталь...

И, наконец, к пятнице все было готово.

Женя прибыла на площадку «Колизей» заранее, за полчаса до открытия, и, получив бейджики на всех, кто будет присутствовать от лица «Черного полюса», прошествовала на место 21Б.

Стол посередине, слева – доска для информации, с правой стороны – витрина для образцов – все это еще пустовало. Деловито оглядевшись, Женя принялась за работу, слушая, как вокруг нее постепенно нарастает оживленный шум, как рядом звенят и погромыхивают глухими, с примесью металлических и пластиковых, предметами – будущими экспонатами, как оживает огромный дирижабль с округлой крышей над ней, весь испещренный колоннами и арматурой, а воздух заполняет прохладный и тяжеловатый запах техники... Она занималась стендом, слушая шумы вокруг, а внутри ее головы сидела, словно навязчивая мысль, желающая пробуравить ее мозг огромным сквозным тоннелем, песня, случайно, фоном звучавшая по радио, пока Женя рулила по тускло-сине-серому утреннему городу в своей машине, болтаясь внутри салона, как семечка в центре подсолнуха:

«Когда они окружили дом,
И в каждой руке был ствол,
Он вышел в окно с красной розой в руке
И по воздуху плавно пошёл.
И хотя его руки были в крови,
Они светились, как два крыла,
И порох в стволах превратился в песок,
Увидев такие дела.

Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя.
Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя.

Они стояли и ждали, когда
Он упадет с небес,
Но красная роза в его руке
Была похожа на крест.
И что-то включилось само собой
В кармане полковничьих брюк
И чей-то голос так громко сказал,
Что слышали все вокруг.

Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя.
Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,

Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя.

А полковник думал мысль
И разглядывал пыль на ремне, -
"Если воры ходят по небесам,
Что мы делаем здесь, на земле?
Дети смотрят на нас свысока
И собаки плюют нам вслед.
Но если никто мне не задал вопрос,
Откуда я знаю ответ? что..."

Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя.
Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя».

Женя и сама не очень понимала, почему эта песня, одна из многочисленных, выбранных диджеем для утреннего эфира, почему именно она застряла в ее мозгу, сливаясь с монотонным фоном суеты вокруг, почему именно эти гитарные аккорды, почему сейчас... Возможно, благодаря своему наивному и доверчивому взгляду на мир, у Жени с музыкой всегда были особые отношения: ей казалось, что все песни предназначены для того, чтобы обратиться к человеческой душе, лично к ее душе, но каждая – со своим посылом. Когда сердце хандрит – оно требует обнадеживающей музыки, той, которая поможет увидеть обратную сторону медали, которая разделит тоску и заберет ее часть на себя; когда ты на перепутье – для тебя вдруг из ниоткуда, из твоего подсознания, а может, и из окружающего мира, подобно сегодняшней радиоволне, поступит сигнал, подсказка, знак, те самые слова, которые включают свет в конце тоннеля и покажут тебе истину, ту, которая важна именно тебе и именно сейчас... А есть песни – гимны, гимны каждому отдельному человеку, гимны природе, цивилизации, эпохе... Ну и отдельная категория музыки призвана создавать наше настроение, поддерживать его, посылать нам положительные флюиды и заряд бодрости на целый день... Но из всего многообразия этого красочного мира, Женя даже не могла себе представить, что кого-то может не задевать мелодия за самые тонкие струны души, с чьим-нибудь сердцем не петь в унисон, не служить путеводной звездой к осознанию своей жизни и своих чувств... Возможно, в этом и была ее наивность, ну а пока звук гитары играл в ее ушах, она успевала делать свою работу.

Через полчаса, когда приехали Сергей, Павел, Лена, Семен и еще Борис-конструктор, которого Сергей до последнего не хотел брать, но который так настойчиво просился на выставку, грозя встать на колени и ползать, «пока не сотрутся в дыры его штаны» (цитата), что Сергею все же пришлось уступить, пару раз покрутив у виска в лицо парню, Женя уже гармонично вписывалась в своем темно-сиреневом строгом платье с рукавом в три-четверти в бело-фиолетовые цвета фирмы, которые пестрели с буклетов, ровными веерами разложенных на столе, со стенда, где Женя аккуратно развесила презентационные листы с краткими характеристиками и преимуществами продукции, и даже с экрана телевизора позади нее, где ее старательной рукой уже была подключена флэшка с фильмом о компании, ее истории и деятельности.

– Ну, более-менее. – буркнул в своей излюбленной манере Минаев, сверкая на фоне Жениного платяца с распродажи своим темно-серым «Хьюго Боссом», белоснежной рубашкой, расстегнутой на верхние пуговицы, и какими-то именитыми (эх, не знала Женя таких названий!), потрясая модными туфлями, вышагивая между столом и стендом для продукции.

– Образцы принесли? – тут же повернулся он к Семену и Боре, даже не удостоив Женю взглядом, будто здесь все появилось по мановению волшебной палочки и уж точно без какого бы то ни было вмешательства с ее стороны.

Семен кивнул и показал на коробки, стоящие около Бориса, отчалившего, судя по оживленному, блаженному виду, в долгожданный мир созерцания технического и технологического хаоса вокруг, совершенно при этом не оправдывая ожиданий Минаева, чтобы все его сотрудники работали не покладая рук с самой первой секунды появления на этой площадке.

– Ну так не стоим, раскладываем, раскладываем! Борис!!! – раздраженно окликнул Сергей счастливого конструктора, попавшего, судя по всему, в конструкторский рай. Борис опомнился и вместе с Семеном бросился распаковывать коробки, примостив их на стол. Женя вызвалась помочь, завидев, как хищно поглядывает на нее Краснохатов, скользя по ее платью и ногам своими маленькими, пожирающими глазками-крокодилами.

– Все выучила, Жека? – спросил Семен, оказавшись около стола плечом к плечу с Женей и распаковывая из коробки какие-то замысловатые датчики давления, напоминающие своей формой клизму.

Женька улыбнулась, услышав его спокойный, теплый голос и, оглядев взглядом его ярко-синюю рубашку, черный, с красными полосками, галстук, черные джинсы и кеды, в комплект к которым эпатажный вид дополняли модные очки в темно-синей оправе, темно-каштановые кудряшки и пирсинг в нижней губе, и, прижавшись к его родному плечу, тихо ответила:

– Учила всю ночь, наверное, выучила... Я не помню, засыпала над твоим текстом раз двадцать! Ты что, не мог написать характеристики источников питания в стиле «экшен»??

Семен тихо рассмеялся.

– Я бы мог, конечно, но, думаю, машущая катаной над датчиками давления девушка, скорее, оттолкнет потенциальных заказчиков...

Женя действительно полночи учила печатный текст на целых пять страниц, повествующий об истории и деятельности фирмы, а также об основных преимуществах и особенностях продукции, производимой «Черным полюсом». Поскольку на весь день у стенда предполагалось остаться лишь Жене, Семену и Лене, то основным «зазывателем» гостей должна была стать именно Зябликова, а для этого нужно было знать о фирме все. Получив в свое распоряжение такого хорошего друга, как Семен, Женя как-то случайно за обедом обмолвилась с ним об этой проблеме, и он безо всяких раздумий вызвался помочь.

– Или порубит на куски. – хихикнула Женя, но тут услышала с другой стороны от себя:

– А не слишком ли короткое платье ты надела, рыжая? Спутала выставку с показом тощих ног??

Вспыхнув от гнева, Женя повернула голову: справа от нее стояла Лена в белоснежной блузе, оттенявшей ее светлые волосы, строгой юбке с разрезом на бедре и белых, в тон блузе, босоножках, отработанным движением подкрашивая губы ярко алой помадой, глядя в маленькое зеркальце.

Женя, поборов дикое раздражение и почувствовав теплую ладонь Семена, успокаивающе возложенную на ее плечо, сдержанно ответила:

– Тебе-то какая разница? Твои ноги тоже не пакетами для мусора обтянуты.

Лена хлопнула зеркальцем и с гневной улыбкой посмотрела на Женю:

– Не хами, секретарша. А то к концу дня останешься жалкой, безработной, несчастной глупышкой.

И все с той же коварной ухмылкой она легким движением смахнула целый ворох когда-то так красиво разложенных буклетов на пол и, гордо задрав нос, прошла прямо по ним, устремившись к Сергею, который о чем-то говорил с Краснохатовым и одновременно, подняв воротник рубашки, пытался завязать галстук.

– Сережа, давай я тебе завяжу. – услышала Женя ее нежный голосок, когда та подскочила к Минаеву, но смотреть на это не стала. Угрюмо переглянувшись с Семеном и вздохнув, она присела на корточки, собирая буклетики, разлетевшиеся на весь проход и даже уплывшие на волнах сквозняка к другим стендам, где тоже всюду сустились представители разных компаний, готовясь к демонстрации своих новшеств.

– Женечка, милая, позволь тебе помочь! – громыхнул низкий бас Павла Юрьевича прямо над девушкой, и Женя досадливо закатила глаза, однако, успев вернуть их на прежнее место до того момента, когда толстые, массивные колени в дорогих черных брюках согнулись прямо рядом с ней, огромные ручки стали поспешно собирать буклеты, а круглая, белобрысая голова с широченной улыбкой оказалась прямо напротив лица Жени, оглядывая ее волосы, губы и шею заинтересованным взглядом.

– Да что вы, Павел Юрьевич! Не царское это дело, я сама. – попыталась избавиться от него Женя, но улыбка Павла стала еще шире, чуть не треснув от взметнувшегося самолюбия, а влажные, полные губы проговорили:

– Брось, Женечка, вдвоем мы быстрее справимся. Кстати, тебе уже кто-нибудь говорил, что ты сегодня особенно прекрасно выглядишь?

Женя улыбнулась, внутренне злясь на то, что этот приставучий тип так крепко за нее взялся, но внешне лишь мило проговорила:

– Да... кажется, говорил. Это был мой внутренний голос, правда, он не умеет озвучивать свои мысли без лвиной доли сарказма.

Павел захохотал на все помещение с многокилометровыми площадями, привлекая всеобщее внимание к своей круглой, румяной персоне и уже более пристально и откровенно пройдясь голубыми глазками по Жениным ногам, после чего проговорил, наклонившись к ней:

– Милая, у тебя потрясающее чувство юмора, может быть, мы...

Что «мы», может быть, сделаем, Женя, к счастью, не услышала, поскольку откуда-то со стороны раздался жесткий голос Сергея:

– Паша! Сходи к администраторам, уточни по времени расписание и список почетных гостей... Ты слышишь меня??

Павел с огромным сожалением посмотрел на Женю и встал, протянув ей руку, чтобы помочь подняться, а затем, недовольно бросил через плечо:

– Слышу, конечно, не глухой. Уже иду, Сергей Викторович! – он улыбнулся, но не дал Жене вытащить руку из его большой и цепкой ладони, а наоборот, чуть притянул ее к себе и, с огоньком заглянув в ее глаза, тихо проговорил:

– Может, составишь мне компанию, Женечка? Отказы не принимаю!

Женя раздраженно выдохнула, натянув вымученную улыбку и судорожно соображая, как же ей спастись от этого хищного самца, который явно сам не успокоится, пока не затащит Женю в свою спальню. С надеждой посмотрев на чертового кретина Сергея, который, как назло, что-то деловито обсуждал с Леной, подкрепляя свои великие указы важными жестами, посмотрев на Семена, быстро проверяющего рабочие образцы и подключая их к каким-то железякам, по виду напоминающим трубы, она поняла, что отвертеться никак не сможет.

– Хорошо, только вернемся к началу выставки. Я должна быть на месте, когда пойдут первые посетители. – немного робко, как бы своим тоном смягчая приказной характер слов, сказанных заместителю директора своей фирмы, проговорила Женя, красиво, но натянуто улыбнувшись.

– Это не проблема. Идем. – довольно, словно голубь, заметивший огромный кусок хлеба, улыбнулся Павел и против воли Жени сунул ее маленькую ручку себе под массивный локоть, потащив ее к стойке администрации и буквально пожирая глазами всю дорогу, будто Женя уже была голая и абсолютно и беспрекословно принадлежала ему.

Стараясь не обращать внимания на назойливый, откровенный взгляд, блуждающий в районе ее груди и иногда с явно выраженной похотью поднимающийся вверх по шее к губам и снова спускающийся к груди, Женя всю таращилась по сторонам, оживленно разглядывая стенды других компаний и уже жалея, что она здесь по делу, а не в качестве обычного зеваки. Роботы, спортивный инвентарь с различной электроникой, современные осветительные приборы, детали крупной техники, кое-какие представители этой самой техники, поражающие своей громадностью, блестящим, лакированным покрытием и многофункциональностью и многое, многое другое заворожали девушку настолько, что она даже забыла, с кем идет под ручку, и радостно и наивно улыбалась, будто очутилась в сказочной стране.

Надо сказать, Павел следил за ней внимательным, цепким взглядом и, в какой-то момент накрыв ее пальцы, вцепившиеся в его пиджак, своей крупной ладонью, тихо промурлыкал:

– Нравится тебе здесь, милая?

– Да, очень! – живо откликнулась Женька, с невероятным любопытством оглядывая макет одного из современных жилых районов города, который предполагалось построить в ближайшие годы. – Я обожаю выставки! Мне всегда очень радостно за то, что у людей вокруг меня такая богатая и разносторонняя фантазия, раз они могут изобрести все это!.. Это так интересно и... прекрасно!..

Женька вдруг спохватилась, вспомнив, кому она сейчас все это говорит, и затихла, немного боязливо посмотрев на Павла, который внимательно слушал, впиваясь в нее все тем же охотничьим взглядом. Зная о его намерениях, раскрывать личные интересы перед таким человеком было более чем ошибочно, и Павел это тут же подтвердил следующей фразой:

– Я с удовольствием свожу тебя, куда угодно, красавица, но, все-таки, может быть, ты для начала согласишься сходить со мной в ресторан?

Женька выдохнула, закусив губу. Попала. В очередной раз попала. Если согласиться, то после ресторана будет какой-нибудь театр, прогулка под луной и... В конце концов, ему нужно достичь одной-единственной цели, о которой Жене даже думать было противно. Если отказать? Если отказать, то Павел автоматически перейдет в разряд врагов, коих на этой фирме у Жени и так не мало, включая директора и непосредственного начальника, а она очень хотела бы со всеми дружить и стать частью этого коллектива, и, честно говоря, ей ужасно нравилась ее работа, исключая кофейные подношения великому центру солнечной системы, ярчайшей звезде по имени Солнце Сергею Минаеву. Так что же делать? Пойти против своей воли и завести интрижку на работе с самым омерзительным и озабоченным замдиром, или рискнуть??

А Павел ждал. Его глаза пронизательно изучали Женю, он даже чуть прищурился, сделав свои «зеркала души» еще меньше, насколько это вообще возможно. Женя вздохнула и решила.

– Простите, Павел Юрьевич, но вам не кажется, что это как-то... неправильно? – осторожно, но строго и уверенно, тихо начала она. – Я – секретарь вашего начальника, и... работаю всего две недели... Понимаете, служебный роман... – «или чертова интрижка на одну ночь, как ты мечтаешь», – мысленно добавила Женя, а вслух продолжила аккуратно рассуждать:

– ...служебный роман может помешать мне... закрепиться на новом месте. Вы и сами видите: у нас с Сергеем Викторовичем взаимоотношения не очень... идеальные... – «дерьмовые, проще говоря», – снова подумалось ей, но Женя остановилась и ясным, слегка виноватым, слегка сожалеющим взглядом посмотрела на Павла, который слушал ее с непонятной, хитрой улыбочкой. – Поэтому, как мне кажется, сейчас не очень подходящее время...

– Да, я слышал эту историю... – усмехнувшись, проговорил Краснохатов, с еще большим интересом посмотрев на немного нахмурившуюся девушку, и, видя, что она не совсем понимает, о чем идет речь, он пояснил:

– Ну, о парковке на авторынке, где ты бросилась защищать своего... друга? Кстати, кто это?? – тут же как-то сурово спросил он, но снова переключился. – Так вот, где ты дала Сереге отпор... Он таких не любит, это верно... А еще ему не нравится то, что ты... ну... – он посмотрел на ее волосы, а Женя догадливо закончила за него:

– Рыжая? Да, я в курсе. Просто полный набор. – грустно усмехнулась она и вздохнула. – Вот об этом я и говорю, Павел Юрьевич. У меня сейчас слишком много проблем, чтобы...

Павел вдруг рассмеялся и неожиданно, жадно посмотрев на ее губы вожделенными глазами, провел широкой ладонью по ее мягким кудряшкам и тихо, но весомо проговорил:

– Не переживай, Женечка, я все понимаю. Ты сейчас не готова, тебе нужно время... Хорошо. – он повелительно кивнул. – Будет тебе время. Но... – он приблизил свое круглое лицо к Жениному лицу и выдохнул, окончательно встревожив и даже немного напугав ее последней фразой:

– Но я не отступлюсь. Идем. – он снова добродушно улыбнулся и вновь, против воли Жени, схватил ее руку, сунув себе под локоть, и поволок дальше, где в десяти метрах маячила стойка администрации.

Когда они вернулись к стенду своей фирмы, первые посетители уже ошивались около образцов продукции, а Сергей встретил ее своим обыкновенным, «развеселым» видом и с бешеным раздражением тихо проговорил, опалив девушку ненавистным взглядом:

– Посетители уже идут, где, черт возьми, ты шляешься?!?

Женя подавила в себе вспышку гнева, обиды и агрессии и тоже тихо, но с вызовом ответила:

– Павел Юрьевич велел мне сходить с ним к администраторам! Если я не должна выполнять указания заместителя директора компании, то пожалуйста, Сергей Викторович, включите этот пункт в мою должностную инструкцию, чтобы я в следующий раз знала, как реагировать на фразу «отказы не принимаю».

Сергей вспыхливо посмотрел на плавающего вдоль и поперек толпы Павла, с самым заинтересованным видом разглядывающего фигуры женского пола, и, окликнув его, показал своему заму грозный и весомый кулак. Павел лишь хитро развел руками и пожал плечами, а Сергей вновь грозно посмотрел на покрасневшую от злости Женю и прошипел:

– Иди на свое место! Женя, не нервируй меня!!!

И он стремительно куда-то умчался, исчезнув в толпе, а Женя яростно шепнула, посмотрев ему вслед:

– Как будто это возможно! – и действительно заняла специально приготовленный для себя стул рядом с Семеном, который в этот момент с самым воодушевленным и счастливым видом вглядывался в стенды соседей по арендованным местам.

– А вон там целый вагон метро представлен, можно даже внутрь зайти, посмотреть! – с хитрой улыбкой подначила его Женька, и Семен обреченно застонал.

День прошел почти спокойно: Женя сорвала себе голос, в тысяча сто первый раз рассказывая историю «ЧП» и красочно расписывая направления его жизнедеятельности, но прогресс для фирмы и явная польза от этого, все же, были: во-первых, Лене удалось заключить не менее семи контрактов на выполнение работ, а это обеспечило фирму заказами на пару месяцев вперед, а во-вторых, губернатору, которому Женя с особой выразительностью, бойкостью и самой блестящей улыбкой рассказывала о последних разработках компании, пришлось по душе новые идеи, которые очень помог развить Семен, потому что, главным образом, это были его идеи, и он согласился выделить субсидию на их продвижение, что несказанно обрадовало

и Сергея, и Павла, которые целый день тоже зря время не теряли, приобретая новые полезные связи с главами других фирм и кое с кем даже заключили контракты на закупки деталей для своей продукции.

В общем, все шло прекрасно, день клонился к вечеру и через два часа выставка должна была закончиться кратким выступлением всех приехавших руководителей с небольшими обзорами о своих компаниях, а также с благодарностью всем, кто принимал участие в организации этого мероприятия.

Сергей был спокоен внешне. Женя даже удивлялась, как такой человек, который взрывается по пустякам и очень любит понервничать по поводу и без, улыбается, совершенно невозмутимо о чем-то общается с другими руководителями и, что было еще более удивительным, ведет себя абсолютно галантно по отношению ко всем девушкам вокруг, сияя невесть откуда вылезавшим из него обаянием, мужской уверенностью и ярко выраженной, слегка нагловатой и слегка развязной брутальностью.

Ей, конечно, было обидно, что ситуация сложилась так, как есть. Увидев, как он внимательно заглядывает женщинам в глаза, как красиво улыбается и что-то говорит им в ответ, Женя испытывала глубокую досаду от того, что по отношению к ней, ничего особенно серьезного или плохого ему не сделавшей, не считая дурацкого инцидента на рынке, в его глазах и словах читалась только злость, только раздражение, только превосходство. Что бы она ни делала.

Задумавшись, Женя не заметила, как к ней подошел сияющий лучом свободы и тепла Сема и весело проговорил:

– Не спи, Жека! Минаев разрешил нам полчаса погулять по залу! Идешь?

Женька тут же встрепенулась и со счастливой улыбкой схватила Семена за протянутую руку.

Полчаса пролетели волшебным и незаметно, как, в общем-то, и всегда в обществе Карташова и какой-нибудь выставки. Держась за руки и радостно улыбаясь, они с оживлением разглядывали последние разработки в разных областях промышленной электроники и с необыкновенным интересом беседовали с разработчиками и сотрудниками этих фирм.

Изучая очередное произведение технологического искусства, которое выглядело, как светящийся шар, при раскручивании меняющий цвет и силу сияния, но который Женя с Семеном так и не нашли, куда можно было бы применить с пользой, к Жене подошла Лена.

Ткнув ее в бок и удостоверившись, что Женя ее слушает, Лена с презрительной, ледяной ухмылочкой проговорила:

– Сережа... Сергей Викторович просил тебя найти и передать, чтобы ты принесла ему кофе. Давай, рыжая, метнись по-быстрому! Или мне ему сказать, что ты послала его ко всем чертям??

Женя раздраженно и угрюмо посмотрела на Семена, а затем, с легким недоумением – на Лену:

– А ты бегаешь, его послания передаешь? Ну что ж, тоже достойное занятие. Ему, видимо, показалось, что ты заскучала.

Лена прищурилась и гневно прошипела:

– Не зарывайся, рыжая! Он хорошо попросил, а я позволила себе согласиться... Это только тебе он приказывает, как шавке!

Женя открыла было рот, но Семен снова, как и утром, взял ее за плечо и вышел вперед, холодно и с укором посмотрев на Лену:

– Женя, не надо. Лена. Спасибо, что передала, Женя сейчас сделает Сергею кофе. Не будь такой злой, Лена. Тебе не идет. – спокойно проговорил он, а Лена вдруг отвела глаза, и Жене даже показалось, что в них мелькнули слабые огоньки угрызений совести, но она тут же снова натянула надменную улыбку и, закатив глаза, бросила:

– Отвянь, Карташов. Рыжая, босс ждет! – с ухмылкой сказала она и удалилась, качая бедрами и явно выражая чувство исполненного долга.

Женя вздохнула, печально посмотрев на Семена. Тот взял ее за плечи и, заглянув ей в глаза через свои модные очки, умиротворяюще произнес:

– Не волнуйся, рыжик! Кофейный автомат вон там, сейчас отнесем ему кофе и пойдем дальше смотреть, не вешай свой милый носик, ладно?

Женька усмехнулась, ощутив, как его тепло и уравновешенность передаются и ей, словно каким-то энергетическим потоком, и она кивнула.

Бодрым шагом они дошли до автомата и все таким же бодрым шагом, получив свежую порцию ароматного, горячего эспresso, двинулись в сторону своего стенда, не подозревая о том, что Лена, улыбаясь коварной улыбкой, уже ждала их возвращения.

*** «Минус»

Сергей был в прекрасном расположении духа. Выставка протекала очень успешно: семь заказов! Да еще и не самых маленьких! Пора было закупать новое оборудование: у похожих производственных фирм Минаев видел на фотографиях цехов более современные и многофункциональные, импортные станки, и этот вопрос он собирался решать в ближайшее время, подключив свои кое-какие, не очень добропорядочные связи.

А субсидия от губернатора! Это же просто полный улет! Удача, так удача! Даже рыжая дурында не сплеховала – выдала ему на-гора море полезной и важной информации и улыбалась, словно карту сокровищ разгадала... И откуда она вообще столько знает? Всего-то две недели работает, да еще и не ахти как гладко...

Но Сергею сейчас меньше всего хотелось думать о раздражающей особе по имени Евгения Зябликова, потому что у него было слишком хорошее настроение, чтобы портить его мыслями о ней, а еще потому, что впереди его ждало публичное выступление, к которому он даже не готовился, поскольку никаких трудностей импровизация перед толпой народа у него не вызывала еще со школьных времен, а вот четкость мысли и хладнокровие ему в этом деле точно не повредят...

Глядя на Пашу, который с довольным видом таращился по сторонам и кому-то подмигивал с недвусмысленной улыбкой, Сергей давал очередные распоряжения:

– ...с понедельника нужно пересмотреть отчеты по количеству бракованной продукции и плотно этим заняться, Паша, надо понять причины растущего процента. Для этого созовем совещание, переговорим с ОТК и бригадирами цехов, нужно решить вопрос раз и навсегда... Еще нужно переговорить с «Интерэлектром» на предмет их заказа по тензопреобразователям... Они хотят изменить толщину мембраны и форму, у них какой-то новый корпус датчиков появится... Дай соответствующее распоряжение продавцам и конструкторам... Закупить новую партию проводов... Провести ревизию документов... Паша, ты слушаешь, или как?!? – одернул его Сергей, заметив, с каким вниманием, которое явно отодвигало вышеперечисленные команды на второй план, его заместитель уставился на что-то, или вернее, на кого-то, и недовольно пихнул его под локоть.

– Паша!!

– Прости, Серега, засмотрелся... – с улыбкой, говорящей только о его не очень приличных мыслях, проговорил Павел и, весело подняв брови, примирительно посмотрел на босса. – Да все я понял, чего-то надо с «Интеринтеллектом» порешать...

– «Интерэлект». – гневно поправил его Сергей. – Я тебе второй раз свои указания повторять не буду, не сделаешь на следующей неделе – урежу зарплату на столько нолей, сколько пунктов ты сейчас прохлопал ушами к чертям собачьим!!! Усек, Павел Юрьевич???

Павел удрученно вздохнул, снова уставившись куда-то в толпу с самым хищным видом, и проговорил:

– Да ладно тебе, Серега, все сделаю, не ори только... А, черт, какая же она горяченькая... Жаль, что отказала... Но это пока... Я ее все равно заполучу, сладкую такую девочку... И чего она с этим треклятым Семеном таскается?!?

Сергей ухмыльнулся, подняв брови и проследив за взглядом Павла, попытавшись угадать, кто на этот раз так сильно его впечатлил. По направлению взора двух мужчин находились пожилая супружеская пара, медленно ползущая в сторону выхода, какой-то важный и до страсти усатый господин, разглядывающий стеклянную витрину компании по производству солнечных батарей, и Женя с Семеном и с невесть откуда уже взявшимся в руках девчонки кофе, весело и рьяно что-то обсуждавших. Нахмурившись, Сергей снова посмотрел на Пашу, склонив голову на бок и думая, что он, наверное, чего-то не так увидел, а затем снова перевел глаза в направлении взгляда своего заместителя.

– Павел, да ты о ком говоришь-то на этот раз?? Они у тебя все сладкие и все горяченькие, только что-то отказывают тебе больно часто. – ухмыльнулся Сережа, сунув руки в карманы.

Паша недовольно посмотрел на него и воскликнул:

– Да как о ком, как о ком, Серега?!? У тебя что, со зрением плохо? А то, что отказала... – Павел беспечно пожал плечами. – Поломается, поломается и сдастся, подумаешь! Они же все одинаковые: рестораны, театры, подарки недешевые – и бац! Она уже твоя! А на следующий день «чао, бамбино, сеньорита!» Схема беспроектная, тебе ли не знать. – он снова вздохнул. – Черт, а она мне в мозги конкретно засела, рыженькая малышка...

Сергей вытаращил глаза и с невероятным удивлением посмотрел на приближающуюся к ним Женю, захохотав:

– Так ты что, про Зябликову, что ли??? Ну и ну, Паша, со вкусом у тебя совсем бардак! – он насмешливо посмотрел на круглое, розовощекое лицо, вперившееся в его секретаря, будто она была голливудской актрисой. – Что ты в ней нашел?? Дурында, глупая, маленькая, наивная и сверхблагородная, чтоб ей ее благородство хвостом из поясицы выросло, а эти ее попытки свой борзомер зашкалить? Да еще и рыжая... М-да, Павел, тебе провериться не мешало бы...

Теперь пришла очередь Павла насмешливо таращить на Сергея маленькие глазки.

– Это ты – дурында, Серый, и тебе провериться не мешало бы, раз у тебя фобия рыжих волос... А девчонка эта – просто колорит! Необычная, веселая, а фигурка-то! Просто блеск! Не, Серый, она – лакомый кусочек! Ты просто ей «поросычью рожу» простить не можешь! – и Паша громогласно захохотал, а Сергей, вспомнив тот случай, разозлился.

Сложив руки на груди и угрюмо уставившись на Женю, которая, почему-то, шла прямо к нему, хотя он ее совершенно не звал, а даже наоборот, отправил проветриться, чтобы она не маячила перед ним раздражающим красно-фиолетовым пятном, Сережа внимательно оглядел ее, пытаясь найти те признаки «горячности», «сладкости» и «блеска», о которых тут пел ему Краснохатов.

Ничего особенного... Бледная кожа, тонкие руки, эти кошмарные кудри во все стороны цвета пожара на ферме, глазищи жуткого, отталкивающего оттенка, грудь то ли есть, то ли нет, не поймешь, омерзительные веснушки на лице, да и наверняка на теле имеются – у рыжих почти всегда так, ну и длинные ноги, довольно сносные – единственное достоинство всей ее фигуры. Подумав, Сергей добавил в список недостатков еще и характер: лезет не в свое дело, ответственные моменты портачит, все время с каким-то вызовом смотрит, будто она – Маугли, дитя волков, да и вообще непонятная: то ли умная, то ли глупая, то ли храбрая, то ли скромная... Бред какой-то...

Сергей снова разозлился, теперь уже на то, что целых две минуты работы его мозга были потрачены на раздумья об этой девке, и он махнул рукой, нахмурившись и раздраженно проговорив:

– Да и черт с тобой и с ней, только не думай крутить свои интрижки на работе! Мне, вообще-то, секретарша еще нужна. Все шуры-муры после окончания рабочего дня. – жестко распорядился он, а Павел беспрекословно кивнул:

– Как скажете, Сергей Викторович.

В этот момент Женя, предмет страстного вожеления одного и безграничного раздражения другого, подошла к ним и встала около Минаева, как-то выжидающе взглянув в его глаза. Сергей недоуменно нахмурился, посмотрев на нее в ответ:

– Тебе чего, Женя? – холодно спросил он.

Ее глаза чуть расширились, а брови дрогнули от растерянности и непонимания.

– Кофе... – неуверенно проговорила она, посмотрев на чашку в своих руках, а Сергей, продолжая насмешливо и удивленно смотреть на нее, ухмыльнулся:

– Что, тебе на кофе денег не хватило? В займы дать? – язвительно спросил Сергей, игнорируя то, что она почему-то протягивала чашку ему.

Евгения изумленно вытаращила на него свои странные, фиалковые глаза и все с тем же непониманием и удивлением проговорила:

– Зачем, если он уже у меня в руках? Держите...

В этот момент произошло сразу несколько событий: откуда-то слева вдруг подлетела Лена и что-то начала говорить Сергею насчет еще одного заказа, а Женя вдруг дрогнула всем телом, и кофе, выскользнув из ее рук и описав черную, пенистую дугу, с ароматным «бульк!» переместился из ее стакана прямо на грудь Сереже, обжигая огнем и пропитывая белоснежную рубашку коричневым цветом, стекая по пиджаку вниз, на брюки.

Сергей не успел, как следует, отскочить или сообразить, что происходит, как будто за одну секунду сначала кофе был на положенном ему месте – в пластиковом стаканчике, разрисованном рекламой кофейного автомата, а в следующее мгновение – уже на нем, зато его мозг, умеющий, по-видимому, подзаряжаться злобой и работать автономно от хозяина, моментально выдал через рот гневное восклицание:

– Твою мать, Женя!!!

Однако, в поднявшемся хохоте Краснохатова, его уже никто не услышал, кроме самой Жени, с ужасом глядящей на его испорченную рубашку, пиджак и брюки, Лены, злорадно глядевшей на рыжую девчонку, и самого Паши, превратившегося в хохочущий редис.

Женька с огромным ужасом смотрела, как Сергей, поднявшись на самую верхнюю точку своего гнева, стремительно скидывает пиджак и, с силой и, наверное, больно хватая ее за локоть и громко орет ей в лицо:

– Убью, дура!!! Ты зачем это сделала??? Ты зачем этот чертов кофе мне притащила??? У ТЕБЯ ЧТО, СОВСЕМ МОЗГОВ...

– Сережа, Сережа, успокойся! – воскликнул Павел, тряхнув Сергея за плечо своей огромной ручищей. – Она же не специально, не кричи...

– А ты не лезь!! – сбросив его руку, рывкнул Сергей, мимоходом взглянув на Павла яростным взглядом, и, чувствуя, что его сердце сейчас разлетится ко всем чертям от ядерного гнева, кипящего в каждой его клеточке и срывающего ему крышу не хуже торнадо, он снова посмотрел на растерянную и испуганную Женьку, которая вдруг опомнилась и в невероятном ужасе затараторила, слегка коснувшись пальцами пятна на его рубашке:

– Простите, Сергей Викторович, простите!!! Я не хотела, честное слово, но вы же сами кофе просили, а я...

Сергей на секунду вынырнул из моря бешенства и импульсивно воскликнул:

– Что ты несешь, Зябликова??? Когда это я просил тебя принести мне кофе?!? Мы же, черт возьми, не в офисе, у тебя что, крыша поехала?!? Черт... – он хмуро посмотрел на свою рубашку и пятно на брюках, лихорадочно соображая, что теперь делать: через сорок минут ему выступать, не пойдет же он на сцену в таком виде!..

Женя вдруг схватила его за локоть, и Сергей с омерзением поморщился: как же он ненавидел ее в этот момент! Даже стоять рядом с ней, видеть это растерянное и испуганное веснушчатое лицо было выше его сил!! Уволить, уволить, гнать ее к шутам с фирмы как можно скорее, она ему одни только проблемы приносит, и зачем он вообще ее взял, идиотку такую?!? Дура, дура, как же он ее ненавидит, кто бы знал!!!

– Сергей Викторович, я все исправлю, давайте, я сбегая и куплю вам рубашку? – неожиданно заявила Женя, и Сергей даже на минуту перестал злиться, изумленно уставившись на нее. – Ну же, давайте, а? Скажите размер, я куплю не хуже, пожалуйста! – чуть ли не с мольбой тараторила раскрасневшаяся Женя, а ее глаза были на мокром месте, но она держалась, не плакала.

Находясь на апогее своего отвращения к ней, Сергей даже помыслить не мог, чтобы эти бледные руки притронулись к его одежде, а уж тем более, что она сможет выбрать ему рубашку «не хуже»... Да у нее зарплаты даже на половину этой рубашки не хватит, о чем она вообще??? Он гневно выдохнул, сделав от Жени шаг назад и уже представляя, с каким наслаждением он проорет ей в лицо, что она уволена, Сергей вдруг ощутил нежную, теплую руку на своем плече и услышал спасительный ласковый голос Лены:

– Сережа, Сережа, успокойся, слышишь? Здесь неподалеку есть «Вондермен», я на машине, сейчас съезжу и привезу тебе рубашку. А брюки...

– А брюки, если спросят, скажем, что забыл подгузник одеть. С кем не бывает. – гневно съязвил Сергей, закатив глаза, и Лена хихикнула, нежно сжав ладонью его плечо:

– А брюки можно почистить пока в туалете, никто ничего не заметит на черном, будь уверен. Что ж сделать, если твоя секретарша такая криворукая... – вздохнула она, мстительно посмотрев на Женю, а та, вся красная, как помидор, выдала странную фразу:

– Ты правда думаешь, что от твоего тычка в мою спину у меня руки кривыми сделались? Не лсти себе!

Но, впрочем, Сергею некогда было разбираться. Он достал кошелек и, открыв, вытащил оттуда несколько пятидесятирублевых купюр, протянув Лене:

– Давай, Лен, съезди.

– Но... – начала было Женя, но Сергей, не в состоянии остановить новый приступ яростной истерии, с огромным удовольствием мстительно процедил:

– Уж лучше ты, чем она мне привезет тряпье из секонд-хенда.

Лена лучезарно улыбнулась и ушла, качая бедрами, а Женя вздрогнула, не сводя глаз с Сергея.

Сережа посмотрел на нее: вся красная, глаза расширены, ей страшно, ей стыдно, но при этом ее злость на него все равно сияла огромным знаменем, несмотря ни на что, и это окончательно утвердило его в своем решении.

Снова бешено схватив ее под локоть, он с силой дернул ее к себе и, наклонившись к рыжим, дурацким, ненавистным кудрям, с огромным удовлетворением зашептал:

– Ну все, девочка, хватит, ты...

– Сергей! – вдруг окликнул его строгий голос Павла, и он от неожиданности даже обернулся. Павел был зол. Он редко бывает зол, но сейчас уголки его толстых губ опустились, а красное лицо выражало холод и неодобрение. Он отрицательно покачал головой:

– Не делай глупостей. Слышишь? Не делай глупостей!

Сергей как-то разом остыл. Странно, но слова Павла, отчего-то, повлияли на него, и теперь он даже мог контролировать злость... Уволить ее за то, что она случайно пролила на него кофе?? Действительно абсурд, непрофессионально и... нечестно. Он дал ей шанс. Дал ей испытательный срок. Со своей работой она справлялась, так по какой статье он вышибет ее???

Зарывав от бессилия, Сергей со злостью дернул подрагивающую и не глядящую на него Женю, лицо которой было опущено и закрыто волосами, и, снова наклонившись к ее уху и почувствовав тонкий аромат цветов, он речитативом злобно процедил:

– Выговор с занесением в личное дело и полгода без премии, все ясно, Зябликова??? А теперь пошла прочь отсюда! Твой рабочий день на сегодня окончен!!! – почти прокричал он ей в ухо и грубо оттолкнул от себя.

Женя на миг подняла на него лицо: сияющие обидой и болью глаза, вперемешку с гневом и ненавистью, злобной, открытой, безграничной, а затем она отвернулась и побежала к стенду. Схватив куртку и сумку, столкнувшись с Семеном, который тревожно посмотрел на нее, обхватив ее лицо ладонями, и что-то ей сказал, она кивнула и бегом убежала прочь. Через минуту ее в помещении уже не было.

– Ты очень грубо с ней поступил. – жестко сказал Павел, сурово глядя на Сергея, хмуро пялящегося туда, где только что скрылась из виду Женя, и разрываемого на части от сложных и противоречивых эмоций. – Неужели она настолько бесит тебя?? Удивительно. – он подошел к Сереже и, хлопнув его по плечу, хмыкнул:

– И кстати, по-моему, это Ленка ее толкнула.

И Павел развязной походкой двинулся к стендам, оставив Сергея в бешенстве на себя переваривать эту информацию. Сережа неистово топнул ногой, злясь на ту идиотскую ситуацию, в которую его опять поставила эта Женя... И почему внутри него опять пульсирует это сдавливающее чувство в груди?? Он же терпеть ее не может, так при чем здесь жалость?? Чертовщина какая-то... Нетерпеливо выдохнув, Сергей закинул пиджак за плечо и уверенно и стремительно зашагал в туалет, приводить себя в порядок и успокаивать разыгравшиеся нервы.

*** «Плюс»

«Очень хотела прыгнуть с моста.
Секунды тик-так. Отчаяние в такт. Стала ненужной.
Прости, красота, стала вчерашней,
Простой и не важной; Не стоит считать до ста!

Без тебя нет ее, без тебя ее нет!
Море – закат, суша – рассвет!
Могла только так она, и верно – была права:
Он говорил, он говорил – ей говорил слова.

Камешек в воду, от тела круги;
Спины изумительно нежный прогиб,
Вчера целовались, сегодня – погиб.
И все при своих, и я рада за них;
И все при своих, когда топят других!
Без тебя нет ее, без тебя ее нет!
Море – закат, суша – рассвет!
Могла только так она, и верно – была права:
Он говорил, он говорил – ей говорил слова.

Очень хотела – и мост проводил;
И он по мостам никогда не ходил,
Но знает, узнает, что ждет впереди,
Но выживут только влюбленные,

Только влюбленные, только влюбленные,
Только влюбленные, только!

Без тебя нет ее, без тебя ее нет!
Море – закат, суша – рассвет!
Могла только так она, и верно – была права:
Он говорил, он говорил...

Без тебя нет ее, без тебя ее нет!
Море – закат, суша – рассвет!
Могла только так она, и верно – была права:
Он говорил, он говорил – ей говорил слова!
Он говорил, он говорил – ей говорил слова...

Женя заливалась слезами, обессиленно облокотившись на руль своей «ласточки» и слушая радио, заглушающее ее мысли гитарными рифмами и пронзительным голосом, заполнившим каждую клеточку ее обиженного, ее расстроенного и вконец запутавшегося сердца, заражая ее все новым и новым отчаянием и запуская очередные дорожки слез по ее щекам.

«Секунды тик-так. Отчаянье в такт. Стала не нужной...»

Она стучится в закрытую дверь. Женя определенно ощущала это, она громко стучит, в надежде, что приоткроется хотя бы щелочка, и девушка сможет туда пробраться, найти свое место, стать частью этого маленького мирка под названием «Черный полюс»...

Но все бесполезно. У нее нет шансов. Слишком много отрицательных факторов, слишком много препятствий... Возможно, когда какое-то место так сильно сопротивляется, не желая принимать нас, это просто означает, что оно не наше? Не для нас, а для кого-то другого?.. Ей, наверное, стоит уволиться. Отступить, не мучиться и найти другую работу, тем более Минаев лишил ее премии...

«Камешек в воду, от тела круги... Спины изумительно нежный прогиб... Вчера целовались...»

Мда. Погибла ее последняя надежда накопить Поле на путевку к следующему сентябрю... Полгода без премии! Да это конец! Конец всем ее планам, конец бессмысленному и жесткому упорству, с каким она работала... Зачем теперь ей стараться, после всего? Минаев ее никогда не зауважает, никогда не станет относиться к ней по-человечески, пока Вика и Лена с чертовым остервенением подставляют ее на каждом шагу!

«Кто знает – узнает, что ждет впереди? Но выживут только влюбленные, только влюбленные, только влюбленные...»

Женька вздохнула. Да что за песня-то такая? Он погиб, она?.. Тоже, потому что... любила его?.. А вот у нее нет любви. Интересно, было бы проще, если бы она была влюблена?

Женя улыбнулась сквозь слезы. Нет. Разве любовь – это просто? Или?.. Да. Было бы проще. Она была бы не одна. У нее был бы кто-то, кто поддержал бы ее в этой мерзкой ситуации, кто-то, кто заступился бы за нее, кто-то очень близкий и такой нужный, что...

«Без тебя нет ее, без тебя ее нет. Море – закат, суша – рассвет. Могла только так она, и, верно, была права, он говорил...»

А что она может в данной ситуации? Какой выбор сделает Женя Зябликова на этом перекрестке? Девушка из песни была проникнута суицидальным настроением, поскольку не видела смысла продолжать жизнь дальше, без него... Женя находила это противоестественным, ей казалось, что если Бог забирает у нас кого-то очень близкого и дорогого, то вряд ли для того, чтобы посмотреть, каким способом мы решим последовать за ним... Да, смысл жизни утрачен, но... Есть и другие дороги, нужно лишь шагнуть, сделать над собой неимоверное усилие и продолжать двигаться, потому что мы еще живы, наши сердца бьются, бьются не для того,

чтобы прозябать в страдании, а для того, чтобы научиться принимать потери и, не забывая никогда о тех, кто ушел, иметь в себе силы найти новый смысл, свой новый путь и жить для тех, кому мы действительно нужны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.